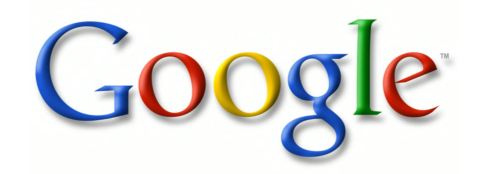

5 /

[redacted]

ЖИВАЯ СТРУНА.

СБОРНИКЪ

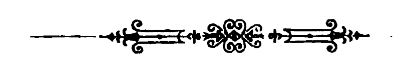
СТИХОТВОРЕНІЙ и КУПЛЕТОВЪ

ЧИТАННЫХЪ и ПѢТЫХЪ:

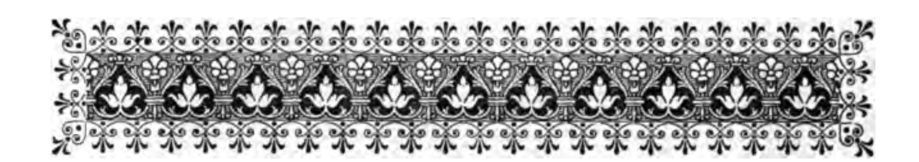
П. А. Никитинымъ, И. И. Монаховымъ, Л. И. Градовымъ-Соколовымъ, И. Григоровскимъ, А. З. Бураковскимъ, М. Петипа, Г. Панчинымъ, Завадскимъ, Лентовскимъ, Войтовичемъ, Брагинымъ, Н. Вергинымъ, Емельяновымъ-Невскимъ и друг.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Дома Призрѣнія Малолѣтнихъ Бѣдныхъ. Лиговская ул., 26.
1895.

Из книг А. В. Кокорѣва

Русская фантазія.

Самогуды гусельки, гусельки старинныя,
Русскія, пѣвучія гусельки мои,
Струны чисто золото, струны заунывныя
Яркія, пѣвучія—струнушки—огни.

Ты ли, гостья милая, легкой вешней тученькой
Съ вѣтеркомъ полуденнымъ неслась надъ землей,
Притронула струнушки бѣлой своей рученькой—
Вѣщія пригрянули пѣсенкой родной,

Пѣсенкой знакомою, звонкою, веселою,
Что пѣвалъ, бывало, я въ ясные деньки
Пѣсней подо-Донною, думушкой тяжелою,
Что въ грозу срывалася молніей съ души;

Словно изъ-зарѣченьки утромъ съ свѣжей росинкой,
Вѣетъ мнѣ скошенною, полою травой,
Точно снова прежнею ѣду я дороженькой
И колышетъ полюшко рожью золотой.

Вотъ она кормилица, мать рѣка раздольная,
Паруса, что лебеди, нехотя плывутъ,
Юность невозвратная, жизнь моя привольная,
Думы мои—ласточки по небу снуютъ,

По небу, по небушку, молніей огнистою
Мечутся съ серебрянымъ звономъ вширь да въ высь,
То пригрянутъ дождикомъ надъ волною быстрою
Внизъ по Волгѣ-матушкѣ, смотришь, понеслись.

За притонъ Царицынскій, гдѣ гулялъ, пошаливалъ
По осеннимъ ноченькамъ, атаманъ Донской;
Кистенемъ натѣшившись, жаловалъ, причаливалъ
Ночевать ко вдовушкѣ, бабѣ молодой.

Знала-ль Волга-матушка, знали-ль темны ноченьки,
Видалъ-ли Хвалынщины вѣтеръ низовой,
Какъ до зорьки зореньки, не смыкая оченьки,
Сиживалъ со вдовушкой соколъ молодой?!

Гдѣ тѣ рѣчи жаркія, пѣсни задушевныя,
Поцѣлуи, проводы утренней порой,
Надъ златымъ колечушкомъ думушки безсмѣнныя
Любитъ впрямь, иль тѣшится надо мной вдовой?

На полпѣсни струнушки моремъ всколыхалися,
Бурей, зимней вьюгою взвыли, залились,
Ельничкомъ, березничкомъ думушки помчалися,
Неоглянымъ полюшкомъ, степью понеслись.

Вспомнилась крещенская ноченька беззвѣздная,
Колокольчикъ плачется, стонетъ и визжитъ,
Не видать дороженьки, сгибла непроѣздная,
Непогодь, мятелица мечетъ и крутитъ.

Встрѣнься, выдь, красавица, съ бровью соболиною,
Приласкаетъ вихрь тебя, шубку распахнетъ,
И умчится съ посвистомъ, прытью соколиною,
Вздумаетъ,—надумаетъ, можетъ—завернетъ!

Н. Чаевъ.

Нива.

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь—повсюда рожь густая!
Иду, съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мною,
И колютъ мнѣ лицо. Иду я, наклоняясь,
Какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.
О, божья благодать!.. О, какъ прилечь отрадно!
Мнѣ въ тѣнь высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я на всемъ полей просторѣ
И жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
Вонъ—по зарѣ стучатъ проворные цѣпы;
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана и меда;
Вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
На пристаняхъ кули валятся вдоль рѣки;
Гуськомъ, какъ муравьи, проходятъ бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая,
И длинной бичевой по влагѣ ударяя.
О, Боже! Ты даешь для родины моей,
Тепло и урожай, дары святые неба,
Но хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣяла весна,
И непогодами не сгубленныя зерна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно;

О, дай намъ солнышко! пошли ты ведра намъ,
Чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ!
Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, стариками
Придти на тучныя ихъ нивы подышать,
И, позабывъ, что мы ихъ полили слезами,
Промолвить: „Господи! какая благодать!"

А. Майковъ.

Пѣсня Еремушкѣ.

„Стой, ямщикъ! жара несносная,
Дальше ѣхать не могу!"
Вишь пора-то сѣнокосная—
Вся деревня на лугу.

У двора у постоялаго
Только нянюшка сидитъ,
Закачавъ ребенка малаго,
И сама почти-что спитъ;

Черезъ силу тянетъ пѣсенку,
Да, зѣвая, креститъ ротъ.
Сѣлъ я рядомъ съ ней на лѣсенку;
Няня дремлетъ и поетъ:

„Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтобъ на свѣтѣ сиротиночкѣ
Безпечально вѣкъ прожить.

Сила ломитъ и соломушку—
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшіе Еремушку
Въ люди вывели скорѣй.

Въ люди выйдешь, все съ вельможами
Будешь дружество водить,
Съ молодицами пригожими
Шутки вольныя шутить.

И привольная, и праздная
Жизнь покатится шутя...“
Эка пѣсня безобразная!
— Няня! дай-ка мнѣ дитя!

„На, родной! да ты откудова?“
— Я проѣзжій городской,—
„Покачай; а я покудова
Подремлю... да пѣсню спой!“

— Какъ не спѣть! спою, родимая,
Только, знаешь, не твою.
У меня своя, любимая...
— „Баю—баюшки баю!

— Въ пошлой лѣни усыпляющій
Пошлыхъ жизни мудрецовъ,
Будь онъ проклятъ, растлѣвающій
Пошлый опытъ—умъ глупцовъ!

Въ насъ подъ кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человѣческой
Плодотворное зерно.

— Будь счастливѣй! Силу новую
Благородныхъ юныхъ дней
Въ форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

— Жизни вольнымъ впечатлѣніямъ
Душу вольную отдай,
Человѣческимъ стремленіямъ
Въ ней проснуться не мѣшай.

— Съ ними ты рожденъ природою—
Возлелѣй ихъ, сохрани!
Братствомъ, Истинной, Свободою
Называются они.

— Возлюби ихъ! на служеніе
Имъ отдайся до конца!
Нѣтъ прекраснѣй назначенія,
Лучезарнѣй нѣтъ вѣнца!

— Будешь рѣдкое явленіе,
Чудо родины своей;
Не холопское терпѣніе
Принесешь ты въ жертву ей:

— Необузданную, дикую
Къ лютой подлости вражду
И довѣренность великую
Къ безкорыстному труду.

— Съ этой ненавистью правою,
Съ этой вѣрою святой
Надъ неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой...

— И тогда-то"... Вдругъ проснулося
И заплакало дитя.
Няня быстро встрепенулася
И взяла его крестя.

„Покормись родимый, грудкою!
Сытъ?.. Ну, баюшки баю!"
И запѣла надъ малюткою
Снова пѣсенку свою...

Н. Некрасовъ.

Новый Прометей.

Давно міръ цѣлый содрогался,
Какъ въ страшныхъ мукахъ, въ темной мглѣ,
Къ свободѣ, къ свѣту порывался
Титанъ, прикованный къ скалѣ,

Когда весна цвѣла на югѣ,
Его охватывала тьма,
Въ его лицо хлестали вьюги,
И кровь морозила зима.

Надъ нимъ, то съ бѣшенствомъ, то ноя,
Холодный вѣтеръ вылъ кругомъ,
И солнце, словно ледяное,
Дремало въ небѣ ледяномъ.

Отъ лютой стужи цѣпенѣя,
Окровавленный отъ цѣпей,
Надъ бездной двигаться не смѣя,
Титанъ глядѣлъ сквозь мракъ степей—

Въ далекій край тепла и свѣта;
Всѣмъ существомъ рвался туда,
Гдѣ вѣчно ласковое лѣто
Не умираетъ никогда;

Гдѣ люди вольны словно птицы...
И онъ стоналъ, закрывъ глаза,
И сквозь промерзшія рѣсницы
Сбѣгала жгучая слеза.

Такъ перенесъ титанъ могучій
Тысячелѣтній, тяжкій гнетъ.
Вдругъ надъ собой за черной тучей
Услышалъ голосъ онъ съ высотъ:

— „Мнѣ стало жаль тебя, сынъ праха!
Мой справедливый гнѣвъ ослабъ.
Стряхни же цѣпь съ себя безъ страха,
Иди—ты болѣе не рабъ!“

И голосъ стихъ. Изъ-за тумана
Сверкнулъ Зевеса строгій ликъ,
И съ изумленнаго титана
Оковы спали въ тотъ же мигъ.

И новый міръ предъ нимъ открылся—
Свободы, братства и любви,
И пламя вспыхнуло въ крови,
И духъ воскресшій окрылился.

Исчезли язвы старыхъ ранъ
Въ желанный часъ освобожденья,
И для борьбы, для наслажденья
Въ вихрь жизни ринулся титанъ.

Но какъ привыкъ онъ къ мраку ночи,
Такъ къ рабству душу пріучилъ,
Что блескъ свободы ослѣпилъ
Его измученныя очи.

Какъ звукъ въ молчаньи гробовомъ,
Дика была ему свобода;
Среди свободнаго народа
Онъ сознавалъ себя рабомъ.

Какъ въ клѣткѣ звѣрь онъ озирался
Гулъ жизни слухъ его пугалъ;
Онъ силъ чужихъ не испыталъ
И силы собственной боялся.

И вновь рвался онъ на землѣ,
Съ какимъ-то новымъ чувствомъ боли,
Къ своимъ цѣпямъ, къ своей неволѣ,
Къ своей заоблачной скалѣ.

— „О ты, Зевесъ, властитель свѣта!“
Онъ говорилъ какъ: „какъ новый адъ,
Меня терзаетъ воля эта!..
Отдай оковы мнѣ назадъ,

И мой утесъ обледенѣлый,
Среди заоблачныхъ небесъ!..
— Пусть будетъ такъ: сказалъ Зевесъ:
Какъ хочешь, смертный, такъ и дѣлай,

Не глухъ къ твоимъ желаньямъ былъ
По безконечной добротѣ я!..
И вновь титана—Прометея
Юпитеръ на цѣпь посадилъ.

Д. Минаевъ.

Грѣшница.

I.

Народъ кипитъ; веселье, хохотъ,
Звонъ лютней и кимваловъ грохотъ,
Кругомъ и зелень, и цвѣты,
И межъ столбовъ, у входа дома,
Парчи тяжелой переломы
Тесьмой узорной подняты.
Чертоги убраны богато,
Вездѣ горитъ хрусталь и злато,
Возницъ и коней полонъ дворъ;
Тѣснясь за трапезой великой,
Гостей пируетъ шумный хоръ,
Идетъ, сливаяся съ музыкой,
Ихъ перекрестный разговоръ.
Ничѣмъ бесѣда не стѣснима,
Они свободно говорятъ

О ненавистномъ игѣ Рима,
О томъ какъ властвуетъ Пилатъ,
О ихъ старшинъ собраньи тайномъ
Торговлѣ, мирѣ и войнѣ,
И мужѣ томъ необычайномъ,
Что появился въ ихъ странѣ:

II.

„Любовью къ ближнимъ пламенѣя,
„Народъ смиренью Онъ училъ,
„Онъ всѣ законы Моисея
„Любви закону подчинилъ.
„Не терпитъ гнѣва Онъ, ни мщенья.
„Онъ проповѣдуетъ прощенье,
„Велитъ за зло платить добромъ,
„Есть не земная сила въ Немъ:
„Слѣпымъ онъ возвращаетъ зрѣнье,
„Даритъ и крѣпость, и движенье
„Тому кто былъ и слабъ, и хромъ.
„Ему признанія не надо,
„Сердецъ мышленье отперто,
„Его пытающаго взгляда
„Еще не выдержалъ никто.
„Цѣля недугъ, врачуя муку,
„Вездѣ спасителемъ Онъ былъ,
„И всѣмъ простеръ благую руку
„И никого не осудилъ.
„То, видно, Богомъ мужъ избранный.
„Онъ тамъ, по ónполъ Iордана
„Ходилъ какъ посланный небесъ,
„Онъ много тамъ свершилъ чудесъ,
„Теперь пришелъ онъ, благодушный,
„На эту сторону рѣки,
„Толпой прилежной и послушной
„За нимъ идутъ ученики“.

III.

Такъ гости, вмѣстѣ разсуждая,
За длинной трапезой сидятъ,
Межъ ними, чашу осушая,
Сидитъ блудница молодая;
Ея причудливый нарядъ
Невольно привлекаетъ взоры:
Ея нескромные уборы
О грѣшной жизни говорятъ.
Но дѣва падшая прекрасна,
Взирая на нее, наврядъ
Предъ силой прелести опасной,
Мужи и старцы устоятъ:
Глаза насмѣшливы и смѣлы,
Какъ снѣгъ Ливана зубы бѣлы,
Какъ зной улыбка горяча;
Вкругъ стана падая широко,
Сквозныя ткани дразнятъ око,
Съ нагаго спущены плеча.
Ея и серги, и запястья,
Звеня къ восторгамъ сладострастья,
Къ утѣхамъ пламеннымъ зовутъ,
Алмазы блещутъ тамъ и тутъ,
И тѣнь бросая на ланиты,
Во всемъ обиліи красы,
Жемчужной нитью перевиты,
Падутъ роскошные власы,
Въ ней совѣсть сердца не тревожитъ,
Стыдливо не вспыхаетъ кровь;
Купить за злато всякій можетъ
Ея продажную любовь.

И внемлетъ дѣва разговорамъ,
И ей они звучатъ укоромъ,
Гордыня пробудилась въ ней,
И говоритъ съ хвастливымъ взоромъ:

„Я власти не страшусь ни чьей!
„Закладъ со мной держать хотите-ль?
„Пускай предстанетъ вашъ учитель.
„Онъ не смутитъ моихъ очей!“

IV.

Вино струится, шумъ и хохотъ,
Звонъ лютней и кимваловъ грохотъ,
Куренье, солнце и цвѣты—
И вотъ къ толпѣ, шумящей праздно,
Подходитъ мужъ благообразный,
Его Чудесныя черты,
Осанка, поступь и движенья,
Во блескѣ юной красоты,
Полны огня и вдохновенья;
Его величественный видъ
Неотразимой дышетъ властью,
Къ земнымъ утѣхамъ нѣтъ участья,
И взоръ въ грядущее глядитъ.
То мужъ на смертныхъ не похожій.
Печать избранника на немъ,
Онъ свѣтелъ, какъ архангелъ Божій,
Когда Пылающимъ мечемъ
Врага въ кромешныя оковы
Онъ гналъ по манью Іеговы.
Невольно грѣшная жена
Его величьемъ смущена,
И смотритъ робко взоръ понизивъ;
Но, вспомня свой недавній вызовъ,
Она съ сѣдалища встаетъ,
И станъ свой выпрямивши гибкій,
И смѣло выступивъ впередъ,
Пришельцу съ дерзкою улыбкой
Фіалъ шипящій подаетъ.

„Ты тотъ, что учитъ отреченью?
„Не вѣрю твоему ученью,

„Мое надежнѣй и вѣрнѣй.
„Меня смутить не мысли нынѣ,
„Одинъ скитавшійся въ пустынѣ,
„Въ постѣ проведшій сорокъ дней!
„Лишь наслажденьемъ я влекома,
„Съ постомъ, съ молитвой не знакома,
„Я вѣрю только красотѣ,
„Служу вину и поцѣлуямъ,
„Мой духъ Тобою не волнуемъ,
„Твоей смѣюсь я чистотѣ!“

И рѣчь ея еще звучала,
Еще смѣялася она.
И пѣна легкая вина
По кольцамъ рукъ ея бѣжала,
Какъ общій говоръ вдругъ возникъ,
И слышитъ грѣшница въ смущеньи:
„Она ошиблась! Въ заблужденье
„Ея привелъ пришельца ликъ;
„То не учитель передъ нею,
„То Іоаннъ изъ Галилеи,
„Его любимый ученикъ“.

V.

Небрежно немощнымъ обидамъ
Внималъ онъ дѣвы молодой,
И вслѣдъ за нимъ, съ спокойнымъ видомъ,
Подходитъ къ храминѣ другой.
Въ его смиренномъ выраженіи
Восторга нѣтъ, ни вдохновенья,
Но мысль глубокая легла
На очеркъ дивнаго чела.
То не пророка взглядъ орлиный,
Не прелесть ангельской красы,—
Дѣлятся на двѣ половины
Его волнистые власы;
Поверхъ хитона упадая,

Одѣта риза шерстяная
Простою тканью стройный ростъ,
Въ движеньяхъ скроменъ онъ и простъ;
Ложась вкругъ устъ его прекрасныхъ,
Слегка раздвоена брада,—
Такихъ очей благихъ и ясныхъ
Никто ни видѣлъ никогда.
И пронеслося надъ народомъ
Какъ дуновенье тишины,
И чудно благостнымъ народомъ
Сердца гостей потрясены.
Замолкнулъ говоръ. Въ ожиданьи
Сидитъ недвижное собранье,
Тревожно духъ переводя—
И Онъ, въ молчаніи глубокомъ,
Обвелъ сидящихъ тихимъ окомъ.
И въ домъ веселья не входя,
На дерзкой дѣвѣ самохвальной
Остановилъ свой взоръ печальный.

VI.

И былъ тотъ взоръ какъ лучъ денницы,
И все открылося ему,
И въ сердце сумрачномъ блудницы,
Онъ разогналъ ночную тьму.
И все, что было тамъ таимо
Въ грѣхѣ, что было свершено,
Въ ея глазахъ неумолимо,
До глубины озарено.
Внезапно стала ей понятна
Неправда жизни святотатной,
Вся ложь ея порочныхъ дѣлъ—
И ужасъ ею овладѣлъ.
Уже на грани сокрушенья
Она постигла въ изумленьи,
Какъ много благъ, какъ много силъ
Господь ей щедро подарилъ,

И какъ она восходъ свой ясный,
Грѣхомъ мрачила ежечасно.
И въ первый разъ гнушаясь зла,
Она въ томъ взорѣ благодатномъ
И кару днямъ своимъ развратнымъ
И милосердіе прочла.
И чуя новое начало,
Еще страшась земныхъ препонъ,
Она колебляся стояла...
И вдругъ въ тиши раздался звонъ
Изъ рукъ упавшаго фіала,
Стѣсненной груди слышенъ стонъ,
Блѣднѣетъ грѣшница младая,
Дрожатъ открытыя уста—
И пала ницъ она, рыдая,
Предъ святынею Христа!

Гр. А. Толстой.

Монологи.

I.

И ночь, и мракъ!.. Какъ все томительно-пустынно!
Безсонный дождь стучитъ въ мое окно,
Блуждаетъ лучъ свѣчи, мѣняясь съ тѣнью длинной,
И на сердцѣ печально и темно...
Былые сны! душѣ разстаться съ вами больно.
Еще ловлю я призраки вдали,
Еще желаніе въ груди кипитъ невольно;
Но жизнь и мысль убили сны мои...
Мысль, мысль! какъ страшно мнѣ теперь твое движенье.
Страшна твоя тяжелая борьба!

Грознѣй небесныхъ бурь несешь ты разрушенье,
Неумолима, какъ сама судьба.
Ты миръ невинности давно во мнѣ сломила,
Меня на вѣкъ въ броженье вовлекла,
За вѣрой вѣру ты въ моей душѣ сгубила,
Вчерашній свѣтъ мнѣ тьмою назвала.
Отъ прежнихъ истинъ я отрекся правды ради,
Для свѣтлыхъ сновъ на ключъ я заперъ дверь,
Листъ за листомъ я рвалъ завѣтныя тетради,
И все изорвано теперь.
Я долженъ надъ своимъ безсиліемъ смѣяться,
И видѣть вкругъ безсиліе людей,
И трудно въ правдѣ мнѣ внутри себя признаться
А правду высказать еще труднѣй.
Предъ истиной покой исчезъ . . . .
И гордость личная, и сны любви,
И впереди лежитъ пустынная дорога
Да тщетный жаръ еще горитъ въ крови.

II.

Скорѣй, скорѣй топи средь дикихъ волнъ разврата
И мысль, и сердце, нѣшу чувствъ и думъ;
Не смѣйся надо всѣмъ, что такъ казалось свято,
И смѣло жизнь растрать на пиръ и шумъ!..
Сюда, сюда бокалъ съ играющею влагой!
Сюда, Вакханка! слухъ мнѣ очаруй
Ты пѣсней полною разгульною отвагой,
На золото продай мнѣ поцѣлуй...
Вино кипитъ во мнѣ, и жжетъ меня лобзанье...
Ты хороша! о, слишкомъ хороша!
Зачѣмъ опять въ груди проснулося страданье.
И будто вздрогнула моя душа!..
Зачѣмъ ты хороша? забытое мной чувство,
Красавица, зачѣмъ волнуешь вновь?
Твоихъ томящихъ ласкъ постыдное искусство
Ужель во мнѣ встревожило любовь?

Любовь, любовь!.. о, нѣтъ, я только сожалѣнье,
Погибшій ангелъ, чувствую къ тебѣ...
Поди, ты мнѣ гадка! я чувствую презрѣнье
Къ тебѣ, продажной, купленной рабѣ!
Ты плачешь? Нѣтъ не плачь. Какъ, я тебя обидѣлъ?..
Прости, прости мнѣ,—это паръ вина.
Когда-бъ я не любилъ, вѣдь я-бъ не ненавидѣлъ...
Постой, душа къ тебѣ привлечена:—
Ты болѣ съ устъ моихъ не будешь знать укора.
Забудь всю жизнь прожитую тобой,
Забудь весь грязный путь порока и позора,
Склонись ко мнѣ прекрасной головой...
Страдалица страстей, страдалица желанья,
Я на душу тебѣ навѣю сны:
Ее вновь оживитъ любви моей дыханье,
Какъ бабочку дыханіе весны.
Что-жъ ты молчишь, дитя, и смотришь въ удивленьи,—
А я не пью мой налитой бокалъ?..
Проклятіе!.. Опять ненужное мученье
Внутри души я гдѣ-то отыскалъ...
Но на плечо ко мнѣ она, склоняся, дремлетъ,
И что во мнѣ—ей непонятно то.
Недвижно я гляжу, какъ сонъ ей грудь подъемлетъ,
Я глупо трачу сердце за-ничто...

III.

Чего хочу?.. чего?.. О, такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой—ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь...
Чего хочу? Всего со всею полнотою:
Я жажду знать, я подвиговъ хочу,
Еще хочу любить съ безумною тоскою,
Весь трепетъ жизни чувствовать хочу!..
А втайнѣ чувствую, что всѣ желанья тщетны,
И жизнь скупа, и внутренно я хилъ;
Мои стремленія замолкнутъ безотвѣтны,

Въ попыткахъ я запасъ растрачу силъ.
Я самъ себѣ кажусь, подавленный страданьемъ,
Какимъ-то жалкимъ, маленькимъ глупцомъ,
Среди безбрежности затеряннымъ созданьемъ,
Томящимся въ броженіи пустомъ...
Духъ вѣчности обнять за-разъ не въ нашей долѣ,
А чашу жизни пьемъ мы по глоткамъ:
О томъ, что выпито, мы все жалѣемъ болѣ,
Пустое дно все больше видно намъ;
И съ каждымъ днемъ душѣ тяжелѣ устарѣлость,
Больнѣе помнить и страшнѣй желать,
И кажется, что жить отчаянная смѣлость;
Но биться пульсъ не можетъ перестать...
И дальше я живу въ стремленьи безотрадномъ,
И жизни крестъ беру я на себя,
И весь душевный жаръ несу въ движеньи жадномъ,
За мигомъ мигъ хватая и губя.
И все хочу... чего?.. О, такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой—ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь!..

Н. Огаревъ.

«Слушай!»

Какъ дѣло измѣны, упавшая рано
Осенняя ночка черна;
Чернѣе той ночи встаетъ изъ тумана
Видѣніемъ чуднымъ тюрьма.
Кругомъ часовые шагаютъ лѣниво,
Въ ночной тишинѣ, то и знай,
Какъ стонъ раздается протяжно, тоскливо:
Слушай!
Хоть крѣпки высокія стѣны ограды,
Желѣзные крѣпки замки;
Хоть зорки и ночью тюремщиковъ взгляды

И всюду сверкають штыки;
Хоть тихо внутри, но тюрьма не кладбище
И ты, часовой, не плошай:
Не вѣрь тишинѣ, берегися, дружище.
Слушай!
Вотъ узникъ вверху за рѣшеткой желѣзной
Стоитъ, прислонившись къ окну,
И взоръ устремилъ онъ въ глубь ночи беззвѣздной,
И словно впился въ тишину...
Ни звука, порой лишь собака зальется,
Да крикнетъ сова невзначай,
Да мѣрно внизу подъ окномъ раздается:
Слушай!
Не дни и не мѣсяцы—долгіе годы
Въ тюрьмѣ осужденъ я страдать,
А бѣдное сердце такъ жаждетъ свободы...
Нѣтъ, дальше не въ силахъ я ждать.
Здѣсь штыкъ или пуля, тамъ воля святая...
Эхъ, темная ночь, выручай:
Будь узнику ты хоть защитой, родная...
Слушай!
Чу, шелестъ, вотъ кто-то упалъ, приподнялся,
И два раза щелкнулъ курокъ...
Кто идетъ! Тѣнь мелькнула и выстрѣлъ раздался,
И ожилъ мгновенно острогъ.
Огни засверкали, забѣгали люди...
„Прощай, жизнь, свобода, прощай!"
Прорвалося съ воплемъ изъ раненой груди...
Слушай!
И снова все стихло, на небѣ несмѣло
Луна показалась на мигъ
И словно сквозь слезы изъ тучъ поглядѣла,
И скрыла заплаканный ликъ.
Внизу-жъ часовые шагаютъ лѣниво,
Въ ночной тишинѣ, то и знай,
Какъ стонъ раздается протяжно, тоскливо:
Слушай!

Старое и Новое.

(Отрывокъ изъ поэмы „Поля“).

Въ телѣгѣ ѣду по холмамъ.
Порой для взора нѣтъ границъ...
И все поля по сторонамъ,
И надъ полями стаи птицъ...

Я ѣду день, я ѣду два—
И все поля кругомъ, поля!
Мелькнетъ жилье, мелькнетъ едва,
А тамъ поля, опять поля!

Порой ручей, порой оврагъ,
А тамъ поля, опять поля!
И въ золотыхъ опять волнахъ
Съ холма на холмъ взлетаю я.

Но гдѣ же люди? Ни души
Среди безмолвныхъ деревень...
Не вѣрится такой глуши!
Хотя бы встрѣча въ цѣлый день!

Лишь утромъ сѣрый четверикъ
Передо мною пролетѣлъ...
Въ пыли лишь красный воротникъ
Да черный усъ я разглядѣлъ...

Вотъ, наконецъ, бредетъ старикъ...
Остановился, шляпу снялъ,
Бормочетъ что-то... „Стой, ямщикъ,
„Эй, дядя! съ чѣмъ Господь послалъ?“

— „Осмѣлюсь, баринъ, попросить—
Не подвезете-ль старика?“
— „Садись! зачѣмъ не услужить:
Услуга-жъ такъ не велика!

— „Садись“.—„Я сдѣсь, на облучекъ...
— „Да мѣсто есть: садись рядкомъ!“
Но споромъ взять никто-бъ не могъ:
Старикъ уперся на своемъ;

Твердилъ, что въ людяхъ онъ пожилъ
И къ обращенію привыкъ,
И знаетъ свѣтъ; иначе-бъ былъ
„Необразованный мужикъ!“

У старика былъ хмурый видъ;
Цвѣтисто вычурная рѣчь;
Одѣтъ былъ бѣдно, но обритъ,
И бакенбардъ висѣлъ до плечъ.

— „Я былъ дворовый человѣкъ“—
Онъ говорилъ—„у князя Б.
Да вотъ, пришлось кончать свой вѣкъ
На волѣ! самъ ужъ по себѣ!“

— „И слава Богу!“—„Какъ кому!
И какъ кто разумѣетъ свѣтъ!
А по понятью моему,
Отъ всей ихъ воли—толку нѣтъ!

„Еще я нонѣшнихъ князей,
Выходитъ дѣдушкѣ служилъ...
Князь различать умѣлъ людей:
Я въ домѣ, можетъ, первый былъ!

„Да вотъ, настали времена!
Теперь иди, хоть волкомъ вой!
Стара собака, не годна,
Ѣстъ даромъ хлѣбъ—такъ съ глазъ долой!

„Еще скажу: добры князья!
Съ тебя оброку не хотимъ;
А хочешь землю? молъ,—такъ я:
— Покорно васъ благодаримъ!

„Жаль ихъ самихъ!“ И тутъ старикъ
Повелъ разсказъ, какъ врозь идетъ
Весь княжій дворъ: шалитъ мужикъ,
Заброшенъ сахарный заводъ.

Слѣда ужъ нѣтъ оранжерей,
Охота, птичникъ и пруды,
И всѣ забавы для гостей,
И карусели, и сады—

Все въ запущеньи, все гніетъ...
Усадьба прежде—городокъ
Была! Вездѣ присмотръ, народъ!
Все пей и ѣшь, все было въ прокъ!

„Да, вспомянешь про старину!“
Онъ заключилъ: „былъ складъ да ладъ!
Э, ну ихъ съ волей! право, ну!
Да что она? одинъ развратъ!

„Одинъ развратъ!“онъ повторялъ...
Отжившій міръ въ его лицѣ,
Казалось, силы напрягалъ,
Какъ пламя, вспыхнуть при концѣ...

„Вотъ парень вамъ изъ молодыхъ“,
Сказалъ онъ, кинувъ грозный взглядъ
На ямщика: „спросите ихъ,
Куда глядятъ? чего хотятъ?“

Тотъ поглядѣлъ ему въ лицо,
Но за отвѣтомъ сталъ втупикъ:
Никакъ желанное словцо
Не попадало на языкъ...

„Чего?“... онъ началъ быстро вслухъ...
Да вдругъ какъ кудрями встряхнетъ,
Да вдругъ какъ свиснетъ во весь духъ,—
И тройка ринулась впередъ!

Впередъ—въ пространство безъ конца!
Впередъ—не внемля ничему!
То былъ отвѣтъ ли молодца,
И кони-ль вторили ему,—

Но мы неслись какъ отъ волковъ,
Какъ изъ-подъ тучи грозовой,
Какъ бы мучителей—бѣсовъ
Погоню слыша за собой...

Неслись... а вкругъ по сторонамъ
Поля мелькали, и не разъ
Овечье стадо здѣсь и тамъ
Кидалось въ сторону отъ насъ...

Неслись... „Куда-жъ те дьяволъ мчитъ!"
Вдругъ сорвалось у старика.
А тотъ летитъ, лишь вдаль глядитъ,
А даль-то, даль—какъ широка!...

А. Майковъ.

Мѣна.

(Съ итальянскаго).

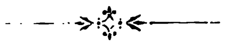
Гонимый невольной тоскою,
Я, поздней вечерней порою,
По берегу моря гулялъ,
И, мыслью съ тобою витая,
Голубка моя дорогая,
Тамъ сердце свое потерялъ.

И, видя тоску и страданья,
И трепетъ любви ожиданья,
Ты слѣдомъ за мною пошла,
И бѣдное сердце поэта,
Забаву безпечнаго свѣта.
На отмели моря нашла.

Скажи-же, какъ быть мнѣ съ тобою,
Голубкой моей дорогою:
Нельзя вѣдь безъ сердца мнѣ жить,
Нельзя и потерю поэта,
Пусть даже „забаву" для свѣта,
Какъ вещь, на кусочки дѣлить...

Я подалъ-бы судьямъ прошенье,
Да надобно тамъ „приношенье",
А денегъ мнѣ гдѣ ужъ набрать?
Не лучше-ль тебѣ дорогая,
Мнѣ, миромъ все дѣло кончая,
Взамѣнъ свое сердце отдать?..

И—о.

Еврейская пѣсня.

— Сплю, но сердце мое чуткое не спитъ...
За дверями голосъ милаго звучитъ:
— „Отвори, моя невѣста, отвори!
Догорѣло пламя алое зари...
    Надъ лугами, надъ шелко́выми
    Бродитъ бѣлая роса,
    И слезинками перловыми
    Мнѣ смочила волоса;
Сходитъ съ неба ночь прохладная:—
Отвори мнѣ, ненаглядная!"
— „Я одежды легкотканыя сняла,

Я омыла мои ноги и легла,
Я на ложѣ цѣпенѣю и горю:—
Какъ я встану, какъ я двери отворю?"..
    Милый въ дверь мою кедровую
    Стукнулъ смѣлою рукой:
    Всколыхнуло грудь пуховую
    Перекатною волной,—
И, полна желанья знойнаго,
Встала съ ложа я покойнаго.

Съ смуглыхъ плечъ моихъ покровъ ночной скользитъ:
Жжетъ нога моя холодный мраморъ плитъ;
Съ черныхъ косъ моихъ струится ароматъ,
На рукахъ запястья цѣнныя бренчатъ.
    Отперла я дверь докучную:
    Статный юноша вошелъ,
    И со мною сладкозвучную
    Потихоньку рѣчь повелъ,—
И слилась я съ рѣчью нѣжною
Всей душей моей мятежною.

Л. Мей.

Клермонтскій соборъ.

Не свадьбу праздновать, не пиръ,
Не на воинственный турниръ
Блеснуть оружьемъ и конями,
Въ Клермонтъ нагорный притекли
Богатыри со всей земли.
Что лугъ, усѣянный цвѣтами
Вся площадь, полная гостей
Вздымалась массою людей,
Какъ перекатными волнами
Лучъ солнца ярко озарялъ
Знамена, шарфы, перья ризы,
Гербы, и ленты, и девизы,
Лазурь, и пурпуръ, и металлъ.
Подъ златотканнымъ балдахиномъ,
Средь духовенства властелиномъ
Въ тіарѣ папа возсѣдалъ.
У трона—герцоги, бароны
И красныхъ кардиналовъ рядъ;
Вокругъ ихъ—сирыхъ обороны.—
Толпою рыцари стоятъ:
Въ узорныхъ латахъ итальянцы,
Тяжелый Швабъ и рыжій Бриттъ,
И Галлъ, отважный сибаритъ.
И въ шлемахъ съ перьями Испанцы,
И отдаленъ отъ всѣхъ старикъ,
Дерзавшій свергнуть папства узы;
То обращенный еретикъ
Изъ фанатической Тулузы.
Здѣсь строй Норманновъ удалыхъ,
Какъ въ маскахъ, шлемахъ пудовыхъ,
Съ своей тяжелой алебардой...
На крыши взгромоздясь, народъ
Всѣхъ поименно ихъ зоветъ:

Все это львы, да леопарды,
Орлы, медвѣди, ястреба—
Какъ будто грозныя прозванья
Сама сковала имъ судьба,
Чтобъ обезсмертить ихъ дѣянья!
Надъ ними стаей лебедей,
Слетѣвшихъ на берегъ зеленый,
Изъ ложъ кругомъ сіяютъ жены
Въ шелку, въ зубчатыхъ кружевахъ,
Въ алмазахъ, въ млечныхъ жемчугахъ.
Лишь шопотъ слышится въ собраньѣ,
Необычайная молва.
Давно чудесныя слова
И непонятныя сказанья
Носила въ мірѣ. Виденъ крестъ
Былъ въ небѣ. Неся стонъ съ востока,
Заря кроваваго потока.
Имѣла видъ. Межъ блѣдныхъ звѣздъ
Какъ человѣческое было
Лицо луны и слезы лило,
И вкругъ клубился дымъ и мгла...
Чего-то страшнаго ждала
Толпа, внимать готовясь Богу—
И били грозную тревогу
Со всѣхъ церквей колокола.

Вдругъ звонъ затихъ,—и на ступени
Престола папы преклонилъ
Убогій пилигриммъ колѣна
Его съ любовью осѣнилъ
Святымъ крестомъ первосвященникъ
И, помоляся небесамъ,
Пустынникъ говорилъ къ толпамъ:
„Смиренный нищій, бѣглый плѣнникъ
Предъ вами, сильные земли!
Темна, ничтожна моя доля;
Но движетъ мной иная воля.
Не мнѣ внимайте, короли:
Самъ Богъ державствующій нами,

Къ моей склонился нищетѣ
И повелѣлъ мнѣ стать предъ вами,
И вамъ въ сердечной простотѣ
Сказать про плѣнъ, про тѣ мученья,
Что испыталъ и видѣлъ я.
Вся плоть истерзана моя,
Спина хранитъ слѣды ремня,
И язвамъ нѣту исцѣленья!
Взгляните: на рукахъ моихъ
Оковъ кровавыя запястья,
Въ темницахъ душныхъ и сырыхъ,
Безъ утѣшенья, безъ участья,
Провелъ я юности лѣта;
Копалъ я рвы, бряцая цѣпью,
Влачилъ я камни знойной степью,
За то, что вѣровалъ въ Христа!
Вотъ эти руки... Но въ молчаньѣ
Вы потупляете глаза,
На грозныхъ лицахъ состраданья,
Я вижу, катится слеза...
О, люди, люди! язвы эти
Смутили васъ на краткій часъ!
О, впечатлительныя дѣти!
Какъ слезы дешевы у васъ!
Уже-ль чтобъ тронуть васъ, страдальцамъ
Къ вамъ надо нищими предстать?
Чтобъ васъ увѣрить, надо дать
Ощупать язвы вашимъ пальцамъ?
Тогда лишь бѣдствіямъ земнымъ,
Тогда неслыханнымъ страданьямъ,
Безчеловѣчнымъ истязаньямъ
Вы сердцемъ внемлите своимъ!..
А тѣхъ страдальцевъ милліоны,
Которыхъ вамъ не слышны стоны,
Къ которымъ мусульманинъ злой
Какъ къ агнцамъ трепетнымъ приходитъ,
И безпрепятственно уводитъ
Изъ нихъ рабовъ себѣ толпой;
Въ глазахъ у брата душитъ брата,

И неродившихся дѣтей
Во чревѣ рѣжетъ матерей,
И вырываетъ для разврата
Изъ ихъ объятій дочерей...
Я видѣлъ, блѣдныхъ, безоружныхъ,
Толпами гнали по пескамъ,
Отсталыхъ старцевъ, женъ недужныхъ
Бичомъ стегали по ногамъ;
И турокъ рыскалъ по пустынѣ,
Какъ передъ стадомъ гуртовщикъ.
Но мигъ—мнѣ памятный донынѣ,
Благословенный жизни мигъ,
Когда окованнымъ, средь дыма
Прозрачныхъ утреннихъ паровъ,
Предстали намъ Ерусалима
Святые храмы безъ крестовъ!
Замолкли стоны и тревога,
И позабывши прахъ и плѣнъ,
Возславословили мы Бога
Въ виду Сіонскихъ древнихъ стѣнъ,
Гдѣ ждали насъ позоръ и плѣнъ!
Породнены тоской, чужбиной,
Латинецъ съ грекомъ обнялись;
Всѣ какъ сыны семьи единой,
Страдать безропотно клялись.
И грекъ намъ далъ примѣръ великій!
Еврея, пѣвшаго псаломъ,
Съ коня спрыгнувши, турокъ дикій
Ударилъ взвизгнувшимъ бичемъ:
Тотъ пѣлъ, и бровію не двинулъ!
Злодѣй страдальца опрокинулъ
И вырвалъ бороду его...
Рванули съ воплемъ мы цѣпями,—
А онъ Евангелья словами
Господне славилъ торжество!
Въ куски изрубленное тѣло
Злодѣи побросали въ насъ:
Мы сохранили ихъ всецѣло,
И, о душѣ его молясь,

Въ темницѣ, гдѣ страдали сами,
Могилу вырыли руками
И на груди святой земли
Его останки погребли.

И онъ не встанетъ вѣдь предъ вами
Вамъ язвы обнажить свои
И выпросить у васъ слезами
Слезу участья и любви!
Увы, не разверзаютъ гробы
Святыя жертвы адской злобы!
Нѣтъ, и живое не прійдетъ
Къ вамъ одновѣрцевъ вашихъ племя—
Христу молящійся народъ:
Одинъ креста несетъ онъ бремя,
Одинъ онъ терпъ Христовъ несетъ!
Какъ рабъ евангельскій, израненъ,
Въ степи лежитъ, больной, безъ силъ...
Иль ждете вы, чтобъ напоилъ
Его чужой самаритянинъ,
А вы, съ кошницей яствъ, бойцы,
Пройдете мимо, какъ слѣпцы?
О, нѣтъ, для васъ еще священны
Любовь и правда на землѣ?
Я вижу ужасъ вдохновенный
На вашемъ доблестномъ челѣ!
Возстань, о воинство Христово,
На мусульманъ войной суровой!
Да съ громомъ рушится во прахъ
Созданье злобы и коварства—
Ихъ тяготѣющее царство
На христіанскихъ раменахъ!
Разбейте съ чадъ Христа оковы,
Дохнуть имъ дайте жизнью новой;
Они васъ ждутъ, чтобъ васъ обнять,
Край вашихъ ризъ облобызать!
Идите! ангелами мщенья,
Изъ храма огненнымъ мечемъ
Изгнавъ невѣрныхъ поколѣнья,

Отдайте Богу Божій домъ!
Тамъ благодарственные псалмы
Для васъ народы воспоютъ,
А падшимъ—мучениковъ пальмы
Вѣнцами ангелы сплетутъ!..

Умолкъ. Въ отвѣтъ какъ будто громы
Перекатилися въ горахъ.
То кликъ одинъ во всѣхъ устахъ:
„Идемъ, оставимъ женъ и домы!"
И въ умиленіи святомъ
Вокругъ желѣзные бароны
Въ восторгѣ плакали, какъ жены;
Врагъ лобызался со врагомъ,
И руку жалъ герой герою,
Какъ левъ косматый, алча бою;
На общій подвигъ дамы съ рукъ
Снимали злато и жемчугъ;
Свой грошъ и нищіе бросали:
И радость всѣмъ была свѣтла—
Ее литавры возвѣщали,
И въ небесахъ распространяли
Со всѣхъ церквей колокола.

А. Майковъ.

Письмо къ Богу.

Трещатъ декабрьскіе морозы;
Въ сѣдомъ туманѣ гаснетъ день;
Въ столицу тянутся обозы
Изъ отдаленныхъ деревень,
Подходитъ праздникъ; городъ шумный
Въ чаду заботы многодумной
Уже кипитъ съ разсвѣтомъ дня;
На рынкахъ давка, толкотня,
Въ взаимномъ торгѣ споръ и толки.
Возы съ провизіей и елки.
Гостиный дворъ подъ свой пріютъ
Собралъ, что могъ, для распродажи
По бойкимъ улицамъ снуютъ
До поздней ночи экипажи.
Для свѣтскихъ барынь и для баръ,
Маня къ себѣ вдоль улицъ длинныхъ,
Блистаетъ въ окнахъ магазинныхъ
Заморской роскоши товаръ.

И съ видомъ общаго собратства
Кружится въ вихрѣ суеты
Избытокъ сытаго богатства
И грошъ голодной нищеты!

Подъ покровомъ ночи смолкъ столицы гулъ;
Городъ утомленный до утра уснулъ.

Ночь темна, морозна, и мятель съ разбѣга,
Воя жаднымъ звѣремъ, сыплетъ клочья снѣга.

И кругомъ сурово городъ облегла
Ледянымъ дыханьемъ сумрачная мгла.

Въ узкомъ переулкѣ, въ захолустьѣ дальнемъ
Огонекъ мелькаетъ въ этажѣ подвальномъ,

Слабо освѣщая образокъ въ углу
И дѣтей-малютокъ, спящихъ на полу.

Лишь не спитъ спокойно, мучась и вздыхая
И въ бреду метаясь, женщина больная;

Да не спитъ малютка-дочка, лѣтъ восьми,
Не смыкая глазки черные свои.

Въ пламенной головкѣ возникаютъ грезы;
Бѣдную малютку душатъ злыя слезы.

„Боже милосердный! думаетъ она:
Сестры голодаютъ, матушка больна.

Цѣлыя недѣли не встаетъ съ постели,
И съ квартиры выгнать насъ давно хотѣли.

Холодъ насъ и голодъ мучитъ день и ночь,
И никто не хочетъ намъ ничѣмъ помочь...“

До утра малютка не смыкаетъ вѣжды,
И возникли въ сердцѣ первыя надежды.

Вспыхнуло нежданной радостью лицо:
„Дай—пошлю я къ Богу съ просьбой письмецо.

Люди пишутъ просьбы... такъ и намъ, быть можетъ,
Онъ на свѣтлый праздникъ чѣмъ-нибудь поможетъ?“...

И завѣтной мысли вѣруя она
Тихо засыпаетъ, ясныхъ думъ полна...

Пробудился городъ шумный,
И съ разсвѣтомъ дня
Пробудились той же жизни
Шумъ и хлопотня;
Пробудилась и малютка,
Радостно лицо;

Написала, какъ умѣла,
Къ Богу письмецо.
Отъ сестеръ своихъ украдкой
Изъ дома ушла...
Черезъ часъ къ церковной кружкѣ
Смѣло подошла,
Опустить письмо хлопочетъ,
Вспоминая мать,
И рученками до кружки
Силится достать.
Въ этотъ мигъ священникъ старый
Мимо проходилъ
И малютку, какъ воровку,
За руку схватилъ.
Но, узнавъ тотчасъ въ чемъ дѣло
И, взглянувъ свѣтлѣй,
Пастырь съ доброю улыбкой
Отвѣчаетъ ей:
„Письмецо твое, малютка,
Перешлю я самъ,
И отвѣтъ тебѣ отъ Бога
Завтра передамъ“...

Не всѣ сердца къ добру неблизки,
И пламень чувствъ для многихъ данъ:
Пятьсотъ рублей онъ по подпискѣ
Собралъ отъ добрыхъ прихожанъ.
И вотъ, придя въ пріютъ убогій,
Онъ эту бѣдность увидалъ
И съ рѣчью доброю, но строгой
Малюткѣ деньги передалъ,
И молвилъ онъ: „молитесь, дѣти,
И вѣрьте вы, исполнясь силъ,
Что ни къ кому на бѣломъ свѣтѣ
Съ отказомъ Богъ не приходилъ“...

Классикъ.

Старый хламъ.

Въ мебельной лавчонкѣ, въ старомодномъ хламѣ,
Старые портреты въ полинялой рамѣ.

Все то косы, пудра, мушки и румяны,
Черезъ плечи ленты, съ золотомъ кафтаны:

Дней давноминувшихъ знатные вельможи—
Полны и дородны, жиръ сквозитъ подъ кожей.

Между ними жены съ лебединой шеей:
Грудь впередъ какъ панцырь, мрамора бѣлѣе;

Волосы горою надъ челомъ ихъ взбиты,
Перьями, цвѣтами пышно перевиты...

И во всѣхъ-то лицахъ выразилъ искусно
Гордость ловкій мастеръ... И смѣшно, и грустно!

Кто они такіе? этихъ лицъ не видно
Въ пышныхъ галлереяхъ, гдѣ почетъ завидной

Вѣкъ нашъ предкамъ добрымъ воздаетъ исправно,
Гдѣ живутъ въ портретахъ старины недавней

Главные актеры, главныя актрисы...
Эти-жъ, видно, были вѣку лишь кулисы!

Высшихъ потѣшали пошлымъ обезьянствомъ,
Низшихъ угнетали мелочнымъ тиранствомъ;

А сошли со сцены—всѣмъ вдругъ стали чужды,
И до ихъ портретовъ никому нѣтъ нужды.

И стоятъ у лавки, точно какъ привратникъ,
Старая кокетка, вѣтренный развратникъ!..

Но—вотъ ликъ знакомый, и свѣжѣе краски...
Скоро-жъ до печальной дожилъ онъ развязки!

Грубо намалеванъ—а вѣдь образъ чудный!
И его никто-то, въ часъ развязки трудный,

Не сберегъ отъ срама, и свезенъ купцами
Онъ съ аукціона вмѣстѣ съ зеркалами!..

Крышку-ль надъ прекрасной гробъ уже захлопнулъ?
Биржа-ль измѣнила? откупъ что-ли лопнулъ?..

Въ Римѣ и Аѳинахъ Фрины были, Лиды,
Вѣтренныя жрицы пламенной Киприды;

Но съ Кипридой Музы въ двери къ нимъ влетали,
И у нихъ Сократа розами вѣнчали...

Злая Мессалина, въ дикомъ сладострастьѣ,
Въ Вандалѣ косматомъ обнимала счастье...

Нынѣ чужды Музамъ корифейки оргій;
Чужды Мессалинамъ страстные восторги;

Черезъ нихъ карьеру созидаютъ франты,
И связей, и денегъ ищутъ спекулянты...

Узнаю въ портретѣ этомъ я торговку!
Врядъ-ли разрѣшала страсть у ней снуровку;

Но она не мало жертвъ съ сумой пустила,
И еще робѣвшихъ воровать учила!

Помню я, бывало, какъ сидитъ въ театрѣ—
Ей партеръ дивится точно Клеопатрѣ:

Плечи восковыя, голова Медеи,
Смоляныя косы сплетены какъ змѣи;

Рука на колѣнахъ нà руку сложивши,
Смотритъ изъ-подлобья, губу закусивши,

И изъ полумрака, въ углубленьи ложи—
Точно выбираетъ жертву въ молодежи—

Такъ-вотъ и казалось—кинется тигрица!..
Не любви, а денегъ жаждала блудница!

А. П. Майковъ.

Два пира *).

I.

... Въ разгарѣ пиръ... Сверкаютъ залы
Огнями... музыка гремитъ...
Звенятъ граненые бокалы,
Вино янтарное шипитъ...
И слышенъ разговоръ нахальный,
И дикій смѣхъ надъ шуткой сальной,
И брань отборная слышна,
И шепотъ сладострастный, жгучій,—
И въ окна смотритъ изъ-за тучи
На пиръ двурогая луна...

Кто здѣсь пируетъ?!.. Кто хозяинъ
Огнесверкающихъ палатъ?!..
Кто онъ?!..—Проклятый небомъ Каинъ,
Убившій брата мрачный братъ...
А гости кто?!..—Со всей столицы

*) „Будильникъ".

Жрецы Ваала и блудницы,
Жрецы разнузданныхъ страстей
Сюда стеклись... Клеймо проклятья,—
Клеймо разврата, нѣтъ изъятья,
Горитъ на лицахъ у гостей...

„Вина!.. Вина!..—гремитъ по заламъ...
Проворны слуги,—и „Аи“
Сверкаютъ снова по бокаламъ
Ароматичныя струи...
Нахальные блуждаютъ взоры...
Визжатъ блудницъ нарядныхъ хоры...
Перерываетъ хохотъ рѣчь,
Въ стѣнахъ дрожитъ отъ криковъ камень...
Колеблется и гаснетъ пламень
Полусгорѣвшихъ уже свѣчъ...

„Пляши!...“—кричатъ блудницамъ гости...
Летятъ червонцы въ потолокъ...
„Пляши, чтобъ двигались всѣ кости!..
Чтобъ искры были изъ-подъ ногъ..
Пляши!!..“ Дрожатъ, звенятъ бокалы
И стонетъ полъ паркетный залы,
И пляшетъ, пляшетъ хоръ блудницъ:
Онѣ устали отъ канкана,—
Текутъ бѣлила и румяна
Съ ихъ изступленныхъ, пьяныхъ лицъ...

II.

.... Вдали отъ оргіи разврата,
Куда ликующій вампиръ,
Упившись теплой кровью брата,
Созвалъ поклонниковъ на пиръ,
Гдѣ на стѣнѣ, для всѣхъ незримо,
Небесный перстъ неумолимо
Писалъ проклятій словеса,—
Вдали отъ оргіи безумной

Стѣной своей широкошумной
Стояли темные лѣса...

И тамъ, въ лѣсахъ, былъ пиръ кровавый...
Въ долинѣ, гдѣ сошелъ къ рѣкѣ
Съ уступовъ мшистыхъ боръ кудрявый,
Мертвецъ валялся на пескѣ...
Кто онъ?..—Объ этомъ знаетъ Каинъ.
Палатъ сверкающихъ хозяинъ,
Погибшій въ омутѣ пировъ,—
И здѣсь, въ глуши, онъ,—безпощадный,—
Устроилъ пиръ для стаи жадной
Воронъ и воющихъ волковъ!!..

С. Рыс.

Дѣловое время.

1.

Что нынче, право, за вѣкъ дѣловой!
Что за серьезное время!
Наше разумное племя
Можетъ по праву гордиться собой,
Что не сидитъ сложа руки...
Взглянемъ съ вниманьемъ кругомъ:
Какъ увлеклись всѣ солиднымъ трудомъ!
Вотъ оттого то—и признака скуки
Мы не найдемъ ни на комъ.
Дѣльный, разумный народъ
Праздность во вѣки не гложетъ.
Кто за работою—тотъ
Съ скукой знакомъ быть не можетъ!

2.

Балъ въ благородномъ собраньи...
Носятся пары по залѣ рядкомъ;

Катится потъ съ нихъ ручьемъ...
Боже мой! Сколько усердья, старанья!
Трудятся всѣ—точно взяли заказъ.
Безъ перерыва идетъ до разсвѣта
Ожесточенный, отчаянный плясъ
И—до потери сознанья подчасъ
Длится гимнастика эта!
Это-ль не область труда?
Всѣмъ тяжело безъ изъятья...
Не отвлекайте же ихъ, господа,
Отъ дѣловаго занятья!

3.

Вотъ—за зеленымъ столомъ
Рѣжутся въ винтъ, не смыкаючи очи,
Четверо старцевъ—и цѣлыя ночи
Заняты симъ благороднымъ трудомъ!
Сонъ имъ смежаетъ глаза
И ужъ давно приглашаетъ въ кроватку;
Но имъ нельзя: надо взять еще взятку,
Козыремъ хлопнуть чужаго туза,
Не просчитать-бы десятку...
Такъ накурили, что нечѣмъ дышать;
Всѣ перемазались мѣломъ...
Нѣтъ! имъ не надо мѣшать:
Видите:—заняты дѣломъ!

4.

Около столика, въ барской гостинной,
Дамы усѣлись вокругъ
И занялися бесѣдой невинной:
Косточки моютъ у близкихъ подругъ;
Толки идутъ о серьезныхъ предметахъ:
О новомодныхъ колье и браслетахъ,
О маскарадахъ, балахъ,
О предстоящихъ зимой туалетахъ,
Брошкахъ, парюрахъ, серьгахъ...

Споръ идетъ, какъ и во что украшать
Имъ свое бренное тѣло...
О, ихъ работы нельзя нарушать:
Видите:—дѣлаютъ дѣло!

5.

Въ модномъ, большомъ ресторанѣ
Занятъ отдѣльный съ утра кабинетъ.
Кучка хлыщей тамъ справляетъ банкетъ.
Всѣ ужъ давно въ непробудномъ туманѣ:
Крики, и шумъ, и хаосъ!
Въ горло шампанское ведрами льется
И вся компанія споритъ до слезъ,
Съ жаромъ рѣшая серьезный вопросъ:
„Гдѣ она завтра напьется?"...
Пьянствовать ночи и дни—
Это-ль не трудъ грандіозный?..
Грѣхъ имъ мѣшать въ ихъ работѣ серьезной:
Заняты—дѣломъ они!

6.

О, позавидуй такимъ мудрецамъ,—
Ты, современный философъ!
Некогда этимъ серьезнымъ дѣльцамъ
Жгучихъ касаться вопросовъ:
Дѣла до жизни имъ нѣтъ міровой;
Что имъ—до скорби гражданской?
Зло—пусть весь міръ заливаетъ волной—
Имъ безразлично: они съ головой
Въ трудъ углубились гигантскій!
Некогда имъ разбирать
Гдѣ—что черно и что бѣло...
Богъ съ ними! Мы имъ не будемъ мѣшать:
Пусть себѣ дѣлаютъ дѣло!

Н. Стружкинъ.

(„Россія").

Вампиръ.

I.

Въ Большомъ театрѣ шумный маскарадъ.
Бѣснуются наемные танцоры,
Одѣтые въ истасканный нарядъ,
Которымъ ихъ снабжаютъ куаферы.
Изъ свѣтлыхъ ложъ завистливо глядятъ,
Съ злословьемъ разсыпая приговоры,
Ряды надменныхъ сплетницъ и ханжей,
Грѣшить готовыхъ въ тайнѣ отъ мужей.

II.

Толпа усталой скучной молодежи
Межъ розовыхъ и черныхъ домино,
Межъ масокъ поизящнѣй и моложе
Обычный взоръ болтаетъ—и давно
Въ таинственныя, литерныя ложи,
Гдѣ такъ всегда разсчитанно-темно,
Попрятались отъ общаго движенья
Охотники искать уединенья.

III.

Картина маскарадная блѣдна;
Тамъ пѣсню всѣ поютъ одну и ту же.
Тамъ интригуетъ ловкая жена
Начальника прокравшагося мужа,
Здѣсь за бокаломъ пѣннаго вина,
Подъ маской рядъ жемчужинъ обнаружа,
Француженка безъ всякаго труда
Плѣняетъ плотояднаго жида.

IV.

Съ Ефремовской камеліей продажной,
Опрысканный духами жалкій фатъ
Мелькаетъ въ залѣ съ миной очень важной
И каждому потомъ дать клятву радъ,
Чтобъ щегольнуть побѣдою отважной,
Что онъ пріѣхалъ нынче въ маскарадъ
Съ княгинею, извѣстной въ высшемъ свѣтѣ
Въ ея гербовой, княжеской каретѣ.

V.

Тамъ какъ сатиръ между лѣсныхъ дріадъ,
Межъ содержанокъ, спутникъ ихъ завзятый
Хохочетъ сладострастный бюрократъ;
Здѣсь отъ безпутства блѣдный и измятый
Нашъ отставной, столичный меценатъ,
Наслѣдствами нежданными богатый,
Собравъ льстецовъ и женщинъ въ бенуаръ,
Ломается предъ ними, какъ фигляръ.

VI.

Идемъ теперь, гдѣ больше шляпъ и касокъ,
Гдѣ гуще нашъ чухонскій карнавалъ
Волнуется въ смѣшеньи разныхъ красокъ,
Гдѣ разодѣты, словно какъ на балъ,
Красавицы, безъ черныхъ полумасокъ,
При грохотѣ оркестра, цѣлый залъ
Къ себѣ влекутъ, какъ праздничныя феи
И раздаютъ билеты лотереи.

VII.

Но привлекаетъ больше всѣхъ одна
Къ своей, въ цвѣты увѣнчанной, эстрадѣ,
Прекрасна, граціозна и стройна.
Какъ статуя въ классической Элладѣ.

Съ лукавою насмѣшкою во взглядѣ,
Умѣла помирить въ себѣ она
И прелесть формъ Венеры для приманки,
И грацію вертлявой парижанки.

VIII.

Не польза кандіотовъ къ ней влечетъ
Бездѣльниковъ довольныхъ и счастливыхъ
И искривившихъ старческій свой ротъ,
Отцвѣтшихъ львовъ и старцевъ похотливыхъ,
Но каждый скряга, каждый пошлый мотъ
Ей сторублевую бумажку подаетъ.
Чтобъ хоть за эту щедрую ошибку
Въ ея лицѣ поймать одну улыбку.

IX.

О, Гурія!.. Видали мы не разъ
Тебя—то въ соблазнительной туникѣ,
То куртизанкой бѣшенныхъ проказъ,
И вкругъ неслись неистовые крики,
Когда, облечена въ прозрачный газъ,
Прекраснѣе султанской одалыки,
И какъ вакханка вся обнажена,
На блюдѣ ты была принесена—

X.

На оргію мальчишекъ изступленныхъ
И, разбивая въ дребезги бокалъ,
Дремала на подушкахъ благовонныхъ..
Вотъ нашъ кумиръ, вотъ лучшій идеалъ
Баши-бузуковъ нашихъ современныхъ!
Имъ милъ одинъ цинизмъ безъ покрывалъ,
Имъ дорога, какъ римлянамъ когда-то,
Искусственная грація разврата.

XI.

Грызи же ихъ, плѣнительный вампиръ,
Грабь, разоряй, пока въ тебѣ есть силы,

Ихъ золотомъ диви тщеславный міръ
И нищими пускай ихъ до могилы,
Чтобы червямъ скорѣй доставить пиръ.
Пускай къ когтямъ чарующей сивиллы,
Утративъ стыдъ, здоровье и кредитъ,
За паразитомъ гибнетъ паразитъ.

XII.

Вотъ почему честна твоя арена...
Ихъ не убьютъ сатирами пѣвцы:
Для мертвецовъ страшна одна гіена,
А всѣ они—живые мертвецы.
Ты ихъ одна задушишь, какъ сирена,
И гнусные, моральные скопцы,
Попавъ въ твои губительныя сѣти,
Дадутъ другимъ дорогу въ этомъ свѣтѣ.

Д. Минаевъ.

Убогая и Нарядная.

I.

Безпокойная ласковость взгляда
И поддѣльная краска ланитъ,
И убогая роскошь наряда—
Все не въ пользу ея говоритъ.
Но не лучше ли, прежде чѣмъ бросимъ
Мы въ нее приговоръ роковой,
Подзовемъ-ка ее да распросимъ:
„Какъ дошла ты до жизни такой?“

Не длиненъ и не новъ разсказъ:
Отецъ ея подъячій бѣдный
Таскался писаремъ въ Приказъ,

Имѣлъ порокъ дурной и вредный—
Запоемъ пилъ—и былъ буянъ,
Когда домой являлся пьянъ.
Предвидя роковую схватку,
Жена малютку уведетъ,
Уложитъ наскоро въ кроватку
И двери поплотнѣй припретъ.
Но бѣдной дѣвочкѣ не спится!
Ей чудится: отецъ бранится,
Мать плачетъ. Саша на кровать,
Рукою подпершись, садится,
Стучитъ въ ней сердце... гдѣ тутъ спать?
Раздвинувъ завѣсы цвѣтныя,
Глядитъ на двери запертыя,
Откуда слышится содомъ,
Не шевелится и не дремлетъ.
Такъ птичка въ бурю подъ кустомъ
Сидитъ—и чутко бурѣ внемлетъ.

Но какъ не буенъ былъ отецъ,
Угомонился наконецъ,
И стало безъ него имъ хуже.
Мать умерла въ тоскѣ по мужѣ
А дѣвочку взяла „Мадамъ"
И въ магазинѣ поселила.
Не очень много шили тамъ
И не въ шитьѣ была тамъ сила...
. . . .
. . . .

III.

„Впрочемъ, что-жъ мы? насъ могутъ замѣтить
Рядомъ съ ней?!".. И отхлынули прочь....
Нѣтъ! тебѣ состраданья не встрѣтить,
Нищеты и несчастія дочь!
Свѣтъ тебя предаетъ поруганью
И охотно прощаетъ другой,

Что торгуетъ собой по призванью,
Безъ нужды, безъ борьбы роковой;
Что поднявшись съ позорнаго ложа
Разодѣнется щеки притретъ
И летитъ, соблазнительно лежа
Въ щегольскомъ экипажѣ, въ народъ—
Въ эту улицу роскоши, моды,
Офицеровъ, лоретокъ и баръ,
Гдѣ съ полу—государства доходы
Поглощаетъ заморскій товаръ.
Говорятъ, въ этой улицѣ милой
Все, что моднаго выдумалъ свѣтъ,
Совмѣстилось волшебною силой,
Ничего только русскаго нѣтъ—
Развѣ Ванька проѣдетъ унылой.
Днемъ и ночью на ней маскарадъ,
Ей не даромъ гордится столица,
На французскій, на англійскій ладъ,
Исковеркавъ не русскія лица,
Тамъ гуляютъ они, пустоты вѣковой
И наслѣдственной праздности дѣти,
Разодѣтой, довольной толпой...
Ну, кому же разставишь ты сѣти?

Вышла ты изъ коляски своей
И на лентѣ ведешь собаченку;
Стая модныхъ и глупыхъ людей
Провожаютъ тебя въ перегонку.
У прекраснаго пола тоска,
Чувство злобы и зависти тайной,
Въ самомъ дѣлѣ, жена бѣдняка,
Позавидуй! эффектъ чрезвычайный!
Брилліанты, цвѣты, кружева,
Доводящіе умъ до восторга,
И на лбу роковыя слова:
„Продается съ публичнаго торга!“
Что, красавица, нагло глядишь?
Чѣмъ гордишься? Вотъ вся твоя повѣсть:
Ты ребенкомъ попала въ Парижъ,

Потеряла невинность и совѣсть,
Научилась бѣлиться и лгать
И явилась въ наивное царство:
Ты слыхала, легко обирать
Наше будто богатое барство.

Да, не трудно! Но должно входить
Въ этотъ избранный міръ съ аттестатомъ.
Красотой насъ нельзя побѣдить,
Удивить не возможно развратомъ.
Намъ извѣстность, намъ мода нужна.
Ты красивѣй была и моложе,
Но, увы! неизвѣстна, бѣдна
И нуждалась сначала... О, Боже!
Твой разсказъ о купцѣ разрывалъ
Намъ сердца, по натурѣ бурлацкой,
Онъ то ноги твои цѣловалъ,
То хлесталъ тебя плетью казацкой;
Но, по счастію этотъ дикарь,
Слабоватый умомъ и сердечкомъ,
Принялся за французскій букварь,
Чтобъ съ тобой обмѣняться словечкомъ.
Этимъ временемъ ты завела
Рысаковъ, экипажи, наряды,
И прославилась—въ моду вошла!
Мы знакомству скандальному рады.
Что за дѣло, что вся до чиста
Предалась ты постыдной продажѣ,
Что поддѣльна твоя красота,
Какъ гербы на твоемъ экипажѣ,
Что глупа ты, жадна и пуста—
Ничего, знатоки вашей націи
Порѣшили разумнымъ судомъ,
Что цинизмъ твой доходитъ до граціи,
Что геройство въ безстыдствѣ твоемъ!
Ты у Бога дѣтей не просила,
Но ты женщина тоже была
Ты со скрежетомъ сына носила
И съ проклятьемъ его родила:

Онъ подросъ—ты его нарядила
И на Невскій съ собой повезла.
Ничего! появленье малютки
Не смутило души никому,
Только вызвало милыя шутки,
Давъ богатую пищу уму.
Удивлялась вся гвардія наша
(Да и было чему, не шутя),
Что ко всякому съ словомъ „папаша“
Обращалось наивно дитя...
И не кинулъ никто, негодуя,
Комомъ грязи въ безстыдную мать!
Чувствомъ матери нагло торгуя.
Пуще стала она обирать.
Блѣдны, полны тупыхъ сожалѣній,
Потерявшіе шикъ молодцы,—
Вонъ по Невскому бродятъ, какъ тѣни,
Разоренные ею глупцы!
И примѣръ никому не наука,
Разоритъ она сотни другихъ;
Тупоуміе, праздность и скука
За нее... Но умолкни мой стихъ!
И погромче насъ были витіи,
Да не сдѣлали пользы перомъ
Дураковъ не убавимъ въ Россіи;
А на умныхъ тоску наведемъ.

Н. Некрасовъ.

Сонъ Матери.

(Разсказъ).

I.

Царица-Ночь торжественный покровъ,
Украшенный блестящими звѣздами,
Какъ будто ткань съ шитьемъ изъ жемчуговъ,
Разостлана надъ спящими полями,
Надъ кровлями притихшихъ городовъ
И деревень. Въ покоѣ безмятежномъ,
Дневнымъ трудомъ и зноемъ утомленъ,
Міръ тихо дремлетъ. Воздухъ напоенъ
Цвѣтущихъ липъ и розъ благоуханьемъ,
Ласкаетъ грудь разымчивымъ дыханьемъ.

II.

Встаетъ, клубясь въ синѣющей дали,
Сѣдой туманъ надъ свѣтлою рѣкою;
Съ деревьевъ тѣни длинныя легли
На дольній скатъ, сливаясь подъ горою;
На озерѣ трещатъ коростели;
Кузнечиковъ оркестръ, никѣмъ не зримый,
Стрекочетъ и пилитъ неутомимо.
Въ лѣсу, въ глуши березовыхъ кудрей,
Ночной пѣвецъ, влюбленный соловей,
Отдавшись весь могучему влеченью,
Слагаетъ гимнъ любви и наслажденью.

III.

Окутанный туманомъ небосклонъ
Охватитъ вдругъ зарницы трепетанье,
И выступятъ изъ мрака тѣхъ сторонъ
Лѣса и горъ далекихъ очертанья;
Блеснетъ, лучемъ зарницы озаренъ,
Церковный крестъ надъ бѣлой колокольней.

Знакомый видъ всей стороны окольной,
Охваченной трепещущимъ огнемъ,
Въ мгновенья эти будто незнакомъ:
Въ огнѣ зарницъ такъ странны рѣкъ извивы,
Село, сады и зрѣющія нивы.

IV.

Всѣ въ этотъ часъ въ селѣ погружены
Въ глубокій сонъ: ни ржанія, ни лая,
Сдается, будто, геній тишины
Здѣсь пролетѣлъ, радушно напѣвая
На утомленныхъ сладостные сны.
На время въ море чудное забвенья
Сошли заботъ обычныхъ треволненья
И тайныхъ мукъ исполненные дни.
Повсюду сонъ цѣлительный. Одни,
Ища отважнымъ подвигамъ награды,
Влюбленные не спятъ да конокрады.

V.

Да, эта ночь какъ будто создана
Для тайнъ любви, для ласкъ и для лобзаній.
Садовъ и ригъ нѣмая тишина
Къ себѣ манитъ для сладостныхъ свиданій;
Съ небесъ глядитъ влюбленная луна,
И, кажется, поля, деревья, волны
И даже камни,—всѣ любовью полны
И всѣ больны сердечною тоской,
И не одинъ Ромео молодой
Къ нетерпѣливой крадется Джульетѣ,
Что ждетъ его въ сараѣ, или въ клѣти.

VI.

Вотъ и теперь таинственная тѣнь,
Озарена луною серебристой,
Мелькнула въ садъ, въ его скрываясь сѣнь,

Вотъ пробѣжала по травѣ росистой
И перелѣзла ловко чрезъ плетень;
То въ бѣлой свиткѣ, молодой и стройный,
Красивый парень, полный страсти знойной,
Спѣшитъ къ своей возлюбленной, и вотъ
Остановился тихо у воротъ
Знакомаго, завѣтнаго сарая,
Любви огнемъ томительнымъ сгарая.

VII.

Чтожъ медлишь ты у двери отпертой?
Окончивъ путь опасный и тяжелый.
Спѣши скорѣй на сладостный покой!
Но слышишь ты въ сараѣ смѣхъ веселый,—
И поблѣднѣлъ, какъ мѣсяцъ молодой.
Лучи надеждъ на сладкое свиданье
Смѣнилися вдругъ ужасомъ страданья:
У той, къ кому на крыліяхъ любви.
Тая огонь желанія въ крови,
Ты прилетѣлъ негаданный, нежданный,
Теперь другой—любимый и желанный.

VIII.

Какъ пораженный громомъ, у воротъ
Онъ къ вереѣ склонился. Раздается
Въ сараѣ шепотъ:—„Вдругъ Иванъ придетъ?
— „Того и жди, въ деревню онъ вернется.
„Онъ головы обоимъ намъ сорветъ!
„Отъ страха, милый, просто, чуть жива я"...
Въ отвѣтъ звучитъ спокойно рѣчь мужская:
— „Не бойся, краля, городъ далеко!"
— „Да такъ-то-такъ, вернуться не легко:
„Не знаю я, верхомъ онъ или пѣшій...
„Да что ты все? да полно... экой лѣшій..."

IX.

Счастливый смѣхъ раздался тутъ, потомъ
Послышались и звуки поцѣлуя;
Кровь закипѣла пламенная въ немъ
И въ голову вдругъ бросилась, бушуя,
И верхъ взяла надъ дремлющимъ умомъ.
Прочь унеслись мечты любви безпечной,
Отчаянья тоскою безконечной
Смѣнился въ немъ любовной страсти пылъ:
—„Я ихъ спалю!“ мгновенно онъ рѣшилъ,
И, весь дрожа, безумное рѣшенье
Сталъ приводить поспѣшно въ исполненье.

X.

Онъ ворота надежною доской
Загородилъ и обложилъ соломой,
И натаскалъ валежнику горой.
Потомъ все это, мщеніемъ влекомый,
Сталъ поджигать дрожащею рукой;
Но спички въ этомъ беззаконномъ дѣлѣ
Ему служить, какъ будто, не хотѣли
И какъ онъ сильно ими не чиркалъ,
И какъ жестоко ихъ ни проклиналъ,
Онѣ, чуть вспыхнувъ тотчасъ погасали,
(А поцѣлуи все не умолкали).

XI.

Послѣдняя погасла... какъ тутъ быть?
На что въ такой оказіи рѣшиться?
Идти домой, измѣнницу-жь простить.
Да, онъ домой, рѣшился возвратиться,
Но лишь затѣмъ, чтобъ тамъ огня добыть
И выполнить свой замыселъ жестокій.
И вотъ назадъ, въ свой старый домъ далекій,

Онъ поспѣшаетъ тою же тропой:
Въ золѣ остывшей трепетной рукой
Горячихъ углей ищетъ безполезно.
И вдругъ заслонкой загремѣлъ желѣзной.

XII.

Пробуждена тѣмъ звономъ въ тишинѣ
Мать поднялась:—Ты-ль это. Ваня, милый?
Послушай, что я видѣла во снѣ:
Одѣтъ весь въ бѣломъ, блѣдный и унылый,
Пришелъ отецъ покойный твой ко мнѣ
И говоритъ такъ грустно, будто стонетъ:
—„Мать, ты все спишь, а вѣдь нашъ сынъ-то тонетъ!
Тутъ онъ исчезъ, какъ будто улетѣлъ.
Заслонкой ты въ ту пору загремѣлъ,
Проснулась я, „Воскреснетъ Богъ“ читая“..
—„И на яву спасла меня, родная!“

Хенов.

Дроздъ.

(Изъ Владислава Сырокомли).

Охотникъ, охотникъ! продай мнѣ дрозда!
Такъ мальчикъ на рынкѣ вскричалъ, подбѣгая
Къ стрѣлку...
Тотъ взглянулъ: рубашенка худа
На бѣдномъ ребенкѣ..
—„Продать не бѣда,
Да хватитъ-ли денегъ? Вѣдь дичь дорогая!“
Ворчалъ онъ съ презрѣньемъ: „У васъ, голышей,
Я знаю, не много найдется грошей...
Два злота! Дешевле продать нѣтъ разсчета“...

—„Побойся-же Бога! Ты просишь два злота.
Я столько имѣю, стрѣлокъ. Но теперь

Деньжонки мнѣ нужны: мой братъ—изъ пеленокъ.
Едва только вышедшій, бѣдный ребенокъ—
Безъ хлѣба отъ голоду плачетъ, повѣрь!
Иду я за хлѣбомъ, а дальше—въ аптеку...
Хвораетъ и чахнетъ кормилица-мать;
Не жить ей, страдалицѣ, долгаго вѣку!
Микстуру ей лѣкарь велѣлъ принимать—
Три ложечки въ сутки—и дичью питаться...
Мой батюшка—слесарь. Злодѣйка-нужда
Его истомила, не буду скрываться...
За злотъ, ради Бога, продай мнѣ дрозда,
Иначе деньжонокъ въ аптеку не хватитъ.
Тебѣ самъ Господь остальное доплатитъ"...

Со смѣхомъ стрѣлокъ отвѣчаетъ:—„Ей-ей,
У матки твоей аппетитъ не по чину.
Не зналъ я, что жены простыхъ слесарей,
Какъ барыни, кушать умѣютъ дичину.
Рецептъ я имѣю, рецептъ дорогой,
Отъ всякихъ болѣзней; онъ стоитъ бездѣлки:
Скажи, чтобъ больная стаканчикъ—другой
Хватила веселой, цѣлебной горѣлки...
Два злота, не меньше, тебѣ говорятъ!
Для нищихъ невыгодно тратить зарядъ"...

— „Охотникъ, охотникъ, поди-ка сюда!"
Такъ баринъ въ коляскѣ вскричалъ торопливо:
„Что просишь, любезный, съ меня за дрозда?"
— „Пять злотыхъ, извольте... Не птица, а диво!"

— „Охотникъ, охотникъ! возьми полтора,
Я два заплачу..." торговался малютка:
„Мнѣ некогда ждать, мнѣ въ аптеку пора...
Два злота даю, а вѣдь это не шутка!
Ты слово мнѣ далъ, свой товаръ оцѣня"...
А баринъ въ коляскѣ со злобой хохочетъ:

— „Вотъ мило! вотъ славно! Мальчишка, онъ хочетъ,
Онъ смѣетъ дичину отнять у меня“...

— „Я милости требую, ясновельможный!“
Воскликнулъ ребенокъ съ тоскою тревожной.
— Какой? для чего? Не могу я постичь...
— „Позвольте истратить послѣдній грошъ мѣдный,
Позвольте купить мнѣ для матушки бѣдной
Лѣкарство, ей нужное, свѣжую дичь...
Такъ лѣкарь велѣлъ...“
Господинъ изъ коляски
Прищурилъ съ насмѣшкой заплывшіе глазки.
— „Я, милый, съ базара тебя не гоню,
Сыновнее чувство въ тебѣ уважаю,
Но свѣжую, рѣдкую дичь обожаю
И ею сегодня дополню *меню*...
Отличное блюдо! Оближешь всѣ пальцы...
А вы, бѣдняки, вы—святые страдальцы,
Не можете прелесть дрозда понимать;
Для васъ негодится роскошное блюдо,
Живется вамъ горько, живется вамъ худо...
Поди-же, утѣшь ненаглядную мать,
Поди безъ дрозда, но съ отличнымъ совѣтомъ,
Чтобъ кушала борщъ или жирные щи,
Прибавивши перцу немножко при этомъ,—
И будетъ здорова зимою и лѣтомъ,
А дичь не отдамъ ей... Pardon! Не взыщи!

Стрѣлку, бросивъ таллеръ и взявши дрозда,
Онъ быстро умчался доволенъ развязкой...
Ребенокъ, рыдая, бѣжитъ за коляской;
А кучеръ кричитъ:—„Да куда ты? куда?
Еще недоволенъ ты барскою лаской?
Такъ вотъ-же тебѣ!“—И ударилъ бичомъ,
И брызнула кровь изъ ребенка ключемъ...
Охотникъ смѣется:—„Какой ты неловкой!
Ты самъ виноватъ, что попался въ бѣду...
Ступай-же домой со своей двухзлотовкой,
А я выпить водки стаканчикъ пойду“...

Далеко коляска богатая скачетъ.
Стрѣлокъ распиваетъ въ трактирѣ вино.
Сжавъ деньги въ ручонкѣ, ребенокъ все плачетъ...
Какъ глупо онъ плачетъ! Какъ это смѣшно!

Что-жъ дальше случилось?—Три гроба несутъ:
Явилися трое на праведный судъ...
И слесарша въ первомъ некрашенномъ гробѣ
Лежитъ неподвижно, худа и блѣдна;
Не ей—истомленной, а важной особѣ
Дичйна достаться была суждена.
Стрѣлокъ занимаетъ вторую колоду;
Онъ сильно на барскія деньги кутилъ
И душу изъ тѣла пустилъ на свободу,
Когда изъ ружья прямо въ сердце хватилъ...

Послѣднему гробу толпа удивилась:
Столь пышныхъ гробовъ не видать никогда!
Особа, лежавшая въ немъ, подавилась,
Какъ лакомка, косточкой мелкой дрозда...
Особа подъ пышнымъ покровомъ не дышетъ
И ждетъ, что свершится на страшномъ судѣ...
Тамъ ангелъ правдивую повѣсть напишетъ
— „О бѣдномъ дроздѣ“.

Леонидъ Трефолевъ.

Въ ломбардѣ.

Боже мой! сколько народу!
Бабы, военные, франты,
Давка, простертыя руки,
Золото, деньги, брильянты,
Оханья, жадные взгляды,
Горемъ убитыя лица...
Здѣсь-то изнанка медали,
Здѣсь разгулялась столица!..

Вотъ, по картинкѣ одѣтый,
Съ чудо-красивымъ проборомъ,
Франтикъ стоитъ у рѣшетки,
Смотритъ томительнымъ взоромъ.
Знаю, о хлыстъ петербургскій!
Мысли твои и печали:
Нынче вся знать городская
Вечеромъ будетъ на балѣ.

Лестью и сотней поклоновъ
Ты приглашенья добился;
И ужъ давно до копѣйки
Твой кошелекъ истощился.
Вотъ и принесъ ты съ собою
Матери память—колечко...
Какъ подъ красивымъ жилетомъ,
Мелкое бьется сердечко:

Какъ на оцѣнщиковъ этихъ
Вѣчно безстрастныхъ, суровыхъ,
Жадно ты смотришь... Утѣшься!
Вотъ тебѣ десять цѣлковыхъ.
Добыто все: парикмахеръ,
Галстухъ, перчатки, карета...

А въ перспективѣ вечерней
Прелести высшаго свѣта,

Музыка, запахъ растеній,
Танцы съ плѣнительной знатью...
Какъ не разсыпаться прахомъ
Передъ такой благодатью?
Какъ не истратить на это,
Все, до послѣдняго гроша?..
Жизнь, безъ наружнаго блеска,
Слишкомъ тяжелая ноша...
Ты что, старушка? О, въ этомъ
Робкомъ, тускнѣющемъ взорѣ
Жгучая, горькая мука,
Страшно-гнетущее горе!
Въ этомъ мучительномъ взглядѣ
Тайну твою роковую
Ясно прочелъ я... Я вижу,
Комнатку грязно-сырую.

Вижу—лежитъ на соломѣ
Парень изсохшій и блѣдный,
Это твой сынъ ненаглядный...
Какъ измѣнился онъ, бѣдный!
Былъ онъ твоею опорой,
Былъ онъ и веселъ, и молодъ...
Злая чахотка напала...
Съ нею и холодъ и голодъ.

Грудь молодецкая впала,
Высохли сильныя руки...
Нечѣмъ работать... Приспѣли
Бѣдности страшныя муки.
Все, что скопилъ онъ бѣдняга,
Все ты стащила въ аптеку...
Сохнуть въ тяжеломъ недугѣ,
Даромъ нельзя человѣку...

Нынче оставишь въ ломбардѣ
Ты и послѣднюю ложку;
Купишь дровишекъ охапку,
Сына согрѣешь немножко...
Завтра умретъ, горемычный,
Кинетъ тебя сиротою.
И побредешь ты по людямъ
Съ страшной своей нищетою...

Дальше отъ этой картины!..
Вотъ передъ нами другая,—
Только и эта не лучше:
Женщина блѣдно-худая...
Видно была ты красива,
Видно здоровьемъ цвѣла ты,
Все изломали на вѣки
Слезы, томленья, утраты.

Крикъ ребятишекъ голодныхъ,
Бѣшенство пьяницы-мужа,
Старой, угрюмой лачужки
Сырость, удушье и стужа,
Ночи безъ сна и покоя,
Тяжкая, злая неволя
Трудъ для насущнаго хлѣба—
Вотъ твоя горькая доля!..

Нынче сюда принесла ты,
Свой перстенечекъ завѣтный;
Долго его ты хранила,
Долго свѣтилось привѣтно,
Въ жизни угрюмой и темной
Это колечко простое...
Плача надъ нимъ, вспоминала
Ты свое время былое.

Чистенькій садикъ отцовскій,
Запахъ сирени душистой,

Нѣжно любимаго друга,
Сердце съ любовію чистой...
Въ лѣтній, плѣнительный вечеръ,
Онъ разставался съ тобою;
Много и горько онъ плакалъ...
Послѣ холодной рукою

Подалъ тебѣ перстенечекъ...
Минули долгіе годы—
Съ пьяницей-мужемъ лишилась
Счастья ты жизни, свободы;
Ночи сидѣла съ иголкой,
Все продала, заложила,
Но дорогое колечко
Долго, ревниво хранила...

Какъ-то, на дняхъ, въ непогоду
Ты тяжело простудилась,
Стала бороться съ недугомъ,
Не поборола—свалилась...
Крѣпко вчера ты рыдала:
Дѣти сидѣли безъ хлѣба,
Въ окна глядѣло сердито
Зимнее, сѣрое небо...

Вѣтеръ, въ нетопленой печкѣ,
Словно голодные звѣри,
Вылъ и морозилъ лачужку.
Вдругъ распахнулися двери...
Пьяный, избитый, въ лахмотьяхъ,
Мужъ твой домой воротился.
Бѣдная! бѣшеннымъ крикомъ
Онъ надъ тобой разразился:

— „Ты что лежишь, бѣлоручка?
Лѣнь и тебя одолѣла...
Ну, подавай-ка обѣдать!

Та на него посмотрѣла
Съ робкой покорной мольбою
Крупныя слезы сверкнули...
— „Нечего... Я нездорова“,
Блѣдныя губы шепнули.

Пьяница съ грознымъ проклятьемъ
Поднялъ тяжелую руку...
Нѣтъ, не словамъ человѣка
Выразить страшную муку,
Полную слезъ ядовитыхъ,
Боли, стыда и позора,
Горькихъ проклятій злодѣю,
Горькаго небу укора!

Страшно избитая, встала
Бѣдная жертва съ постели...
Блѣдныя руки дрожали,
Блѣдныя щеки горѣли;
Страшно въ ушахъ раздавались
Бѣшено-хриплые звуки:
Завтра не дай-ка обѣдать—
Снова потѣшутся руки!..

Завтра! всю ночь надъ колечкомъ
Плакала ты неутѣшно
И поплелася по утру
Какъ-то тревожно—поспѣшно...
Полно, страдалица, плакать!
Слезы не смоютъ кручину.
Хочешь, тебя посмѣшу я?
Видишь на лѣво мужчину?

Толстый, откормленный, гладкій,
Видимо мѣтящій въ франты.
Держитъ въ рукахъ онъ шкатулку,
Въ ней дорогіе брильянты—

Это лакей генеральскій;
Барыня вещи послала:
Деньги нужны до зарѣза
Для предстоящаго бала.

Бала, куда соберется
Все, что есть лучшаго въ свѣтѣ.
Нынче у ней съ генераломъ
Былъ разговоръ въ кабинетѣ:
„George!“ генеральша сказала—
Черезъ недѣлю не дальше,
Вечеръ устроить хочу я“...
Мужъ отвѣчалъ генеральшѣ:

„Вечеръ устроить полезно,
Только одна остановка:
Все, до послѣдней копѣйки,
Ты растранжирила ловко;
Больше никто намъ не вѣритъ,
Справься въ любомъ магазинѣ!“
— Боже! какое несчастье,
Чтожъ я отвѣчу княгинѣ?

Нѣтъ, не снести посрамленья!
Крикнула дама въ азартѣ,
И черезъ часъ камердинеръ
Гордо явился въ ломбардѣ...
Ярко зажжется огнями
Вся генеральская зала,
Гости вкусятъ до избытка
Прелестей пышнаго бала.

Жадный предметъ поклоненья
Франтовъ изящныхъ, красивыхъ,
Будетъ носиться хозяйка
Въ блескѣ брильянтовъ фальшивыхъ.
Завтра не хватитъ на рынокъ,
Завтра опять кредиторы
Стукнутъ въ дубовыя двери;

Жалобы, брань и укоры
Снова начнутся... Пустое!
Стоитъ ли думать объ этомъ,
Лишь-бы уплаченъ былъ главный
Долгъ предъ блистательнымъ свѣтомъ.

Такъ предо мною проходятъ
Быстро смѣняясь, картины:
Жалкая жажда тщеславья,
Стоны тяжелой кручины,
Пошлая праздность столицы,
Трудъ сокращающій годы
Вмѣстѣ сошлися подъ эти,
Мрачно-высокіе своды.

Лучше на улицу выдти,
Тутъ все безстрастныя лица,
Бѣгаетъ, ѣздитъ, кружится
Русскаго царства столица!
Волны людскія проходятъ,
Словно широкое море...
Что намъ за дѣло, читатель,
Гдѣ пріютилося горе?

П. Вейнебргъ.

Входъ воспрещается.

(Посв. И. К. Гебгардту).

„Входъ воспрещается“—какъ часто надпись эту
Встрѣчаешь на вратахъ, гдѣ хочешь ты войдти,
Гдѣ входятъ многіе, тебѣ-жъ, посмотришь—нѣту
Свободнаго пути!
Тамъ—кабинетъ чудесъ; тамъ—рѣдкостей палата!

Хотѣлъ-бы посмотрѣть!—Туда навезено
Диковинъ множество, и мрамора, и злата:
Пойдешь—воспрещено!
Тамъ смотришь—голова! Прекрасной мысли знанья
Ты пробуешь ввести въ нее отрадный свѣтъ:
Напрасно! Тутъ на лбу, какъ на фронтонѣ зданья,
Отмѣтка: „впуска нѣтъ“.
А тамъ—храмъ счастія; кругомъ толпы народа,
Иные входятъ внутрь: ты хочешь проскользнуть:
Но стража грозная, стоящая у входа,
Твой заграждаетъ путь.
Ты просишь, кланяясь учтиво и покорно;
Ногою шаркая, подошвою скользя:
„Позвольте!“ А тебѣ настойчиво, упорно
Отвѣтствуютъ: „нельзя!“
Нельзя! И мнѣ былъ данъ отвѣтъ того же рода.
Нельзя! И сближены мы общею судьбой,
О, Гебгардтъ, помнишь-ли тогда въ волнахъ народа
Мы встрѣтились съ тобой?
„Да почему-жъ нельзя? Проходятъ же другіе!“
Спросили мы тогда, а намъ гремѣлъ отвѣтъ:
—Проходятъ, можетъ быть, да это—не такіе;
Для васъ тутъ мѣста нѣтъ.
Вы—безъ протекціи, Вы что? Народъ небесный!
Ни знатныхъ, ни большихъ рука вамъ не далась.
Вотъ если было-бы хоть барыни извѣстной
Ходатайство объ васъ!
Просили-бы о васъ пригожія сестрицы,
Колдунья—бабушка иль полновѣсный братъ!
А то вы налегкѣ летите, словно птицы:
„Назадъ, дружки, назадъ!“
„Что дѣлать? Отойдемъ! Намъ недобиться счастья“—
Мы грустно молвили: „златой его вѣнецъ
Намъ, вѣрно, не къ лицу. Поищемъ-же участья
У ангельскихъ сердецъ!“
Идемъ. Вотъ женщина: открытая улыбка.—
Открытое лицо,—открытый, милый взглядъ!
Знать сердце таково-жъ... Приблизились: ошибка!
И тутъ ступай назадъ!

„Входъ вопрещается“; задернута завѣса,
Дверь сердца заперта; несчастный не войдетъ,
А между тѣмъ туда-жъ какой-нибудь повѣса
Торжественно идетъ.
Полвѣка ты дрожалъ и ползалъ передъ милой,
Колѣни перетеръ, чтобъ заслужить вѣнецъ,
Молчалъ, дышать не смѣлъ, и вотъ съ послѣдней силой
Собрался, наконецъ.
„Позвольте,—говоришь,—воздайте мнѣ за службу,
Мой близокъ юбилей“. Не требуй! Не проси!
Отвѣтятъ: нѣтъ любви, а вотъ—примите дружбу,
„Какъ? дружбу?—Нѣтъ! merci!
Не надо,—скажешь ты,—на этотъ счетъ безбѣдно
И такъ я жить могу въ прохладной тишинѣ;
Холодныхъ блюдъ не ѣмъ, боюсь простуды,—вредно
Мороженое мнѣ“.—
Дивишься иногда, какъ въ самый мигъ рожденья
Намъ былъ дозволенъ входъ на этотъ бѣлый свѣтъ,
И какъ не прогремѣлъ намъ голосъ отверженья,
Что намъ тутъ мѣста нѣтъ.
Одинъ еще открытъ намъ путь—и насъ уважутъ,
Я знаю, какъ придетъ святая череда;
„Не воспрещается“—намъ у кладбища скажутъ—
„Пожалуйте сюда!“
На дрогахъ насъ везутъ; широкую дорогу
Мы видимъ, наконецъ, и ѣдемъ безъ труда.
Вотъ тутъ и ляжемъ мы, близь церкви, слава Богу!
Но нѣтъ—и тутъ бѣда!
И мертвымъ намъ кричатъ: куда вы? Тутъ ограда;
Здѣсь мѣсто мертвецамъ большимъ отведено;
Вамъ дальше есть мѣста четвертаго разряда,
А тутъ—воспрещено!

Бенедиктовъ.

Молитва.

О, жизнь! не дай мнѣ никогда
Утратить вѣру въ человѣка,
Во благо честнаго труда,
Отстать въ стремленіяхъ отъ вѣка...
Не дай мнѣ мелочной борьбы,
И растлѣвающей, и праздной,
Не дай мнѣ въ спутницы рабы
Безъ мысли гордой и отважной....
Не дай мнѣ трудъ мой осквернить
Неправдой, мыслію лукавой,
И прежде смерти пережить
И свѣтлый умъ, и помыслъ здравый...
Не призывай на мой языкъ
Любви несвойственныхъ проклятій,
И отъ несчастныхъ меньшихъ братій
Не отверни, въ недобрый мигъ,
Мой омраченный скорбью ликъ...
Не дай корыстныхъ мнѣ желаній,
Соблазна сильными земли...
Любовью умъ мой окрыли
И въ годы тяжкихъ испытаній
Мнѣ духа рабства не пошли!

Омулевскій.

Къ молодому поколѣнію.

Спѣшите, честные бойцы,
На дѣло родины святое!
Того, что сдѣлали отцы,
Отъ васъ потребуется вдвое...

Вамъ путь тяжелый предстоитъ
И ждетъ не мало васъ лишеній,
Но пусть вамъ силы подкрѣпитъ
Примѣръ минувшихъ поколѣній...

Не озирайтеся назадъ
Трусливыхъ выслушать совѣтовъ:
На то, что сзади говорятъ,
У васъ не можетъ быть отвѣтовъ...

Отвѣтъ за васъ произнесетъ
Высоко поднятое знамя—
И каждый грамотный прочтетъ,
Какое движетъ вами пламя!

Въ комъ духъ любви уже ослабъ,
Тому не мѣсто между вами:
Не долженъ быть „лѣнивый рабъ"
Между рабочими людьми...

А ваши бодро пусть спѣшатъ,
Какъ будутъ силы ихъ не малы:
Плохъ—говорятъ у насъ—солдатъ,
Когда не мѣтитъ въ генералы...

Еще далеко та страна,
Гдѣ протекаютъ рѣки медомъ;
Не вдругъ познается она
Идущимъ издали народомъ;

Не вамъ дано въ ней отдохнуть,
Кончая подвигъ жизни бранной...
Но хорошо окончить путь
Въ виду земли обѣтованной!

Омулевскій.

Впередъ.

Впередъ! безъ страха и сомнѣнья,
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святаго искупленья,
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я.

Смѣлѣй! дадимъ другъ другу руки,
И вмѣстѣ двинемся впередъ,
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ.

Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать;
И спящихъ мы отъ сна разбудимъ,
И поведемъ на битву рать!

Не сотворимъ себѣ кумира
Ни на землѣ, ни въ небесахъ;
За всѣ дары и блага міра
Мы не падемъ предъ нимъ во прахъ!

Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ,
И за него снесемъ гоненье—
Простивъ озлобленнымъ врагамъ!

Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ;
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
Талантъ свой въ землю не зарылъ!

Пусть намъ звѣздою путеводной
Святая истина горитъ;
И вѣрьте, голосъ благородный
Не даромъ въ мірѣ прозвучитъ!

Внемлите-жъ, братья, слову брата,
Пока мы полны юныхъ силъ:
Впередъ, впередъ и безъ возврата,
Чтобъ рокъ вдали намъ ни сулилъ!

Д. Плещеевъ.

Прежде всего.

(Изъ Борнса).

Бѣднякъ,—будь честенъ и трудись,
Трудись прежде всего!
Холопа встрѣтишь—отвернись
Съ презрѣньемъ отъ него!
Прежде всего, прежде всего,
Предъ знатнымъ не блѣднѣй—
Вѣдь знатность штемпель у гиней
И больше ничего!

Пусть черствый хлѣбъ—весь твой обѣдъ,
Изъ поскони кафтанъ;
Другой и въ бархатъ разодѣтъ,
Да плутъ прежде всего,
Прежде всего, прежде всего,
Вѣдь титулъ глупый звонъ
Бѣднякъ, будь только честенъ онъ—
Король прежде всего!

Вотъ этотъ баринъ—знатный лордъ,
Да что намъ изъ того,
Что онъ своимъ богатствомъ гордъ,
А глупъ прежде всего!
Прежде всего, прежде всего,
Для насъ, дѣтей труда,
Его и лента и звѣзда
Смѣшны прежде всего!

Холопа въ графы произвесть
    Не стоитъ ничего:
Но честнымъ сдѣлать, царь,—какъ, есть,—
    Не можетъ никого:
Прежде всего, прежде всего
    Да будутъ всѣ честны:
Честь—наши высшіе чины
    И умъ прежде всего!

Молитесь всѣ, чтобъ Богъ послалъ
    Намъ царствіе его;
Чтобъ честный трудъ на свѣтѣ сталъ
    Почетнѣе всего,
Прежде всего, прежде всего
    Отнынѣ и во вѣкъ,
Чтобъ человѣку человѣкъ
    Былъ братъ, прежде всего.

В. К....въ.

Лучше русской — женщинъ нѣтъ.

(Подражаніе Сырокомлѣ).

Посмотрите, ради Бога,
Какъ она, еще дитей,
Обѣщаетъ ужъ какъ много
Для семьи своей родной:
И задумчивые глазки.
И привязанность, и ласки...
    Обойдите цѣлый свѣтъ,
    Лучше русской—женщинъ нѣтъ.
Миновавши дѣтства годы,
Темнорусая, она.
Какъ поля родной природы,
Миловидна и скромна—

И шестнадцатой весною
Любитъ всей уже душою...
Обойдите цѣлый свѣтъ,
Лучше русской—женщинъ нѣтъ.
Беззавѣтнѣе, сильнѣе
Нѣтъ любви ея,—и тотъ
Самъ становится честнѣе,
Кто съ ней объ-руку идетъ,
Рой красавицъ на чужбинѣ
Такъ уже не любитъ нынѣ...
Обойдите цѣлый свѣтъ,
Лучше русской—женщинъ нѣтъ.
Вѣчно съ дѣломъ между шутокъ,
Все при домѣ, у дѣтей
Кормитъ всѣхъ она малютокъ
Грудью собственной своей—
И на все пойдти готова
Изъ-за ласковаго слова...
Обойдите цѣлый свѣтъ,
Лучше русской—женщинъ нѣтъ.
Въ счастьи, въ горѣ ли при этомъ,
Съ каждымъ ласкова, мягка,
Гостя чтитъ она привѣтомъ,
Ломтемъ хлѣба бѣдняка;
Свадьба, похороны чьи-ли,—
Всѣмъ поможетъ, сколько въ силѣ...
Обойдите цѣлый свѣтъ,
Лучше русской—женщинъ нѣтъ.
Одряхлѣвшая съ лѣтами,
Бережетъ она внучатъ
И на все глядитъ глазами
Этихъ маленькихъ ребятъ;
Ей не надобно смиренья
Молодого поколѣнья...
Обойдите цѣлый свѣтъ,
Лучше русской—женщинъ нѣтъ.

Омулевскій.

Вѣтеръ.

По полямъ и рощамъ, шелестя травою,
Пробѣгаетъ вѣтеръ легкою волною.
То въ густыхъ вершинахъ тихо онъ застонетъ,
То, къ землѣ сгибая, спѣлый колосъ клонитъ,
То подыметъ вихремъ листья надъ землею
И несетъ и кружитъ рѣзвою толпою.
Подлетѣлъ онъ къ вѣткѣ молодой березы:
Въ листьяхъ не обсохли утреннія слезы:
Видно въ каждой почкѣ нѣгу и истому,—
Какъ не поиграть тутъ вѣтру удалому!
Шепчетъ ей онъ тихо, листьями играя.
„Полюби скитальца, вѣтка молодая,
„Долженъ я скитаться надъ сырой землею.
„Нѣтъ мнѣ ни отрады, нѣтъ мнѣ и покою,
„Погляди мнѣ въ очи съ необычной лаской,
„Я тебя потѣшу заунывной сказкой,
„Я къ тебѣ склонюся буйной головою
„И обвѣю нѣжно отъ жары и зною.
„Пригоню къ тебѣ я птичекъ разныхъ стаю,
„Полюби скитальца, вѣтка молодая!“
И въ тревогѣ тайной отъ нежданной встрѣчи
Слушаетъ малютка ласковыя рѣчи,
Листьями на солнцѣ радостно играетъ,
Сладко ей и больно, почему—не знаетъ.
Сладко ей склониться предъ безвѣстной властью;
А красавецъ вѣтеръ такъ и дышетъ страстью,
Льнетъ, цѣлуя нѣжно, ближе и смѣлѣе,
Словно нѣтъ на свѣтѣ никого милѣе.
Дунулъ онъ порывомъ, будто съ ней играя,
Дунулъ,—и сломалась вѣтка молодая.
Листьями поблекла, листья пожелтѣли,
Отъ дорожной пыли почки потускнѣли,

На землю скатились утреннія слезы:
Нѣтъ, ужъ не родятся въ ней былыя грезы!

Посмотрѣлъ на вѣтку вѣтеръ съ тихимъ смѣхомъ.
Много-ль въ ней осталось играмъ и потѣхамъ,
И порхнулъ онъ снова по полямъ и чащамъ,
Отъ росы хрустальной юнымъ и блестящимъ.
То въ густыхъ вершинахъ смѣло забушуетъ,
То младыя вѣтки ласково цѣлуетъ
И твердитъ, небрежно листьями играя:
Полюби скитальца, вѣтка молодая!

А. Турскій.

На Городскомъ мосту.

(Монологъ на рождественскую ночь).

Прохожій! Спасите несчастную мать!
Я буду немногому рада:
Подайте отъ сердца что можете дать...
„Работать,—сказали вы,—надо?“
Я рада работать, какъ лошадь, весь день,
Работать всю ночь до разсвѣта,—
Не даромъ смотрю я, какъ призракъ, какъ тѣнь,
Съ того убѣжавшая свѣта.
Но въ щепку моя исхудавшая грудь,
Повисшія руки, какъ плети,
Вамъ скажутъ, что надо и мнѣ отдохнуть
Въ холодной могилѣ... А дѣти?
Я такъ вотъ и слышу малютокъ моихъ,
Вникающихъ въ скорбную драму;
Я вижу, какъ ширятся глазки у нихъ,
Смотря на остывшую маму.
Но что же мнѣ дѣлать? вѣдь имъ не дадутъ
Питанья изсохшія груди;

А гдѣ же найду я по силамъ мнѣ трудъ,
Гдѣ сыщутся добрые люди?
  Сегодня веселыя елки горятъ,
Всѣ окна играютъ огнями;
Мои же малютки голодныя спятъ,
Довольствуясь дѣтскими снами.
  Я тоже какъ будто стою въ полуснѣ
И вижу блестящіе круги...
Прохожій!.. Но гдѣ-жъ онъ? иль чудилось мнѣ?
Иль можетъ, спѣшилъ, онъ къ супругѣ?
  А! вотъ онъ подходитъ... ужъ это другой...
„Пойдемъ за хорошую плату
Со мной",—вы сказали? О, Боже ты мой,
Вѣдь я неспособна къ разврату!
  И я ни къ чему не способна теперь;
Мнѣ хочется только забыться,
Открыть заповѣдную къ вѣчности дверь;
Я даже не въ силахъ молиться.
  Молиться!.. Ужъ много безсонныхъ ночей
Прошу я защиты у неба,
Но съ этого царства холодныхъ лучей
На землю не падаетъ хлѣба...
  Все черныя мысли впиваются въ умъ
Мнѣ чудной какой-то отравой...
Какъ сладко до уха донесся бы шумъ
Теченья рѣки величавой!
  Но холодъ, на зло мнѣ, сковалъ ее льдомъ—
Для бѣдныхъ вездѣ неудача...
Когда бы могла я пробить его лбомъ—
Рѣшилась бы мигомъ задача.
  Тамъ славно, тамъ ждетъ меня вѣчная ночь,
Тамъ нѣтъ ужъ житейской заботы...
А дѣтки-малютки?.. Несчастная! прочь!
Работы мнѣ!.. дайте работы!!

. . . .

Омулевскій.

Поминай, какъ звали.

(Посвящается А. П. Никитину).

Иная личность средь людей
Мелькнетъ какъ свѣтлый генiй,
Блестя звѣздой благихъ идей
И честныхъ убѣжденiй.
Вражда и зло слѣпыхъ невѣждъ
Готовятъ ей могилу,
И рядъ обдуманныхъ надеждъ
Подкашиваетъ силу.
Въ борьбѣ съ неправдою людской,
Измучившись въ началѣ,
Она вздохнетъ, махнетъ рукой,—
И... поминай, какъ звали!

Трудясь вѣкъ свой, бѣднякъ иной
Работаетъ, для блага,
Но, вотъ, законною семьей
Заводится бѣдняга.
Идутъ года, а средствъ и силъ
Для жизни не хватаетъ,
Онъ вѣру въ счастье погасилъ,
Онъ духомъ упадаетъ;
Въ семьѣ раздоры, жизнь ведетъ
Къ лишеньямъ, да къ печали,
Нужда растетъ... бѣднякъ запьетъ,—
И... поминай, какъ звали!

Другой безумецъ жить спѣшитъ
И ловитъ наслажденья.
И — вдругъ невольно согрѣшитъ
Въ минуту заблужденья.
Онъ честенъ былъ... невольно онъ
Въ тотъ мигъ грѣху поддался,

Онъ уличенъ, онъ обвиненъ,
Онъ самъ во всемъ сознался.
Въ немъ совѣсть прежняя не спитъ.
Преступникъ онъ?... Едва ли!
Но годъ въ острогѣ посидитъ,—
И... поминай, какъ звали!

Въ дѣлахъ коммерціи гремитъ
Извѣстный тузъ въ столицахъ,
А у купчины сынъ кряхтитъ
Въ ежовыхъ рукавицахъ
Старикъ въ гробу, разнузданъ сынъ,
Владѣлецъ капиталовъ,
Забыты лавки и аршинъ--
Для оргій и скандаловъ.
Къ чему рвалась его душа—
Теперь ему все дали,
И онъ спустилъ все до гроша,—
И... поминай, какъ звали!

Пугаютъ дѣвушку стыдомъ
Враги разумной воли,
За то, что хочетъ жить трудомъ.
Что ищетъ лучшей доли.
Перенести ей мудрено
Всю тяжесть испытаній,
А сердце юное полно
Таинственныхъ желаній.
Въ концѣ концовъ—любви романъ:
Свиданье на шпицъ-балѣ,
Признанье, клятвы и обманъ,—
И... поминай, какъ звали!..

Вотъ аферистъ, салоннымъ львомъ
Явясь средь полусвѣта,
Вращаясь въ мірѣ биржевомъ,
Мерцаетъ, какъ комета.
Взирая гордымъ богачемъ,
Дѣла ведетъ онъ живо,

Ему все вздоръ, все ни почемъ,—
Легка ему нажива.
И милліоны богатырь
Считая въ идеалѣ,
Мгновенно лопнетъ какъ пузырь,—
И... поминай, какъ звали!

Кругомъ посмотришь, такъ и мы,
Шумя, гремя словами,
Къ дѣламъ всеобщей кутерьмы
Не безпричастны сами.
Мы всѣ готовы зло клеймить,
Сатиры—намъ не диво,
Но слово къ дѣлу примѣнить
Намъ какъ-то боязливо.
Довольно съ насъ, чтобъ честный ходъ
Мы внукамъ указали...
А въ жизни намъ одинъ исходъ,—
И... поминай, какъ звали!

Классикъ.

Въ Арсеналѣ.

(Изъ Лонгфелло).

Вотъ арсеналъ. Громадное собранье
Оружія повсюду видитъ взоръ...
Оркестръ войны и смерти... но молчанье
Хранитъ пока ужасный этотъ хоръ.

О, что за громъ внезапнаго смятенья,
Какой-бы вопль поднялся къ небесамъ,
Когда-бы духъ могучій истребленья
Ударилъ вдругъ по грознымъ тѣмъ струнамъ!

Гляжу вокругъ съ тревогою сердечной.
Мнѣ чудится, въ спокойный этотъ часъ,
Что хоръ войны свирѣпый, безконечный
Чрезъ рядъ вѣковъ доносится до насъ.

Безумныя, кровавыя потѣхи!
Вотъ слышу я; саксонскій молотъ бьетъ;
О шлемъ стальной, о бранные доспѣхи,
Труба на бой воителей зоветъ;

Мнѣ чудятся норманы, гунны, мавры
И Медичей воинственный набатъ,
Свистъ пуль и стрѣлъ, монгольскія литавры
И оргіи грабителей-солдатъ:

Ударъ меча, столкнувшійся съ ударомъ,
Тѣла и кровь, свирѣпый видъ бойцовъ
Унынье селъ, охваченныхъ пожаромъ,
И голодомъ томимыхъ городовъ.

Паденье стѣнъ, при страшной канонадѣ,
Хаосъ громовъ... и пропадаютъ въ немъ...
И крикъ, и плачъ, и вопли о пощадѣ,
И стоны жертвъ, проколотыхъ штыкомъ...

О, человѣкъ! зачѣмъ, дыша раздоромъ
И хищностью, гнѣвишь ты небеса?
Ты заглушилъ проклятымъ этимъ хоромъ
Прекрасные природы голоса.

Когда-бы намъ хоть половину власти,
Богатствъ и силъ, похищенныхъ войной,
Употребить на укрощенье страсти,
Затмившей умъ ошибкой роковой,—

Тогда война считалась-бы позоромъ,
Процвѣлъ-бы міръ подъ сѣнью тишины,
И были-бы всеобщимъ приговоромъ
Герои битвъ на вѣкъ осуждены.

Пусть навсегда умолкнутъ эти громы.
Падетъ войны безсмысленный кумиръ.
И станутъ вновь сердцамъ людей знакомы
Слова Христа: „да будетъ съ вами міръ!“

Миръ! Пусть росой цѣлебной онъ прольется,
Утихнетъ стонъ поверженныхъ въ крови
И музыкой небесной раздается
Священная гармонія любви!

Д. Михайловскій.

Поэту.

О, наскучили мнѣ нашихъ суетныхъ дней
Деревянныя хриплыя лиры,
Муза вѣка съ пустой шансонеткой своей,
Дудки мелкой, дешевой сатиры!
О, наскучили мнѣ нашей жизни пустой
Стукъ машинный и грохотъ чугунный!
Гдѣ-же ты, вдохновенный пѣвецъ молодой?
Гдѣ-жъ ты съ лирой своей златострунной?
Если живъ ты и призванъ отъ Бога—скорѣй
Выходи-же на торжище жизни,
Грань могучими звуками пѣсни своей,
Чтобъ она пронеслась по отчизнѣ...
Если кроешь ты искру святаго огня
Въ чистомъ сердцѣ, то, смѣлый, могучій,
Выходи, ни предъ кѣмъ головы не клоня,
И разбрасывай громы созвучій...
Но въ роскошный чертогъ золотаго тельца,
Къ сильнымъ міра, пѣвецъ, не ходи ты,

И ногою своей не коснись ихъ крыльца:
Тамъ и души—изъ мрамора плиты...
Не позорь ты священную лиру свою,
Пошлой прихоти ихъ угождая!..
Ихъ вина не глотай огневую струю,
Что сверкаетъ въ бокалахъ, играя!...
Не кури фиміамъ предъ кумиромъ златымъ,
Не садись за роскошное брашно...
Не торгуй, какъ Исавъ, первородствомъ святымъ...
Тамъ трапеза отравлена страшно...
Тамъ, примкнувши къ толпѣ раболѣпныхъ льстецовъ,
Ты огонь потеряешь священный,
И уснешь ты отравленный въ сонмѣ рабовъ,
Самъ рабомъ этой роскоши тлѣнной...
Тамъ фальшивый аккордъ рабской пѣсни твоей
И замретъ, и въ забвеніе канетъ,
А вѣнецъ изъ тепличныхъ лавровыхъ вѣтвей
На главѣ твоей быстро завянетъ...
Нѣтъ, иди ты со звонкою лирой туда,
Гдѣ дымятся народныя хаты,
Гдѣ возносятъ молитвы и трудъ, и нужда,
Гдѣ лишенья живутъ и утраты...
Гдѣ и жизнь настоящая бурнымъ ключомъ
Бьетъ и искрится пѣной страданья,
Гдѣ любовь и вражда ярко брызжутъ огнемъ,
Гдѣ на Бога свѣтлы упованья...
Тамъ ударь ты по звонкимъ, пѣвучимъ струнамъ,
И по весямъ далекимъ и селамъ
Разольется та пѣсня, подобно волнамъ,
Грянетъ Божіимъ свѣтлымъ глаголомъ...
Сильныхъ міра твердыни, быть можетъ, отъ ней
Задрожатъ, а убогій и сирый
Тамъ отрадныя слезы прольютъ изъ очей
Передъ вѣщей пророческой лирой!..
Если-жъ пѣсню твою шумъ суетъ мелочной
Заглушитъ средь обычнаго вздора—
О, пѣвецъ, уходи на просторъ полевой,
Въ дебри тихаго, темнаго бора.

Тамъ ты пѣсню пропой... Пусть никто изъ людей
Не услышитъ твой зовъ вдохновенный:
Вольный вѣтеръ, подслушавъ его изъ вѣтвей,
Твой напѣвъ разнесетъ по вселенной.

Л. Пальминъ.

Мое назначеніе.

Не для меня кресты, петлички,
И долгой службы геморрой,
Мой жребій—жребій вольной птички,
Всегда порхающей, живой.
Родился я въ крестьянскомъ домѣ,
Богъ указалъ мнѣ скромный путь
И рекъ, меня ребенка на соломѣ
Благословивъ: „Ничѣмъ не будь!“

Онъ рекъ: „Нейди путемъ порока,
„Будь чистъ и правъ всегда душой,
„Но къ брату, падшему глубоко,
„Не будь безжалостнымъ судьей;
„О, нѣтъ, его не осуждая,
„Наставь его на правый путь“...
И самъ Господь меня благословляя,
Мнѣ завѣщалъ: „Ничѣмъ не будь!“

Онъ рекъ: „Была синедріономъ
„Въ грѣхѣ жена уличена,
„Людей безжалостнымъ закономъ
„Была на казнь обречена,
„Христосъ сказалъ: кто первый камень
„Посмѣетъ въ грѣшницу метнуть?..

„Я дамъ тебѣ той рѣчи жгучій пламень,—
„Но мой завѣтъ: „Ничѣмъ не будь!“

Онъ рекъ: „Ученью Сына слѣдуй,
„За міръ святую лилъ Онъ кровь,
„Иди ты въ міръ и проповѣдуй
„Прощенье, братство и любовь“.
Любовью братской наполняя
Мою чуть бьющуюся грудь,
Самъ Господь Богъ, меня благословляя,
Мнѣ завѣщалъ: „Ничѣмъ не будь!“

Як. Старостинъ.

Старая пѣсня.

Пѣсню, что-ли, вы хотите?
    Пѣсня будетъ не нова;
Но для музыки возьмите—
    Въ ней слова, слова, слова!
Обвинять ли наше племя,
    Иль обычай такъ силенъ,
Что поемъ-мы въ наше время
    Пѣсню дѣдовскихъ временъ?

Жилъ чиновникъ небогатый,
    Просто жилъ, какъ Богъ велѣлъ.
И, посты хранивши свято,
    Тысячъ сто нажить умѣлъ.
Но, по злобному навѣту,
    Вдругъ отъ мѣста отрѣшенъ...
Да когда-жъ мы кончимъ эту
    Пѣсню дѣдовскихъ временъ?

Про чугунку, пароходы,
    Говорили прошлый годъ:

„Это все одни расходы!“
    Воетъ нѣсколько бородъ,
Вѣрныхъ старому завѣту,
    „Вѣкъ-то больно сталъ мудренъ“.
Да когда-жъ мы кончимъ эту
    Пѣсню дѣдовскихъ временъ?

Самъ не знаю: пѣть-ли дальше?
    Я красавицу знавалъ:
Захотѣлось въ генеральши—
    И нашелся генералъ.
Въ этомъ смыслу даже нѣту:
    Былъ другой въ нее влюбленъ.
Да когда-жъ мы кончимъ эту
    Пѣсню дѣдовскихъ временъ?

Пѣсню старую отъ вѣка,
    Какъ языческій кумиръ,
Гдѣ превыше человѣка
    Ставятъ шпоры и мундиръ.
Гдѣ уму простору нѣту.
    Гдѣ безсмышленный силенъ...
Да когда-жъ мы кончимъ эту
    Пѣсню дѣдовскихъ временъ?

Да когда-жъ споемъ другую—
    Или нѣту голосовъ.
И не стыдно-ль дрянь такую
    Пѣть ужъ нѣсколько вѣковъ?
Или спать, сложивши руки,
    При движеніи племенъ,
Богатырскимъ сномъ подъ звуки
    Пѣсни дѣдовскихъ временъ?

В. Курочкинъ.

Никому.

(Изъ Борнса).

У меня есть жена для себя самого,
Я ее не отдамъ никому:
И роговъ не желаю носить оттого,
Что не ставлю ихъ самъ никому;

У меня въ кошелькѣ двѣ копѣйки за то
Не обязанъ за нихъ никому:
Въ долгъ мнѣ нечего дать; мнѣ не долженъ никто;
Да не долженъ и я никому.

У меня нѣтъ слуги; да за то я и самъ
Не служилъ никогда никому;
И съ мечемъ моимъ добрымъ, широкимъ не дамъ
Я обидѣть себя никому.

Я хочу быть свободенъ вездѣ и всегда,
Чтобы въ тягость не быть никому;
До другихъ мнѣ нѣтъ дѣла нимало, когда
Дѣла нѣтъ до меня никому.

К—въ.

Раззоренное село.

Здѣсь война ураганомъ свирѣпымъ прошла
По цвѣтущимъ полямъ и по нивамъ;
Вотъ чернѣетъ, дымясь, пепелище села
На раздольи степей молчаливомъ.
Обгорѣлые, черные остовы хатъ,
Да угрюмые груды развалинъ

Въ одинокомъ безмолвіи мрачно глядятъ.
Какъ гробовой покой ихъ печаленъ!
Ни души... все безлюдно и тихо кругомъ.
Вотъ сгорѣвшая сельская школа;
Здѣсь недавно былъ рѣзвый и шумный содомъ,
А теперь все пустынно и голо.
Гдѣ наставникъ свѣтъ знанья предъ юностью лилъ,
Дѣлалъ души свѣтлѣе и выше,
Тамъ слѣпая сова вьетъ гнѣздо межъ стропилъ
И порхаютъ летучія мыши.
Вотъ разрушенный храмъ, гдѣ сердца прихожанъ
Разцвѣтали, молитвою полны,
Гдѣ торжественно-стройно аккордовъ органъ
Разливалъ сладкозвучныя волны.
Но поверженъ органъ и въ осколки разбитъ,
Бездыханный какъ трупъ и безгласный,
А надъ нимъ со стѣны съ скорбной думой глядитъ
Ликъ божественно-кроткій, прекрасный,
Ликъ того, кто вселялъ братство, миръ и любовь,
Кто въ сердца лилъ елей всепрощенья,
Призывая кого, проливали здѣсь кровь
И бросали огонь разрушенья...
Дальше вотъ уцѣлѣвшій покинутый домъ,
Настежъ отперты окна съ цвѣтами,
По покоямъ пустымъ ходитъ вѣтеръ кругомъ
И скрипитъ мимоходомъ дверями.
Вотъ очагъ разоренный съ потухшей золой,
А въ углу колыбелька пустая,
На дворѣ-же протяжный и жалобный вой
Испускаетъ собака цѣпная.
Бѣдный песъ, позабытый, какъ вой твой унылъ!
Преданъ въ жертву ты смерти голодной!...
Погнушался тебя приколоть иль забылъ
Побѣдителя штыкъ благородный...
Вѣрно ты удивленъ, всѣми брошенный другъ,
Что обычнаго блюда, овсянки
Сколько дней не видать изъ ласкающихъ рукъ
Добродушной хозяйской служанки,
Что давно жирной, лакомой костью тебѣ

Не досталась на долю потѣха,
И не слышно въ безмолвной, пустынной избѣ
Громкой пѣсни и дѣтскаго смѣха!
Ужъ давно не вилялъ ты хвостомъ, развалясь
Предъ хорошенькой дочкой хозяйской,
Что трепала тулупъ твой кудлатый, смѣясь
Трелью звонкой, какъ жаворонокъ майскій...
Удивлялся ты вѣрно на пламя и дымъ,
На пальбу и на бой барабанный,
И на чуждыхъ гостей вѣрно съ бѣшенствомъ злымъ
Рвался съ цѣпи въ приходъ ихъ нежданный...
Всѣ куда-то исчезли... все пусто кругомъ
Ты одинъ здѣсь остался, голодный...
Въ добромъ, умномъ и воющемъ рылѣ твоемъ
Сколько горькой тоски безъисходной!..
Бѣдный песъ! есть въ далекой столицѣ одной
Кабинетъ, гдѣ все пышно, богато;
Тамъ родилась погибель твоя—это злой
Политическій планъ дипломата...
Планъ отнять у сосѣда землицы клочокъ,
Тысячъ жизней людскихъ не жалѣя.
Посуди, до тебя-ль дипломату, дружокъ,
До избы-ль земледѣльца-плебея?
За гаванской сигарой, студя шоколадъ,
Онъ съ партнеромъ—съ сосѣдней страною,
Прекомфортно въ границы земель и въ солдатъ
Занятъ тонкой азартной игрою...
Бѣдный песъ! какъ ты рвешься на цѣпи своей!
Ты не рабъ... люди-жъ ходятъ стадами
Добровольно на бойню свою, передъ ней
Франтовски щеголяя цѣпями.

Л. Пальминъ.

Четыре Ангела.

„Tout comprendre—c'est tout
pardoner“.
M-me de Staël.

Минулъ холодный, зимній день,—
И лишь настала ночь,
Въ своихъ кроваткахъ улеглись
Три мальчика и дочь.

Четыре ангела съ небесъ
Слетѣли тихо къ нимъ—
И тихо стали въ головахъ,
Воздушные, какъ дымъ.

При тусклой лампѣ, у стола,
Склоняся головой
Сидитъ, работая, отецъ,
И блѣдный, и худой.

Въ сыромъ углу, на сундукѣ,
Больная мать лежитъ
И, глядя въ сторону дѣтей,
Вздыхая говоритъ:

„Мы десять лѣтъ живемъ съ тобой
Въ заботахъ и трудѣ,
Но мало знали свѣтлыхъ дней,—
И вѣчно мы въ нуждѣ.

На Бога часто я ропщу,
Браню тебя и всѣхъ;—
Придется мнѣ отвѣтить *тамъ*
За этотъ тяжкій грѣхъ!“

Отецъ работаетъ сильнѣй
И, хмурясь, молчитъ;
Но шепчутъ ангелы въ отвѣтъ:
—„За это Богъ проститъ!"—

„Молиться стала рѣдко я,
Работая весь день,—
И этотъ грѣхъ на душу мнѣ
Давно ужъ легъ, какъ тѣнь".

Отецъ, поникнувъ головой,
Вздыхаетъ—и молчитъ;
Но шепчутъ ангелы въ отвѣтъ:
—„И это Богъ проститъ!"—

„Богатымъ стала я теперь
Завидовать, порой,
И часто ихъ кляну въ душѣ...
—Вѣдь это грѣхъ большой!"

Отецъ, вздохнувъ, проговорилъ:
„Да кто ихъ не бранитъ!"
И шепчутъ ангелы въ отвѣтъ:
—„Вамъ это Богъ проститъ!"

Охъ, даже стыдно вспомнить мнѣ,
—Прости, мой другъ, меня!—
Съ тобой бранилась я не разъ,
Судьбу свою кляня".

„Я все забылъ", сказалъ отецъ:
„И Богъ тебя проститъ!"
И шепчутъ ангелы въ отвѣтъ:
„—*Аминь* онъ говоритъ".—

„Еще тяжелѣй на душѣ,
И этотъ грѣхъ не снесть:—
Бивала я дѣтей моихъ
Когда просили ѣсть,

А въ домѣ не было куска—
И ты лежалъ безъ ногъ..."
Но шепчутъ ангелы въ отвѣтъ:
—„Проститъ и это Богъ!"—

„Всего больнѣе вспомнить мнѣ
Про грѣхъ одинъ большой:
Въ нуждѣ, чтобъ дѣтокъ прокормить,
Кривили мы душой,—

И въ поясъ кланялися тѣмъ,
Кто грязи былъ чернѣй,
И унижалися не разъ—
Для счастія дѣтей".

Отецъ, вдругъ, страшно поблѣднѣлъ,
Вздохнулъ—и задрожалъ...
Къ женѣ, шатаясь, подошелъ
И тихо ей сказалъ:

„Да, намъ придется отвѣчать
За этотъ грѣхъ и стыдъ!..."
Но шепчутъ ангелы въ отвѣтъ:
—„Вамъ *все* Господь проститъ!"

Ив. Якунинъ.

Папаша.

Я давно замѣчалъ этотъ сѣренькій домъ,
Въ немъ живутъ двѣ почтенныя дамы,
Тишина въ немъ глубокая днемъ,
Сторы спущены, заперты рамы.

А вечерней порой иногда
Здѣсь движенье веселое слышно:
Пріѣзжаютъ сюда господа
И дѣвицы, одѣтыя пышно.
Вотъ и нынче карета стоитъ,
Въ ней какой-то мужчина сидитъ
Свищетъ онъ, поджидая кого-то,
Да на окна глядитъ иногда.
Наконецъ, отворились ворота
И, нарядна, мила, молода,
Вышла женщина...
„Здравствуй, Наташа!
Я ужъ думалъ—не будетъ конца!“
„Вотъ тебѣ деньги, папаша!“
Дѣвушка сѣла, цѣлуетъ отца.
Дверцы захлопнулись, скрылась карета
И постепенно затихъ ея шумъ.
„Вотъ тебѣ деньги!“ Я думалъ: что-жъ это?
Дикая мысль поразила мой умъ.
Мысль эта сердце мучительно сжала.
Прочь, ненавистная, прочь!
Что же, однако, меня испугало?
Мать, продающая дочь,
Не ужасаетъ насъ... такъ почему же?
Нѣтъ, не повѣрю я!.. извѐргъ злодѣй!
Хуже убійства, предательства хуже?..
Хуже-то хуже, да легче, вѣрнѣй
Да и понятнѣй. Въ нашъ вѣкъ утонченный
Изверги водятся только въ лѣсахъ.
Это не извгргъ, а фактъ современный—
Фатъ устарѣлый безъ мѣста, въ долгахъ.
Что-жъ ему дѣлать? Другого закона,
Кромѣ дендизма, онъ въ жизни не зналъ,
Жилъ человѣкомъ хорошаго тона
И умереть имъ желалъ.
Поздно привыкъ онъ ложиться,
Поздно привыкъ онъ вставать,
Кушая кофе, помадиться, бриться.
Ногти точить и усы завивать;

Часъ или два передъ тонкимъ обѣдомъ
Невскій проспектъ шлифовать.
Съ молоду былъ онъ лихимъ сердцеѣдомъ:
Долго-ли денегъ достать?
Съ шикомъ одѣлся, приставилъ лорнетку
Къ лѣвому глазу, прищурилъ другой,
Мигомъ плѣнилъ пожилую кокетку
И полилось ему счастье рѣкой.
Сладки трофеи нетрудной побѣды—
Кровныя лошади, поваръ французъ...
Боже! какіе давалъ онъ обѣды—
Роскошь, изящество, вкусъ!
Подлая сволочь глотала ихъ жадно.
Подлая сволочь?... о, нѣтъ!
Все, что богато, чиновно, парадно
Кушало съ чувствомъ и съ толкомъ обѣдъ.
Мы за здоровье хозяина пили,
Мы цѣловалися съ нимъ,
Правда, что слухи до насъ доходили...
Что намъ до слуховъ—вѣрить ли имъ?
Старый газетчикъ въ порывѣ усердія,
Такъ отзывался о немъ:
„Другъ справедливости! жрецъ милосердія!"
То вдругъ облаялъ потомъ—
Вѣрь чему хочешь! Мы въ немъ не замѣтили
Подлости явной: въ игрѣ онъ платилъ.
Муза! воспой же его добродѣтели!
Вспомни, онъ набоженъ былъ;
Вспомни, онъ руку свою тароватую
Вѣчно раскрытой держалъ,
Даже Жуковскому что-то на статую
По добротѣ своей далъ!
Счастье, однако, на свѣтѣ не прочно—
Хуже да хуже съ годами дѣла.
Силъ ему много отпущено, точно,
Да красота измѣнять начала.
Онъ ужъ купилъ три таинственныхъ банки:
Это—для губъ, для лица и бровей,
Учетверилъ благородство осанки

И величавость походки своей;
Ходитъ по Невскому съ палкой, съ лорнетомъ
Сорокалѣтній герой.
Ходитъ зимою, весною и лѣтомъ,
Ходитъ и думаетъ: „Чортъ-же съ тобой,
„Городъ проклятый! Я строенъ какъ тополь,
„Счастье найду по другимъ городамъ!“
И, разсердясь, покидаетъ Петрополь...
Можетъ быть, вѣдомо вамъ,
Что за границей мѣстами есть воды,
Гдѣ собирается множество дамъ—
Милыхъ поклонницъ свободы,
Дамъ и отчасти дѣвицъ,
Ежели дамъ, то въ замужествѣ несчастныхъ;
Разнаго возраста лицъ,
Но одинаково страстныхъ,—
Словомъ, такихъ, у которыхъ талантъ
Жалкой славой прославился въ свѣтѣ,
И за которыхъ Жоржъ-Сандъ
Передъ мыслителемъ русскимъ въ отвѣтѣ.
Что привлекаетъ ихъ въ городъ такой,
Славный не столько водами,
Сколько азартной игрой
И... но вы знаете сами...
Трудно рѣшить. Говорятъ,
Годы терпѣнья и плѣна,
Тяжкихъ обидъ и досадъ
Вдругъ выкупаетъ измѣна;
Ежели такъ, то цѣлительность водъ
Не подлежитъ ни какому сомнѣнью.
Бурно ихъ жизнь тамъ идетъ,
Вся отдана наслажденью.
Оригиналенъ нарядъ,—
Дома одѣты, а въ люди
Полураздѣться спѣшатъ;
Голыя спины и голыя груди!
(Впрочемъ, не къ каждой изъ дамъ
Эти идутъ укоризны;
Такъ, напримѣръ, только лѣчатся тамъ

Скромныя дочери нашей отчизны)...
Нашъ благородный герой
Тамъ свои сѣти раскинулъ,
Тамъ онъ блисталъ еще годикъ-другой,
Но и оттудова сгинулъ.
Лѣтъ черезъ восемь потомъ
Онъ воротился въ Петрополь,
Все еще строенъ, какъ тополь,
Но уже нѣсколько хромъ,
То-есть, не хромъ, а немножко
Стала шалить его лѣвая ножка—
Вовсе не гнулась! Шагалъ
Ею онъ словно полѣномъ,
То вдругъ внезапно болталъ
Въ воздухѣ правымъ колѣномъ.
Бѣлый платочекъ въ рукѣ,
Грусть на челѣ горделивомъ,
Волосы съ бурымъ отливомъ—
И ни кровинки въ щекѣ!
Плохо!..
А вкусы такъ пошлы и грубы.
Дай имъ красавчика, кровь съ молокомъ...
Волкъ, у котораго выпали зубы,
Бѣшено взвылъ; оглядѣлся кругомъ
Да и рѣшился... Трудами питаться
Нѣтъ ни умѣнья, ни силъ,
Въ бѣдности гнусной открыто признаться
Передъ друзьями, которыхъ кормилъ,
И удалиться съ роскошнаго пира—
Нѣтъ! добровольно герой
Санктпетербургскаго моднаго міра
Не достигаетъ развязки такой.
Молодъ—такъ дѣло женитьбой поправитъ,
Старъ—такъ игорный притонъ заведетъ,
Вексель фальшивый составитъ,
Въ легкую службу пойдетъ,
Славная служба! Нашъ старый красавецъ
Чуть не пошелъ было этой тропой,
Да не годился... Вотъ этотъ мерзавецъ!

Подъ руку съ дочерью! Весь завитой,
Кольца, лорнетка, цѣпочка вдоль груди...
Плюньте въ лицо ему, честные люди!
Или уйдите хоть прочь!
Легче простить за поджогъ, за покражу—
Это отецъ, развращающій дочь
И выводящій ее на продажу!!..
„Знаемъ мы, знаемъ—да дѣла намъ нѣтъ,
„Очень горячъ ты, любезный поэтъ!“
Музыка въ родѣ шарманки
Однообразно гудитъ.
Сонно поютъ испитыя цыганки,
Глупый цыганъ каблуками стучитъ.
Около русой Наташи
Пять молодыхъ усачей
Пьютъ за здоровье папаши,
Кажется, весело ей:
Смотритъ спокойно, наивно смѣется.
Пусть же смѣется всегда!
Пусть никогда не проснется!
Если-жъ проснется, что будетъ тогда?
Ножъ-ли ухватитъ, застонетъ-ли тяжко
И упадетъ безъ дыханья, бѣдняжка,
Сломлена ужасомъ, горемъ, стыдомъ?
Кто ее знаетъ! Не дай только, Боже,
Быть никому въ ея кожѣ,—
Звать обнищалаго фата отцемъ!

Н. Некрасовъ.

Пожаръ.

Шумъ ужасный въ Богородскѣ,
Въ переулкахъ толкотня,
Мужики, мальчишки, бабы,—
Хаосъ страшный и возня...

„Ай, ребята, дѣло плохо,
Надо намъ добро спасать!“
Всѣ кричатъ, а сторожей-то,
Какъ нарочно, не видать...

Пьяны, что-ли?! Эко горе,
Домъ у старосты горитъ!
И въ Собачій переулокъ
За толпой толпа валитъ.

Спохватились инструментовъ,
Чтобъ пожарныхъ розыскать,
Въ ожиданьи ихъ, руками
Балки начали таскать...

Бабы съ ведрами помчались,
Какъ шальныя, за водой;
Инструментовъ нѣтъ въ поминѣ,
Ну, хоть просто волкомъ вой...

Наконецъ, ихъ розыскали:
Двѣ малюсенькихъ трубы,
Крюкъ, рогатина... и только
Со стихіей для борьбы.

Потащили ихъ на мѣсто,
Трубы начали хрипѣть,
Небольшой былъ вѣтеръ, къ счастью,
Не далъ онъ селу сгорѣть.

Эхъ, провинція родная,
Какъ въ тебѣ, ей-Богу, жить,
Коли средствъ пустяшныхъ нѣту,
Чтобъ огонь порой залить.

Нѣтъ на улицахъ, гдѣ надо,
Сторожей, порой, ночныхъ.
Если-жъ есть, то спятъ иль пьяны,—
Мало пользы всѣмъ отъ нихъ.

Завестись трубой пожарной—
Оно, точно, мудрено!
Но наитія такого,
Видно, свыше не дано!

Лишь тогда объ этомъ вспомнятъ,
Какъ бѣда грозой пришла,
Всѣ замечутся, застонутъ,
Изъ конца въ конецъ села...

Бабы воютъ, какъ шальныя,
Дѣти всѣ, ревмя, ревутъ;
Мужички съ просонья вскочутъ
И помочь бѣдѣ бѣгутъ.

Хвать воды, воды ни капли,
Инструментовъ не видать,
Изъ огня пришлося бревны
Имъ руками разбирать...

Все сгорѣло... „Воля Божья!“
Говоритъ честной народъ,
Перекрестится и терпитъ,—
Что Господь пошлетъ впередъ?!..

Эхъ, провинція родная,
Какъ въ тебѣ, ей-Богу, жить,
Коли средствъ пустяшныхъ нѣту,
Чтобъ огонь порой залить?

В. В—овъ.

Великій мужъ.

„Великій мужъ—читаю я въ газетѣ—
Отправился ad patres...“ Вотъ бѣда!
Что этотъ мужъ существовалъ на свѣтѣ,
Не вѣдалъ я, клянусь вамъ, господа!
Богатые скрываются въ могилахъ,
Но и туда, угаснувъ, вносятъ спѣсь,—
А я, бѣднякъ, покуда мыслить въ силахъ,
Мечтаю такъ, что не угасну весь,—
Что хоть денекъ послѣ моей кончины
Я въ пѣсенкахъ моихъ останусь живъ,—
Что вы, друзья, въ минуту злой кручины
Припомните тоскливый ихъ мотивъ.

Но, можетъ быть, мечтаю я напрасно
И дерзостно?—Простите мнѣ, друзья!—
Мечтать—не грѣхъ. Мечтаютъ безопасно
И пахари, и гордые князья.
Мечтаетъ тотъ, кто орошаетъ пóтомъ
Свой тяжкій трудъ. Мечтаетъ и богачъ.
Иди пѣшкомъ, отдавшися заботамъ,
Или помчись въ каретѣ барской вскачь,—
Не все-ль равно?—Одной достигнешь цѣли,—
Отправившись въ сырую землю—мать!
Съ той разницей, что я въ доскахъ изъ ели
На кладбищѣ улягусь подремать,
А ты уснешь, великихъ дѣлъ сподвижникъ,
Мужъ доблестный!—подъ мраморной плитой;
А надо мной увѣсистый булыжникъ
Окажется близь сосенки густой.
Тамъ—кипарисъ, а здѣсь—сосна... Но вздохомъ
Безумно я не выражу тоски:
Булыжникъ мой покроется лишь мохомъ,
А мраморъ твой разсыплется въ куски!

Л. Трефолевъ.

Окно въ Европу.

... и думалъ онъ:
„Отсель грозить мы будемъ Шведу,
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно“.
А. Пушкинъ.

Знать, одолѣлъ морозъ трескучій.
Знать, было на Руси темно,
Коль сильнымъ взмахомъ царь могучій
Въ Европу прорубилъ окно.
Не намъ судить, за что обрекъ онъ
Насъ вѣчно мерзнуть надъ Невой,—
Какъ будто не нашлось бы оконъ
Въ привольной мѣстности иной,—
За что въ убійственной работѣ
Толпы людей погибли тамъ,
Гдѣ нынче городъ на болотѣ
Чело возноситъ къ облакамъ...
Вотъ—слишкомъ полтора столѣтья
Сидимъ мы сиднемъ у окна,
Дожили до тысячелѣтья,
Достигли совершеннолѣтья,
А Русь-то все еще темна!
Все ледъ еще подъ нами тонокъ!
Давно мы вышли изъ пеленокъ
А предъ глазами—пелена...
Какъ долго, въ полуснѣ зѣвая,
Мы лбомъ совалися въ окно!
Мысль не влетала къ намъ живая:
Отъ ней хранило насъ оно
Своими стеклами двойными!..
Подъ волей и рѣзцемъ стальными
Упала наша *борода*,
Но не разстались и тогда

Мы съ распорядками родными.
Мукой напудривъ парики,
Бойка на слово, Русь съизмала
По-европейски лепетала,
Брала, что было ей съ-руки,
Гналась за всѣмъ *наружно*-новымъ
И, пользуясь добромъ готовымъ,
Хватала мудрости вершки;
Увлекшись духомъ подражанья,
Не сознавая силъ своихъ,
Едва разжевывала знанья
И не усвоивала ихъ;
На-грѣхъ, въ политику пустилась,
Но дома ей не повезло...
Въ Парижъ, по паспорту, просилась,
Да не пускали—какъ на зло!
. . . .
И вдругъ—шагнули мы далеко
И заповѣдное окно
Дыханьемъ времени широко
Предъ нами вдругъ растворено!
Неотразимою волною
Къ намъ свѣжій воздуха притокъ
Ворвался—и принесъ съ собою
Цивилизаціи итогъ.
Вотъ тутъ себя мы показали!
Мы сномъ такимъ блаженнымъ спали,
Что то, о чемъ еще вчера
Не думали и не гадали,
Свершилось—почеркомъ пера!
Какъ послѣ страшнаго разгрома,
Не вдругъ очнулись мы... затѣмъ,
Благословясь, засѣсть бы дома
И дѣло дѣлать бы?—зачѣмъ?
Нѣтъ! мы бросаемъ наши нивы,
Сбираемъ скромный свой доходъ
И быстро мчатъ локомотивы
Насъ въ запада круговоротъ.
Въ кредитъ добывъ себѣ заранѣ

Кредитныхъ *радужныхъ* надеждъ,
Съ дешевымъ паспортомъ въ карманѣ,
Мы грозимъ, не смыкая вѣждъ;
На все глядимъ мы сплошь и рядомъ,
Мотая русскіе рубли;
Въ Берлинѣ запасясь нарядомъ,
Въ Парижѣ—современнымъ взглядомъ,
Мы рады плыть на край земли;
Играемъ въ Баденѣ въ рулетку
И скверный курсъ намъ—ни почемъ!
И осенью въ родную клѣтку
Насъ не заманишь калачемъ...
Вотъ, наконецъ, свершивши много
Къ облегченію сумы,
Упрыгались! въ конецъ зимы
Лежитъ намъ къ сѣверу дорога...
Отъ стужи морщась, мы въ окно
Обратно лѣземъ поневолѣ:
Насъ ждетъ невспаханное поле,
Насъ ждетъ раскрытое гумно;
Видъ сельскій—безотрадно-скученъ,
Мужикъ не внесъ еще оброкъ,
Межъ тѣмъ, за неуплату въ срокъ,
Отъ *опекунскаго* полученъ
Категорическій намекъ...
Какъ быть? до новаго потопу
Не лучше-ль силы поберечь?
Не завалиться ли на печь,
Заколотивъ окно въ Европу?

А. Яхонтовъ.

Прогрессъ.

Придумалъ нѣмецъ обезьяну,
И въ колбасу кладетъ горохъ.
Французъ насъ учитъ всѣхъ канкану,
Персъ—истреблять клоповъ и блохъ.

Швейцарецъ сыромъ щеголяетъ,
Проникъ въ Японію прогрессъ:
Бритъ—соблюдая интересъ,
Китайцевъ макомъ угощаетъ.

Уже придуманъ вкусофонъ;
Чеснокъ почти не ѣстъ испанецъ.
Свѣтъ проливаетъ Эдисонъ,
Сельдей всѣхъ выловилъ Голландецъ.

Одѣлся „жидъ“ давно во фракъ,
Въ жида Австріецъ обратился;
Вновь Турокъ сѣять сталъ табакъ
И съ долгомъ чуть не расплатился.

У Итальянцевъ макароны
Найдешь почти въ версту длиной,
Индѣецъ носитъ панталоны,
А крокодилъ совсѣмъ ручной.

Лишь Пошехонецъ ковыляетъ;
Онъ у народа на глазахъ,
Какъ заблудился въ трехъ соснахъ,
Такъ по сейчасъ въ нихъ и плутаетъ.

Комовъ.

Сила земская.

(Посвящено Дм. И. Иванову).

Высоко уже въ чистой лазури, ясна
Воля—солнышко людямъ свѣтила,
Какъ, пригрѣтая ею, отъ крѣпкаго сна
Встала на ноги земская Сила.
Почивала та Сила въ широкихъ лугахъ
И въ снѣгу, на морозѣ трескучемъ,
На привольно-зеленыхъ рѣчныхъ берегахъ
И въ лѣсу, непроглядно-дремучемъ
Почивала и тамъ, гдѣ бѣда мужика
Донимаетъ въ убогой лачужкѣ,
На болотѣ, въ грязи, у дверей кабака
И въ сгорѣвшей до тла деревушкѣ.

Встала на ноги Сила: пришелъ ея часъ!
Осѣнилась крестомъ, поглядѣла...
„Эхъ, начальство-отцы! на Руси-то у насъ
„Что лежитъ непочатаго дѣла!
„И здоровы-жъ мы спать! хоть шаромъ покати—
„Голью голь, какъ была, остается;
„Хоть до завтрава ротъ-то зѣвая кости,—
„Начинать все сначала придется!“
Да и вправду живемъ, а ни шагу впередъ,
Тутъ—пропали хлѣба, голодаетъ народъ,
(Проку нѣтъ отъ казенныхъ амбаровъ)
Тамъ—отъ лютыхъ заразъ онъ безпомощно мретъ,
Тамъ—бѣда отъ засухъ и пожаровъ.
По дорогамъ—какихъ не натерпишься бѣдъ!
Пріуныло село: не до пѣсни!
Въ сундукѣ ни гроша у хозяина нѣтъ
И добыть его негдѣ—хоть тресни!
Пусты школы, безпомощенъ темный нашъ людъ,
Переполненъ кабакъ окаянный,

Всѣ чего-то еще безотвѣтно ждутъ,
Непривычные къ волѣ желанной...

Точно сиднемъ сидѣвшій Илья-Богатырь,
Стала Сила на волю проситься:
Передъ ней впереди—необъятная ширь,
Ужъ и есть гдѣ душѣ расходиться!
Сонъ стряхая съ очей, кличъ великій она
На всю Русь подняла: „отоприте"!
„Что лежать на печи? Безъ коварства и зла
„Мнѣ въ помогу *людей* изберите"!
И отъ дальнихъ концовъ необъятной земли,
Вспрянувъ съ лона Руси-исполина.
Силы свѣжія къ ней притекли,
Всѣ сословья сплотились въ едино.
Нѣтъ и рѣчи межъ нихъ о сословной борьбѣ:
Люди земства душою и тѣломъ,
Лишь ревнуютъ они заявить о себѣ
И разумною рѣчью, и дѣломъ.
Словно на морѣ вѣтеръ—живую волну
Подымаютъ они повсемѣстно...
Собрались, оглядѣлись, открыли мошну,
Заработали дружно и честно.

Только нѣтъ имъ, сердечнымъ прямаго пути,
Хоть зарею вдали просвѣтлѣло;
Твердой почвы не могутъ они обрѣсти...
Что за притча! Не спорится дѣло!
Путь лежитъ имъ, порой, черезъ дебри, лѣса,
Иль песками сыпучими, боромъ;
Издалека несутся ихъ врозь голоса,
А не дружно-стремительнымъ хоромъ.
Буреломъ на пути ихъ, да кочки да пни;
Дно обильныхъ источниковъ—сухо,
Просятъ капли росы, просятъ свѣта они—
Все кругомъ безотвѣтно и глухо!
. . . .
. . . .

Ждетъ по-нынѣ чего-то родная земля,
Какъ и встарь, о порядкѣ и правдѣ моля,
Бьются кровью здоровой въ ней крѣпкія жилы...
Не изъ нѣдра ея вышли темныя силы!
Нѣтъ, не въ земскомъ руслѣ зарождается ядъ,
Разливаясь струею широкой,
Не подъ земскою почвою змѣи шипятъ
И во мракѣ гнѣздятся глубоко.
Тщетенъ помыселъ: добрую силу губя,
Отъ наноснаго зла откреститься!
Дайте Силѣ увѣровать твердо въ себя,
Дайте съ жизнью народа ей слиться.
Не бывать ей поборницей золъ—
Было-бъ ей лишь просторно и вольно—
Не до смутъ намъ чужихъ и крамолъ:
Своего у насъ дѣла довольно!

А. Яхонтовъ.

Казнокрадъ.

Будь дѣлецъ не бойкій, будь плохой ораторъ,
Будь судья немудрый (хоть не дай-то Богъ),
Неумѣлый даже будь администраторъ,
Горе-педагогъ,—

Стерпимъ! что-же дѣлать? Съ бранью, иль укоромъ,
А терпѣть придется—и не мало лѣтъ—
Хоть порой и плакать... да не будь же воромъ!
Хуже вора—нѣтъ!

Мелкаго воришку оттолкнешь ногою,
Вотъ онъ взятъ съ поличнымъ, да и самъ не радъ,
Но взгляните, ходитъ съ важностью какою
Крупный казнокрадъ!

Громко говоритъ онъ (мѣдный лобъ!) о чести,
Увлекаетъ женщинъ, держитъ рысаковъ,
Слушаетъ учтиво голосъ грубой лести,
Дать въ займы готовъ.

Надъ людскимъ довѣрьемъ втайнѣ онъ смѣется,
Онъ, къ кругу воришекъ, важный господинъ.
Адвокатъ горячій для него найдется,
Да и не одинъ.

Ловко-ли поддѣлалъ банковые чеки,
Попросту ли схапалъ, обморочивъ всѣхъ,
Говорятъ: *увлекся! Всѣ мы человѣки!*
Знать попуталъ грѣхъ!

Вотъ и извиненье вѣчное готово:
Словомъ: *увлеченье*—все объяснено!
Кто придумалъ это бархатное слово?
Мягко такъ оно!

На воровъ возстали гласность, обличенья—
Не беретъ ничто ихъ! Бѣдная печать!
Видно, ты безсильна противъ *увлеченья?..*
Неужель молчать?

Страшно! отовсюду горестныя вѣсти:
Расползлись вы, тати, по Руси родной!..
Вѣдь у васъ—помимо совѣсти и чести—
И разсчетъ хромой:

Какъ бы ложь-старуха вамъ ни ворожила,
Основанье тайны каждой на—Пескѣ:
Рано, или поздно, не удастся шила
Утаить въ мѣшкѣ.

Нѣтъ, не избѣжать вамъ кары и позора!
Къ многому снисходитъ равнодушный свѣтъ.
Но въ серцахъ присяжныхъ къ *увлеченьямъ* вора
Состраданья нѣтъ.

А. Яхонтовъ.

Человѣку.

Какъ высоко твое, о, человѣкъ, призванье—
Отъ лика Божія на землю павшій свѣтъ!
Есть все въ твоей душѣ, чѣмъ полно мірозданье,
Въ ней все нашло себѣ созвучье и отвѣтъ.
Въ гармонію міровъ прозрѣлъ ты мысли окомъ,
И все согрѣлъ своимъ ты внутреннимъ огнемъ,
Исполненный какъ міръ, ничтожнымъ и высокимъ,
Ты гордо примирилъ ихъ въ существѣ своемъ.
И собираешь ты разбросанныя знанья,
И мудро связь даешь законамъ естества,
И всѣ твои могучія созданья
Просвѣтлѣны участьемъ Божества...
Но отчего, скажи, семьѣ твоихъ собратій
Чужда гармонія, объемлющая міръ?—
Средь разногласія желаній и проклятій
Свой жизненный вы празднуете пиръ...

И прочныхъ нѣтъ у васъ законовъ и свободы,
И вы враждуете, смиряя океанъ,
И, цѣлость находя въ безбрежіи природы.
Свой разбиваете общественный органъ.
За мысль незрѣлую, или за признакъ счастья
Вы расточительно пролить готовы кровь,
Твердя, что ко всему исполнены сострастья,
И что произвела все сущее Любовь...

Смотри, какъ на небѣ течетъ порядокъ вѣчный,
Неизмѣняемо идетъ за вѣкомъ вѣкъ,
Единство царствуетъ въ природѣ безконечной:—
Въ одной твоей семьѣ смятенье, человѣкъ!

Н. Ф. Щербина.

Пустая церковь.

Вечерня отошла, послѣдній возгласъ клира
Замолкъ подъ сводами, волнуется народъ,
Молитва кончена и снова голосъ міра,
Въ растворенную дверь, дѣтей своихъ зоветъ.
Покорная ему, спѣшитъ толпа густая—
Тѣ къ отдыху, домой, а тѣ—къ ночнымъ трудамъ,
Кто набожно крестясь, кто нищихъ одѣляя,
Народъ расходится, пустѣетъ Божій храмъ.
Пустѣетъ... только тамъ, старушка у иконы
Да дряхлый инвалидъ, осталися одни;
И тѣ, спѣша уйдти; послѣдніе поклоны
Творятъ размашисто, вотъ вышли и они.
За ними вслѣдъ прошелъ священникъ торопливо.
И звукъ его шаговъ, на каменномъ полу,
Замолкъ на паперти, и сторожъ молчаливый
Лампады потушилъ, и сѣлъ въ углу.
Послѣдній солнца лучъ, въ окошко проникая,
Скользитъ и движется по стѣнамъ и столбамъ,
И лики темные, какъ будто оживая,
Глядятъ таинственно, являясь тутъ и тамъ.
Порой блеснетъ окладъ, мелькнетъ рѣзная рама,
Иль сцены библіей завѣщанныхъ картинъ;
Кругомъ и полумракъ и тишь пустаго храма...
Вотъ сторожъ задремалъ. Теперь я здѣсь одинъ,
Одинъ... нѣтъ не одинъ!.. Мнѣ слышатся рыданье,
Здѣсь горе и печаль, здѣсь люди быть должны;
Еще здѣсь кто-то ждалъ, тая въ груди страданье
Уединенія, безлюдья, тишины.
Ищу, кто-бъ это былъ? Чье горе, укрываясь,
Пришло на единѣ излиться предъ Творцомъ!
Вотъ группа... женщина, слезами заливаясь,
Съ малютками дѣтьми склонилась предъ крестомъ,
Невидимъ за столбомъ, я вижу ихъ свободно.

Бѣдняжка думаетъ, что здѣсь она одна,
И предъ Распятіемъ припавъ къ плитѣ холодной,
Рыдаетъ, жаркою мольбой поглощена,
Какъ будто хочетъ все, весь гнетъ сердечной боли,
Въ ней вылить изъ души растерзанной своей.
Малюткѣ—старшему девятый годъ не болѣ—
Сробѣли, бѣдные и плачутъ вмѣстѣ съ ней.
Сынишка, къ матери припавъ и обнимая,
„Не плачь, мамашенька“, ей нѣжно говорилъ,
„Скажи мнѣ, кто тебя обидѣть могъ, родная?
„Скажи, я заступлюсь, Господь пошлетъ мнѣ силъ“...
И гнѣвомъ и мольбой горятъ его глазенки,
И судорожно сжатъ безвредный кулачокъ;
А рядомъ дѣвочка, сложивъ свои рученки
Глядитъ сквозь слезъ на мать, и дѣтскій голосокъ
Лепечетъ: „Господи! утѣшь ее, мамашу,
Я буду умница, не стану я грѣшить,
Тебѣ вѣдь можно все,—верни скорѣй папашу,
Чтобы не плакать намъ и въ черномъ не ходить“.
И группу скорбную, какъ будто осѣняя,
Воздвиглося надъ ней Распятье въ высотѣ;
И къ плачущимъ съ него объятья простирая,
Склонился Праведникъ, распятый на крестѣ,
Забывъ о собственномъ страданіи суровомъ,
Покрытый язвами и кровію облитъ,
Склонилъ онъ блѣдный ликъ въ вѣнкѣ своемъ терновомъ
И, полный благости, съ любовію глядитъ.
Случайно освѣщенъ въ тотъ мигъ лучемъ заката,
Онъ, мнится, говоритъ имъ взглядомъ кроткихъ глазъ:
„Идите всѣ ко мнѣ, кого гнететъ утрата,
„Ко мнѣ, скорбящіе—я успокою васъ!“

Размышленія у парадпаго подъѣзда.

Вотъ парадный подъѣздъ. По торжественнымъ днямъ.
Одержимый холопскимъ недугомъ,
Цѣлый городъ съ какимъ то испугомъ
Подъѣзжаетъ къ завѣтнымъ дверямъ;
Записавъ свое имя и званье,
Разъѣзжаются гости домой,
Такъ глубоко довольны собой,
Что подумаешь—въ томъ ихъ призванье!
А въ обычные дни этотъ пышный подъѣздъ
Осаждаютъ убогія лица:
Прожектеры, искатели мѣстъ,
И преклонный старикъ, и вдовица.
Отъ него и къ нему то и знай, по утрамъ
Все курьеры съ бумагами скачутъ.
Возвращаясь, иной напѣваетъ „трамъ-трамъ".
А иные просители плачутъ.
Разъ я видѣлъ, сюда мужички подошли,
Деревенскіе русскіе люди,
Помолились и стали вдали,
Свѣсивъ русыя головы къ груди;
Показался швейцаръ.—„Допусти" говорятъ
Съ выраженіемъ надежды и муки.
Онъ гостей оглядѣлъ: не красивы на взглядъ!
Загорѣлыя лица и руки,
Армячишка худой на плечахъ,
По котомкѣ на спинахъ согнутыхъ,
Крестъ на шеѣ и кровь на ногахъ,
Въ самодѣльные лапти обутыхъ.
(Знать брели-то долгонько они
Изъ какихъ-нибудь дальнихъ губерній).
Кто-то крикнулъ швейцару: „гони!
Нашъ не любитъ оборванной черни!"
И захлопнулась дверь. Постоявъ,

Развязали котли пилигримы,
Но швейцаръ не пустилъ, скудной лепты не взявъ,
И пошли они, солнцемъ палимы,
Повторяя: суди его Богъ!
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видѣть ихъ могъ,
Съ непокрытыми шли головами...

А владѣлецъ роскошныхъ палатъ,
Еще сномъ былъ глубокимъ объятъ...
Ты, считающій жизнью завидною
Упоеніе лестью безстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! есть еще наслажденіе:
Вороти ихъ! въ тебѣ ихъ спасеніе!
Но счастливые глухи къ добру...

Не страшатъ тебя громы небесные,
А земные ты держишь въ рукахъ,
И несутъ эти люди безвѣстные,
Неисходное горе въ сердцахъ.

Что тебѣ эта скорбь вопіющая,
Что тебѣ этотъ бѣдный народъ?
Вѣчнымъ праздникомъ быстро бѣгущая
Жизнь очнуться тебѣ не даетъ.
И къ чему? Щелкоперовъ забавою
Ты народное благо зовешь;
Безъ него проживешь ты со славою,
И со славой умрешь!
Безмятежнѣй аркадской идилліи
Закатятся преклонные дни:
Подъ плѣнительнымъ небомъ Сициліи,
Въ благовонной древесной тѣни,
Созерцая, какъ солнце пурпурное
Погружается въ море лазурное,
Полосами его золотя,—
Убаюканный ласковымъ пѣніемъ
Средиземной волны,—какъ дитя

Ты уснешь, окруженъ попеченіемъ
Дорогой и любимой семьи,
(Ждущей смерти твоей съ нетерпѣніемъ);
Привезутъ къ намъ останки твои,
Чтобъ почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты въ могилу... герой,
Въ тихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!

Впрочемъ, чтожъ мы такую особу
Безпокоимъ для мелкихъ людей?
Не на нихъ ли намъ вымѣстить злобу?—
Безопаснѣй... Еще веселѣй
Въ чемъ нибудь пріискать утѣшенье...
Не бѣда, что терпитъ мужикъ:
Такъ ведущее насъ Провидѣнье
Указало... да онъ же привыкъ!
За заставой, въ харчевнѣ убогой
Все пропьютъ бѣдняки до рубля
И пойдутъ, побираясь дорогой,
И застонутъ... Родная земля!
Назови мнѣ такую обитель,
Я такого угла не видалъ,
Гдѣ бы сѣятель твой и хранитель,
Гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ?
Стонетъ онъ по полямъ, по дорогамъ,
Стонетъ онъ по тюрьмамъ, по острогамъ,
Въ рудникахъ, на желѣзной цѣпи;
Стонетъ онъ подъ овиномъ, подъ стогомъ,
Подъ телѣгой, ночуя въ степи;
Стонетъ въ собственномъ бѣдномъ домишкѣ,
Свѣту Божьяго солнца не радъ;
Стонетъ въ каждомъ глухомъ городишкѣ,
У подъѣзда судовъ и палатъ.
Выдь на Волгу: чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется—
То бурлаки идутъ бичевой!..
Волга! Волга! Весной многоводной

Ты не такъ заливаешь поля,
Какъ великою скорбью народной
Переполнилась наша земля—
Гдѣ народъ, тамъ и стонъ... Эхъ, сердечный!
Что же значитъ твой стонъ безконечный?
Ты проснешься, исполненный силъ,
Иль, судебъ повинуясь закону,
Все, что могъ, ты уже совершилъ,—
Создалъ пѣсню подобную стону
И духовно на вѣки почилъ?..

Н. Некрасовъ.

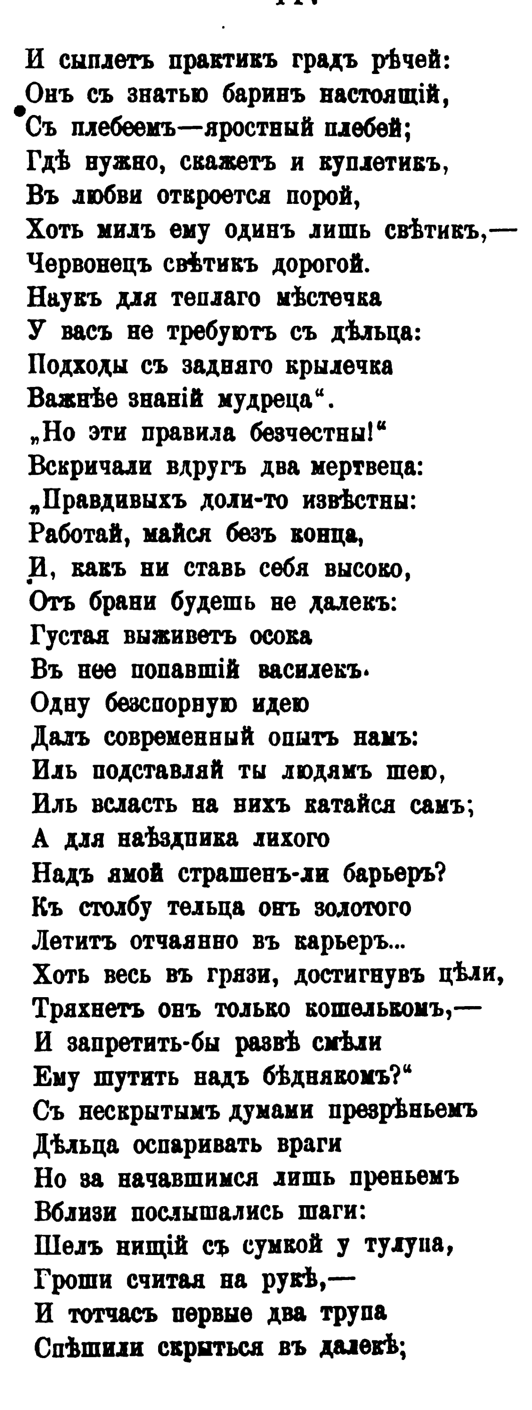
Бесѣда мертвецовъ.

Съ окраинъ глинистыхъ кладбища
Три мертвеца въ тиши ночной,
Оставивъ мрачныя жилища,
Сошлись у липы вѣковой.
Одинъ изъ нихъ, въ мундиръ одѣтый,
Съ значкомъ отличій боевыхъ,
Въ гробу малиновомъ, отпѣтый,
Лежалъ съ годовъ сороковыхъ;
Другой съ вихромъ волосъ косматыхъ,
Въ пальто завернутый и пледъ,
Былъ сынъ годовъ шестидесятыхъ,
А третій—трупъ новѣйшихъ лѣтъ—
Своимъ нарядомъ отличался:
Съ рубашкой снѣжной бѣлизны,
Хоть фракъ на немъ и красовался,
Но странной формы,—безъ спины.

Съумѣлъ духъ времени практичный
Себя и къ мертвымъ приложить:
Снаружи былъ-бы видъ приличный,
А по изнанкѣ—что тужить!
Отъ неожиданной ли встрѣчи,
Съ желанья-ль слушать соловья,
Не приступали долго къ рѣчи
Рабы подземнаго жилья.
Изъ ледяныхъ другъ къ другу взоровъ
У нихъ вражды лилась волна:
Но пищу имъ для разговоровъ
Дала немедленно луна:
Она надъ спавшею вселенной
Катилась по морю огней,—
И тотчасъ началъ трупъ военный
Слагать въ стихахъ посланье къ „ней".
„Кого такимъ тифознымъ бредомъ
Воспѣть надумалися вы?"
Спросилъ мертвецъ, покрытый пледомъ,
Взъерошивъ пряди головы.
„Кого?—извѣстно, дѣву рая,
Съ каскадомъ шелковыхъ волосъ,
Той дѣвы образъ, умирая,
Съ собой въ могилу я унесъ.
Монастыря въ святыя стѣны
Съ тоски по мнѣ она пошла
И грудь бѣлѣй молочной пѣны
Покровомъ чернымъ облегла!.."
„Ребятъ сановниковъ богатыхъ
Такой-бы грудью ей кормить",
Мертвецъ годовъ шестидесятыхъ
Спѣшилъ реально заключить.
„Нѣтъ, сударь, дочка генерала,
А не простого голыша,
Моя богиня, и, бывало,
Въ блаженствѣ млѣлъ я, чуть дыша,
Когда въ разгарѣ менуэта
Ея касался башмачка..."
„И если въ бокъ она за это

Вамъ не отвѣсила толчка.
Такъ, значитъ, не было мозоли
У существа изъ кисеи“.
„Фи, тонъ какой! лакей вы, что-ли,
Любовь узнавшій отъ швеи?“
„Да, пусть съ временъ хоть Чингизъ-хана
Вашъ родъ терпѣлъ кнута ударъ,
Но все-жъ древнѣе обезьяна
Нещадно битыхъ имъ бояръ:
Она двуногихъ прародитель,
Выходитъ, крови мы одной,
И страсти общій нашъ учитель:
Законъ потребности земной;
Ему безмолвно подчиняясь,
Питался если я, да жилъ,
То предразсудкомъ не стѣсняясь,
Хоть безъ стишонковъ, но любилъ“.
„И вы смѣетесь, бросивъ камень
Въ огонь избранниковъ небесъ!
Не ихъ-ли свѣтитъ міру пламень,
Какъ лучъ, мелькающій сквозь лѣсъ;
Не онъ-ли сушитъ наши слезы,
Облагораживаетъ духъ?
Замолкни лира,—съ вѣчной прозы
Сталъ человѣкъ-бы сердцемъ сухъ“.
„Да, хорошо въ бездѣльи сытомъ
Парить отъ скуки въ облака,
А вотъ когда сроднишься съ бытомъ
Полунагого бѣдняка,
То будешь вѣрить въ аксіому,
Махнувъ на звуки громкихъ лиръ,
Что сапоги нужнѣй босому,
Чѣмъ Пушкинъ, Байронъ и Шекспиръ“.
„Ужъ не парчею-ли узорной
Кафтаны черни замѣнить?
Въ ея защиту хамъ задорный,
Пожалуй, пустится звонить,
Что человѣческія лица
И ей даны какъ господамъ,

Но воробей вѣдь тоже птица,
Да развѣ равная орламъ?"
„Ну, имъ давно подрѣзалъ крылья
Народной воли славный день,
А сколько пало ихъ съ безсилья
Стряхнуть наслѣдственную лѣнь;
И васъ не жидкіе-ль карманы
Свели въ предѣлы небытья?"
„Нѣтъ-съ, умеръ честно я,—отъ раны
Вы-жъ, сударь, вѣрно, отъ питья".
„Отчасти да: я выпилъ яду
(Улегшись прежде на кровать),
Когда пришелъ къ такому взгляду—
Зачѣмъ безплодно прозябать?
Пусть людямъ кажется обидно,
Но я готовъ имъ молвить вслухъ,
Что ихъ полезнѣй, очевидно,
Изъ мертвыхъ выросшій лопухъ:
Его ощиплетъ хоть корова..."
  Тутъ прыснулъ смѣхомъ сатаны,
  Не проронивши даромъ слова,
  Мертвецъ во фракѣ безъ спины.
  „Вотъ такъ чудакъ,—о чемъ хлопочетъ,
  Сказалъ, сгибаясь онъ дугой,
  Коровъ кормить собою хочетъ!
Лопухъ-то, жалко, не густой
Растетъ изъ тощихъ фантазеровъ:
Въ нихъ меньше муміи соковъ.
Ну, что пыхтитъ отъ вашихъ споровъ,
Поклонникъ лиръ и башмаковъ?
Ему-бы кинуться къ вамъ съ лаской:
  Вы схожихъ яблонекъ цвѣты,—
  Въ груди народника и въ барской
Сродни наивностью мечты.
Нѣтъ, въ наши дни обходятъ мимо
Тропинку „взглядовъ" и „системъ":
Для благъ теперь необходимо—
Быть всѣмъ, не будучи ничѣмъ.
Смотря по людямъ, подходящій

И сыплетъ практикъ градъ рѣчей:
Онъ съ знатью баринъ настоящій,
Съ плебеемъ—яростный плебей;
Гдѣ нужно, скажетъ и куплетикъ,
Въ любви откроется порой,
Хоть милъ ему одинъ лишь свѣтикъ,—
Червонецъ свѣтикъ дорогой.
Наукъ для теплаго мѣстечка
У васъ не требуютъ съ дѣльца:
Подходы съ задняго крылечка
Важнѣе знаній мудреца“.
„Но эти правила безчестны!“
Вскричали вдругъ два мертвеца:
„Правдивыхъ доли-то извѣстны:
Работай, майся безъ конца,
И, какъ ни ставь себя высоко,
Отъ брани будешь не далекъ:
Густая выживетъ осока
Въ нее попавшій василекъ.
Одну безспорную идею
Далъ современный опытъ намъ:
Иль подставляй ты людямъ шею,
Иль всласть на нихъ катайся самъ;
А для наѣздника лихого
Надъ ямой страшенъ-ли барьеръ?
Къ столбу тельца онъ золотого
Летитъ отчаянно въ карьеръ...
Хоть весь въ грязи, достигнувъ цѣли,
Тряхнетъ онъ только кошелькомъ,—
И запретить-бы развѣ смѣли
Ему шутить надъ бѣднякомъ?“
Съ нескрытымъ думами презрѣньемъ
Дѣльца оспаривать враги
Но за начавшимся лишь преньемъ
Вблизи послышались шаги:
Шелъ нищій съ сумкой у тулупа,
Гроши считая на рукѣ,—
И тотчасъ первые два трупа
Спѣшили скрыться въ далекѣ;

А третій въ темную лазейку
Не прежде крысою шмыгнулъ,
Какъ ловко старую копѣйку
Съ ладони нищаго стянулъ.

Е. В—ая.

Казнь Стеньки Разина.

Точно море, въ часъ прибоя,
Площадь Красная гудитъ.
Что за говоръ? что тамъ противъ
Мѣста лобнаго стоитъ?

Плаха черная далеко
Отъ себя бросаетъ тѣнь...
Нѣтъ ни облачка на небѣ...
Блещутъ главы... Ясенъ день.

Ярко съ неба свѣтитъ солнце
На кремлевскіе зубцы,
И вокругъ высокой плахи
Въ два ряда стоятъ стрѣльцы.

Вотъ толпа заколыхалась,—
Проложилъ дорогу кнутъ;
Той дороженькой на площадь
Стеньку Разина ведутъ.

Съ головы казацкой сбриты
Кудри черные, какъ смоль;
Но лица не измѣнили
Казни страхъ и пытки боль.

Такъ-же мрачно и сурово,
Какъ и прежде, смотритъ онъ,—
Передъ нимъ былое реня
Возстаетъ, какъ яркій сонъ:

Дона тихаго приволье,
Волги-матушки просторъ,
Гдѣ съ судовъ большихъ и малыхъ
Бралъ онъ съ вольницей поборъ;

Какъ онъ съ силою казацкой
Рыскалъ вихоремъ степнымъ,
И кичливое боярство
Трепетало передъ нимъ.

Душитъ злоба удалаго,
Жгетъ огнемъ и давитъ грудь,—
Но тяжелыя колодки
Съ ногъ не въ силахъ онъ смахнуть

Съ болью тяжкою оставилъ
Въ это утро онъ тюрьму:
Жаль не жизни, а свободы
Жалко волюшки ему.

Не придется Стенькѣ кликнуть
Кличъ казацкой голытьбѣ
И призвать ее на помощь
Съ Дона тихаго къ себѣ.

Не удастся съ этой силой
Силу ратную тряхнуть,—
Воеводъ, бояръ московскихъ
Въ три погибели согнуть.

[illegible] подъ [illegible] [illegible] —
[illegible] [illegible] [illegible] —
[illegible] [illegible] побѣгъ
[illegible] побѣгъ [illegible] [illegible].

Знать, ужъ [illegible] [illegible]
Что не [illegible] [illegible] въ бою
И [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible].

Знать, ужъ [illegible] [illegible]
Что на Донъ [illegible] [illegible].
[illegible] родной своей станицѣ
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

Не больше мнѣ [illegible] [illegible].
Да [illegible] не [illegible]
Что [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]:

Что на [illegible] [illegible]
Помянутъ и [illegible]
За [illegible] [illegible]
Съ удалой [illegible].

Нѣтъ, мнѣ не больше [illegible].
Мнѣ горька [illegible] [illegible]
Что [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]!

Вотъ сейчасъ на смертной плахѣ
Срубятъ голову мнѣ.
И казачьей алой кровью
Черный [illegible] и [illegible]...

Ой, ты, Донъ-ли мой родимый!
Волга-матушка-рѣка!
Помяните добрымъ словомъ
Атамана казака!" —

Вотъ и помостъ передъ Стенькой...
Разинъ бровью не повелъ,
И на верхъ онъ, по ступенямъ,
Бодрой поступью взошелъ.

Поклонился онъ народу,
Помолился на соборъ...
И палачъ, въ рубахѣ красной,
Высоко взмахнулъ топоръ...

„Ты прости, народъ крещеный!
Ты прости-прощай, Москва!...“
И скатилась съ плечъ казацкихъ
Удалая голова.

И. Суриковъ.

Въ наше время.

I.

Прологъ.

Роскошь, такъ ужъ роскошь—истинно безпутная;
Бѣдность, такъ ужъ бѣдность—смерть ежеминутная;
Голодъ, такъ ужъ голодъ областію цѣлою;
Пьянство, такъ ужъ пьянство—все съ горячкой бѣлою.

Моды, такъ ужъ моды—все перемудренныя;
Дамы, такъ ужъ дамы—полуобнаженныя;

[illegible] такъ ужъ [illegible]—пьютъ и пьютъ [illegible]
На [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

Нѣтъ, лучше женщины въ красотѣ искусственной,
Съ плечами нарумяненой, чувствами—безчувственной
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]—
За которыхъ [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] такъ ужъ [illegible]—съ [illegible] [illegible]
Деньгамъ, [illegible], разгулу—[illegible] [illegible] [illegible]
Старики пьютъ и падаютъ, какъ грудные дѣточки,
И на нихъ дѣти ихъ—людъ отъ той-же вѣточки.

Воры, такъ ужъ воры,—крупные съ комиссарами;
Кражи, такъ ужъ кражи—чуть не миліардами;
Жуликовъ-мазуриковъ въ эту пору [illegible]—
Какъ на небѣ звѣздочекъ въ полночь морозную.

Мелкіе скандальчики съ крупными безпутствами;
Разоренія частныя съ злостными банкротствами;
Фокусы бумажные, изъ нулей могущества—
И на каждой улицѣ описи имущества.

И на каждой улицѣ, съ музыкою, съ плясками,
Разоряють вѣжливо, обирають съ ласками—
И притоны мрачные, кутежи съ злодѣйствами—
И убійства звѣрскія цѣлыми семействами.

И работа вѣчная и неугомонная,
И холодность мертвая, строгость непреклонная;
И съ трибунъ словесниковъ рѣчь всегда медовая,
И нужда молчащая, но на все готовая.

Скорбь, такъ скорбь безмолвная. Горе, какъ нахлынуло,
Все существованіе разомъ опрокинуло:
Знаетъ погибающій что никто не сжалится
И, какъ снопъ безчувственный, самъ въ могилу валится.

Смѣхъ, такъ смѣхъ насильственный, злобы не скрывающій;
Или разухабистый и стыда незнающій—

Или ужъ отчаянный съ умоизступленіемъ—
Надъ собой, надъ ближними, и надъ всѣмъ твореніемъ.

II.

Хлѣба и зрѣлищъ.

Денегъ! денегъ! денегъ! Вопль надъ цѣлымъ краемъ
Всѣ ожесточились даже страшно стало...
Мы другъ друга гонимъ, топимъ, убиваемъ...
Странно: вѣдь и прежде денегъ не бывало.

Нравы стали мягче,—молвить вообще-то—
Но еще ужаснѣй вопли, стоны, вздохи.
Что-же дальше будетъ? Есть отвѣтъ на это:
Разныя потребы въ разныя эпохи.

Древній Римъ былъ страшенъ всѣмъ земнымъ владыкамъ:
Въ немъ существовала общая потреба—
И недопускавшимъ отлагательствъ крикомъ
Грозно выражалась: „зрѣлищъ намъ и хлѣба!“

Это былъ періодъ варварскаго Рима.
Намъ такое звѣрство даже незнакомо!
Съ знаменемъ прогресса, вьющимся незримо,
Мы идемъ учебнымъ шагомъ въ три пріема.

Но мечту Мадзины и добычу Піевъ—
Въ сторонѣ оставимъ, дѣло тамъ не наше:
Намъ милѣй Архангельскъ, Петербургъ и Кіевъ,
А Москвы-старушки ничего нѣтъ краше.

Древле намъ прогрессомъ не трубили въ уши.
Жили мы спокойно, жили-поживали,
Продавали души, чтобы бить баклуши
И съ душой дѣвичье тѣло покупали.

Было все согласно, было все послушно:
Старики, старухи, бабы, мужичонки
Въ мнѣньяхъ сходились всѣ единодушно:
Никакой душонки нѣтъ, молъ, у дѣвчонки.

Нынѣ хоть и тоже, но не то ужъ дѣло—
Сказано въ писаньи: что, „довлѣетъ злоба";
Также продается и душа и тѣло:
Но особо тѣло и душа особо.

Также продается шутъ приказный
Также ждетъ въ передней ласки и подачки
И, хоть въ новой формѣ, „цѣлесообразной",
Все на тѣхъ же лапкахъ комнатной собачки.

Служитъ и доноситъ, хоть никто не проситъ!
Хоть въ какой поступитъ комитетъ негласный,
Только не смотрите, что ливрею носитъ—
Чортъ его вѣдь знаетъ, можетъ быть онъ красный!

Все перемѣнилось. Женщины поди-ка
Также вѣдь тѣла ихъ продаетъ нужда намъ;
Только вздорожали, какъ зимой клубника,
А развратъ дешевый пахнетъ чемоданомъ.

Зрѣлищъ! зрѣлищъ! зрѣлищъ! вскрикнули мы дружно—
Подавай театровъ—частныхъ и народныхъ!
Для людей развитыхъ развлеченья нужно,
Средство отъ запоя для крестьянъ свободныхъ.

Зрѣлища иныя жизнь даетъ безъ платы
Въ залѣ, гдѣ, святою скорбію томимый,
Съ полотна на судей смотритъ Богъ распятый,
Христіанской эры первый подсудимый.

В. Курочкинъ.

Труженики.

(Посвящается П. А. Никитину).

I.

Много тружениковъ въ мірѣ,
И, скорбя о нихъ, не разъ
Слезы тяжкія, какъ гири,
Заливая полъ въ квартирѣ,
У меня срывались съ глазъ.
Трудъ ихъ—истинно великій,
Клика ихъ—краса славянъ,
И знакомство съ этой кликой
Можетъ горькой быть уликой
Для бездѣльниковъ всѣхъ странъ.
На любого взглядъ свой бросьте,
Сонъ забывшаго, покой,
И воскликните безъ злости:
Экой труженикъ какой!

II.

По головкѣ мота гладя.
Жизнь дары ему несетъ...
Мотъ живетъ, впередъ не глядя:
То умретъ богатый дядя,
Или бабушка умретъ,
Или тесть протянетъ ноги,
И вотъ тутъ-то тяжкій трудъ
Предстоитъ ему, о, боги!—
Строитъ виллы онъ, чертоги,
Неустанно—здѣсь и тутъ—
За капризы щедро платитъ,
Силы, золото, покой
Тратитъ, тратитъ, тратитъ, тратитъ...
Экой труженикъ какой!

III.

Патентованный обжора!
Онъ свершаетъ тяжкій трудъ
У столоваго прибора,
Пожирая страшно скоро
Груду всякихъ жирныхъ блюдъ;
Вѣчно жадный безъ притворства
Всюду можетъ заявить
Геніальное проворство
Въ дѣлѣ лютаго обжорства;
Пьетъ, чтобъ ѣсть, и ѣстъ, чтобъ пить:
Мыслитъ столько-же, какъ муха,
Но въ работѣ день-деньской
Брюхо, брюхо, брюхо, брюхо!...
Экой труженикъ какой!!..

IV.

Вотъ онъ, стоющій участья,
Канцеляріи герой!
Наживающій порой,
Пенсіонъ—при полномъ счастьѣ,
А безъ счастья—геморой.
Изъ за крестика, иль чина
У него трещитъ спина,
И съ покорностью кретина,
Безучастно, какъ машина,
И выносливъ, какъ она,
Онъ единой службой дышетъ,
Проливаетъ потъ рѣкой
И все пишетъ, пишетъ, пишетъ...
Экой труженикъ какой!...

V.

На служителя Беллоны
Обратите тоже взглядъ:

Принятъ въ модные салоны,
Такъ и смотритъ въ селадоны,
Но конекъ его—парадъ.
Изъ любви, не хлѣба ради,
Разгоняетъ онъ мигрень
Въ боевомъ своемъ нарядѣ
Маршировкой на парадѣ,
Иль въ манежѣ каждый день.
Онъ не то, что занятъ славой,
Но девизъ его святой:
„Лѣвой—правой! Лѣвой—правой!"
Экой труженикъ какой!..

VI.

Посѣтитель всѣхъ гостинныхъ,
Враль всесвѣтный съ мѣднымъ лбомъ
Каждый день на имянинахъ,
На поминкахъ, на крестинахъ—
Съ цѣлымъ городомъ знакомъ.
Общій кумъ, партнеръ, пріятель,
Общій шаферъ, другъ дѣтей,
Пикниковъ предприниматель,
Безкорыстный собиратель
Сплетенъ, слуховъ и вѣстей,
Только въ домѣ дверь отворитъ,
Дичь, войдя въ любой покой,
Поретъ, поретъ, поретъ, поретъ!..
Экой труженикъ какой!

VII.

Денди корчащій Емеля
И бульварный пустозвонъ,
Лакирующій панели,
Словно выросъ у Бореля
И донономъ просвѣщенъ.

Онъ трудиться можетъ за три
Человѣка: онъ вездѣ,
Гдѣ есть публика—въ судѣ,
Въ циркѣ, клубѣ и театрѣ,
На пожарѣ... Хоть нигдѣ
Ничего бѣднякъ не ищетъ,
Но всю жизнь, гонимъ тоской,
Рыщетъ, рыщетъ, рыщетъ, рыщетъ...
Экой труженикъ какой!

VIII.

На балахъ, какъ „по наряду",
Завсегдатай бальный радъ
Танцовать хоть до упаду,
Хоть четыре ночи къ ряду—
Польки, вальсъ и галопадъ.
Разсуждая человѣчно
Про такой печальный рокъ
Жаль бѣдняжку намъ, конечно,
Но безъ устали, безпечно
Не щадитъ своихъ онъ ногъ,
Отдохнетъ, платкомъ помашетъ,
И опять, махнувъ рукой,
Пляшетъ, пляшетъ, пляшетъ, пляшетъ...
Экой труженикъ какой!..

IX.

Въ высшемъ обществѣ и въ нижнихъ
Сферахъ—каждый ловкій плутъ
Грабитъ, грабитъ, грабитъ ближнихъ,
А грабежъ вѣдь тотъ же трудъ.
Тотъ, печать грязня, злословитъ,
Безконечно лжетъ за двухъ;
Тотъ, фискаля, каждый слухъ

Ловитъ, ловитъ, ловитъ, ловитъ...
За бездѣлье обвинить
Этихъ тружениковъ кто-же?
Каждый дѣйствовать спѣшитъ
Стоя, сидя, ходя, лежа;
Всѣ съ сноровкой мастерской
Напрягаютъ силы дружно,
И сказать о каждомъ нужно:
—Экой труженикъ какой!

Д. Минаевъ.

Звѣздочка вѣнскаго неба.

Ради пріюта и хлѣба,
Къ добрымъ Россіи сынамъ,
Звѣздочка вѣнскаго неба
Въ Питеръ скатилася къ намъ.
Тихо, безъ наглой замашки,
Ходитъ сторонкой глухой,—
Но берегитесь, барашки,
Этой волчицы лихой;
Въ Питерѣ есть-ли болваны,
Къ коимъ чрезъ нѣгу и лесть
Въ душу могла-бъ и въ карманы,
Мыслитъ она, я залѣзть?..
Есть, моя милочка, есть!

Вьются природныя кудри,
Взоръ мой развитъ какъ стрѣла,
Я не нуждаюся въ пудрѣ,
Я и безъ пудры бѣла...
Ликъ мой и брови густыя
Бѣсятъ изношенныхъ дамъ,
Только своей красоты я
Дешево здѣсь не продамъ...
Женскихъ красотъ гастрономы

Есть-ли въ Россіи—Богъ вѣсть,—
Къ коимъ забравшись въ хоромы,
Взять мнѣ за честь тысячъ шесть?..
Есть, моя лапочка, есть!

Дайте лишь мнѣ подобраться
Къ крупному старцу-тузу,—
Живо молочнаго братца
Я въ Петербургъ привезу...
Бродитъ онъ въ Касселѣ сирымъ...
Славно въ Россіи ему-бъ
Опредѣлиться кассиромъ
Или директоромъ въ клубъ...
Есть-ли мѣста здѣсь такія,
Гдѣ-бъ онъ могъ пользу принесть,
И, пріютившись въ Россіи,
Сладко могъ пить онъ и ѣсть?..
Есть, мое солнышко, есть!

Денегъ награблю, а тамъ ужъ,—
Честное слово даю,—
Выйдя торжественно замужъ,
Совѣсть очищу свою,—
И свою слабость къ мужчинамъ
Скрою подъ брачнымъ щитомъ;
Нуженъ мнѣ только мужъ съ чиномъ,
Съ кличкою громкой притомъ...
Есть-ли въ Россіи субъекты,
Коихъ такъ можно оплесть,
Чтобъ они съ нимфой проспекта
Бракъ почитали за честь?..
Есть, мое золото, есть!

Г. Жулевъ.

Счастливецъ.

Розовый, свѣжій, дородный,
Юный, веселый всегда;
Разума даже слѣда
Нѣтъ въ головѣ благородной:
Ходитъ тамъ вѣтеръ сквозной...
Экой счастливецъ какой!

Долго не думая, смѣло,
Въ доброе время и часъ,
Вздумалъ,—и сдѣлалъ какъ разъ
Самое скверное дѣло,
Не возмутившись душой...
Экой счастливецъ какой!

Помощи просятъ крестьяне:—
Пусть погибаетъ весь свѣтъ!...
Вотъ онъ на званый обѣдъ—
Выѣхалъ:—сани—не сани!
Конь—что за конь вороной,
Экой счастливецъ какой!

Рыщетъ себѣ беззаботно.—
Не о чемъ благо тужить!
Въ службу предложатъ вступить,—
Вступитъ и въ службу охотно:
Будетъ особой большой...
Экой счастливецъ какой!

Женщину встрѣтитъ,—подъ шляпку
Взглянетъ, тряхнетъ кошелькомъ,
И, насладившись цвѣткомъ,
Броситъ какъ старую тряпку,—
И ужъ поѣхалъ къ другой...
Экой счастливецъ какой!

Розовый, свѣжій, дородный,—
Трудъ и житейскій разсчетъ
Подлымъ мѣщанствомъ зоветъ;
Врагъ всякой мысли свободной,
Чувства и рѣчи родной...
Экой счастливецъ какой!

В. Курочкинъ.

Избави Богъ!

Ни въ чемъ не споря съ новымъ вѣкомъ,
Себѣ въ угоду я живу,
И современнымъ человѣкомъ,
Впередъ стремящимся, слыву:
Кричу о благодатной цѣли,
Твержу, что я правдивъ и строгъ,
Но, чтобъ я былъ такимъ на дѣлѣ,
Избави Богъ! Избави Богъ!

Къ чему! Вѣдь въ жизни очень трудно
Быть прогрессистомъ такъ, какъ есть;
Молчать—и это безразсудно:
Осудятъ умъ и вмѣстѣ честь...
Вотъ стали пѣть, что взятки гадки,
Я честенъ сталъ, насколько могъ;
Но, чтобъ совсѣмъ отстать отъ взятки,—
Избави Богъ! Избави Богъ!

Я помогаю словомъ брату,
Сужу, какъ судитъ новый свѣтъ,
Я шлю укоры злу, разврату,—
И добродѣтели привѣтъ;
Я всѣмъ совѣтую трезвиться,
Не пить, жить мирно, безъ тревогъ...
Но самому остепениться—
Избави Богъ! Избави Богъ!

Я говорю о просвѣщеньи,
О цѣли жизни всеблагой,
О состраданьи, снисхожденьи,
О правдѣ, истинѣ святой;
Я всѣхъ хвалю, кто безъ предѣла
Собрату ближнему помогъ,
Но чуть меня коснется дѣло—
Избави Богъ! Избави Богъ!

Вотъ пало крѣпостное право—
И я кричу: пора! пора!
Великій подвигъ! честь и слава!
Свобода страждущихъ—ура!
Народъ нашъ сталъ могучъ и воленъ,
То счастья вѣрнаго залогъ...
Но, чтобъ въ душѣ я былъ доволенъ,—
Избави Богъ! Избави Богъ!

Я говорю: теперь свободенъ
Народъ, отъ счастья не далекъ...
О, какъ прекрасенъ, благороденъ,
Нашъ умный, русскій мужичекъ!..
О, я готовъ съ нимъ цѣловаться.
Обнять, любить—вѣдь это долгъ;
Но, чтобъ на дѣлѣ съ хамомъ знаться,
Избави Богъ! Избави Богъ!

Я говорю: люблю Россію,
Какъ гражданинъ и патріотъ;
Она не склонетъ гордо выю,
Европу за-поясъ заткнетъ;
Ей преданъ я душой и тѣломъ,
Вполнѣ отъ головы до ногъ;
Но, чтобы фраза стала дѣломъ—
Избави Богъ! Избави Богъ!

В. Стародубскій.

Двѣ труженицы.

Барышня, съ разсвѣтомъ воротившись съ бала,
Томно протянула: „Ахъ какъ я устала!"

Опустилась въ кресло и, закрывши очи,
Предалась мечтаньямъ о минувшей ночи.

Вся ея фигурка жалкій видъ имѣла:
Нѣжное, худое, дрябленькое тѣло

Какъ-то утомленно—страстно разбросалось:
Въ миломъ, но измятомъ личикѣ, казалось,

Не было кровинки, и, уже больная,
Слабо подымалась грудь полунагая...

Страшная усталость въ каждой складкѣ платья
Видѣлась,—и трудно было не устать ей:

Бѣдное созданье, три ужъ ночи къ ряду
Танцовала въ полномъ смыслѣ, до упаду,—

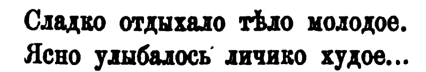
И сегодня ночью предстоитъ ей тоже...
Дай ей силъ на этотъ трудъ тяжелый, Боже!..

Въ томъ же самомъ домѣ, но гораздо выше,
Въ маленькой, убогой комнаткѣ, подъ крышей,

Обитала швейка. Ужъ перевалило
За полночь. Бѣдняжка напрягла всѣ силы.

Кончила работу, потянулась сладко,
Кое-какъ раздѣлась, улеглась въ кроватку,

Съежилась и крѣпко-на-крѣпко заснула—
Подъ глухую пѣсню уличнаго гула.

Сладко отдыхало тѣло молодое.
Ясно улыбалось личико худое...

Видѣлся, должно быть, сонъ хорошій: вѣрно,
Милый сердцу снился (милый былъ навѣрно).

Бѣдная! А завтра, чуть ужъ свѣтъ, готова—
И съ утра засядетъ за работу снова

До глубокой ночи; впереди все тоже...
Дай ей силъ на этотъ трудъ тяжелый, Боже!

В. Лихачевъ.

Яко нагъ, яко благъ.

Безъ уплаты въ долгахъ, какъ въ шелку, молодецъ,
Что изъ фатовъ-ли фатъ, фатовства образецъ,
А надеждъ-то надеждъ—и не счесть у него:
Яко нагъ, яко благъ, яко нѣтъ ничего!

Вотъ явился въ спектакль на билетъ даровой—
Развалился какъ левъ, недоволенъ игрой,
И шипитъ и свиститъ, и не троньте его:
Яко нагъ, яко благъ, яко нѣтъ ничего!

Вотъ въ собраніи балъ по подпискѣ даютъ,
Онъ юлитъ и шумитъ, но его не зовутъ;
А ужъ тамъ бы невѣста нашлась для него:
Яко нагъ, яко благъ, яко нѣтъ ничего!

Вотъ въ кружокъ богачей онъ попалъ на кутежъ,
А въ резервѣ гремитъ непрокученный грошъ:
И горланитъ за всѣхъ—и глядишь на него:
Яко нагъ, яко благъ, яко нѣтъ ничего!

Вотъ бѣжитъ съ кутежа... Вотъ онъ съ милой вдвоемъ,
Хочетъ денегъ занять... Но довольно объ немъ!
Да и стоитъ-ли долго смотрѣть на него?
Яко нагъ, яко благъ, яко нѣтъ ничего!

Москва.

Жбанъ квасу вытянулъ съ просонокъ,
Всю ночь севрюжина жгла грудь,
Какъ жорновъ давитъ поросенокъ,
И растегай не дастъ вздохнуть,

Отъ Ланинскаго редереру
Трещитъ и пухнетъ голова.
Да, угостился черезъ мѣру,
Что дѣлать?—матушка Москва!

Смотрѣлъ царь-колоколъ, царь пушку,
Дивился русской старинѣ,
Попалъ у Минина въ ловушку,
Мазурикъ сфулькнулъ портъ-монэ!

Шолъ по Никольской страшной грязью,
Въ базаръ, гдѣ кухонный глава
На блюдѣ со славянской вязью,
Мнѣ соусъ далъ съ французской мазью.

Что дѣлать? матушка Москва!
Обозрѣвалъ лицей К—ва,
Кого-то драли: слышалъ плачъ.
Купилъ штофъ водки у Попова,

Взялъ у Филипова калачъ,
Пошолъ на рынокъ—тамъ армяне
Съ жидами взяли всѣ права,
А православные граждане

Храпятъ съ милліонами въ карманѣ.
Что дѣлать?—матушка Москва!
Глушонъ былъ Гурьевскимъ органомъ,
Смотрѣлъ блаженнаго дьячка,

Поѣхалъ ночью въ садъ къ цыганамъ,
Намялъ калиберомъ бока.
Тузовъ-купчинъ засталъ: въ туманѣ,
Плетутъ несвязныя слова,

Пилъ съ ними, куры строилъ Танѣ,
Да и свалился на диванѣ,
Что дѣлать?—матушка Москва!
Мнѣ снилось зарево пожара,

Въ Кремлѣ враги, гудитъ набатъ,
Народъ возсталъ какъ Божья кара,
И дрогнулъ дерзкій супостатъ!
Спаливши крылія орлины,

Онъ стихъ, какъ въ стужу мурава,
И палъ на снѣжныя долины!
Чтожъ? по гостямъ и проводины.
Спасибо, матушка Москва.

Ш—ръ.

И поспать-то не дадутъ.

Эхъ, въ зобу дыханье сперло,
Даже злость беретъ... „Впередъ!"
Русь оретъ во все-то горло...
А куда?—Чортъ разберетъ!..
Безъ участья мысли здравой,
Шумъ и гамъ, и тамъ, и тутъ..
Что за время, Боже правый,—
И поспать-то не дадутъ!

Чуть вздремнешь всхрапнешь немного,—
Что заспался! слышишь крикъ;—
Провалилась днемъ дорога,
Ночью лопнулъ паровикъ,
Поѣздъ въ ровъ столкнулъ лукавый!..
Шумъ и гамъ, и тамъ, и тутъ...
Что за время, Боже правый,—
И поспать-то не дадутъ?..

Эхъ, судьбинушка баранья—
Гонятъ всюду насъ, увы!
То на земское собранье,
То на выборъ головы,
То на раутъ величавый!
Шумъ и гамъ, и тамъ, и тутъ...
Что за время, Боже правый,
И поспать-то не дадутъ!

Шляйся всюду, точно олухъ,
Бодрствуй, нюхай, наблюдай:
На экзаменахъ будь въ школахъ,
Въ комитетахъ засѣдай;
Спичь порой шарахни бравый...
Шумъ и гамъ, и тамъ, и тутъ...
Что за время, Боже правый,—
И поспать-то не дадутъ!..

Гибнетъ нашихъ душъ невинность,
И къ тому-жъ еще бѣда:
Вѣдь военная повинность
Будетъ общей, господа!..
„Лѣвой, правой, лѣвой, правой!"
Шумъ и гамъ, и тамъ, и тутъ...
Что за время, Боже правый...
И поспать-то не дадутъ!

I. Жулевъ.

На что рѣшиться?

(Мотивы Густава Надо).

Жизнь не рай, не Эльдорадо,
И по нашимъ временамъ,
Говорятъ, что въ жизни надо
Заниматься дѣломъ намъ...
Но какимъ?—Чтобъ вѣрно, свято,
Сохраняя стыдъ и честь,
Для любимаго собрата
Пользу добрую принесть!

Щеголять теперь мундиромъ—
Капитала малъ запасъ,
Быть отвѣтственнымъ кассиромъ—
Проворуешься какъ разъ.
Дѣлать прибыль для кармана—
Надо совѣстью скользя,
Торговать-же безъ обмана,
Положительно, нельзя...

Быть юристомъ—надо скоро
Пріобрѣсть завидный даръ—
Обезпеченнаго вора
Защищать за гонораръ.
Быть издателемъ твореній,
Приносящихъ барыши,
Надо святость убѣжденій
Размѣнять всю на гроши.

Быть врачемъ—чтобъ не калѣкой
За людьми брести шажкомъ,
Въ стачку вступишь ты съ аптекой.
Иль въ союзъ съ гробовщикомъ.
Брать подряды, такъ за ширмы

Прятать совѣсть намъ должно;
Быть дѣльцомъ банкирской фирмы,
Тоже кажется грѣшно...

Быть правителемъ дороги,
Даромъ деньги получать,
Такъ за разныхъ жертвъ итоги
Богу надо отвѣчать.
Интендантомъ быть ужъ, что-ли,
Славу родины любя,
Но герои ихъ давно-ли
Такъ прославили себя?

Жизнь—не рай, не Эльдорадо,
А романъ нужды и бѣдъ,
Чѣмъ-же намъ заняться надо?
Эхъ, сосѣдушка, мой свѣтъ!
Чтобъ вреда не дѣлать людямъ
Дѣломъ вѣка своего,
Лучше съ пѣснею не будемъ
Мы не дѣлать ничего!...

Классикъ.

Вельможа и муха.

(Изъ г. Надо).

Въ постелѣ важный мужъ лежитъ
И сонъ глаза его смежитъ.
А неотвязчивая муха
Все около вельможи уха,
Кружась жужжитъ.

Она жужжитъ ему: „Вельможа,
Вельможа! ты меня смѣшишь:
Что у тебя, дружокъ, за рожа!
Когда ты спишь!“

Въ дурномъ расположеньи духа,
Онъ говоритъ поднявъ ладонь:
—Когда я сплю—я важенъ... муха!
Меня не тронь!

А неотвязчивая муха
Жужжитъ ему въ другое ухо;
„Дружокъ! меня-то и смѣшитъ
Твой важный видъ".

Вельможа мечется и злится,
(И богачамъ порой не спится).
—Когда-бъ я могъ покойный сонъ
Купить, я далъ бы милліонъ

А неотвязчивая муха
Опять ему терзаетъ ухо:
„Дружокъ! добытъ неправдой онъ,
Твой милліонъ!"

Онъ молвитъ:—поразмысливъ строго...
Отечество свое любя,
Ему принесъ я пользы много,
Хоть и не забывалъ себя.

А та, вельможѣ въ щеку жало
Впустивъ, жужжитъ въ отвѣтъ:
„Нужды отечеству ни мало
Въ тебѣ подобныхъ нѣтъ".

Своей особѣ оплеуху
Влѣпивъ, что только было силъ,
Вельможа тутъ-же злую муху
Съ остервененьемъ раздавилъ.

Но, умирая безъ защиты,
Она ему жужжитъ:
„Куда-жъ теперь свою, скажи ты,
Упрячешь совѣсть, сибаритъ?"

К. Ушаковъ.

Липки.

Липы, липки! вы мнѣ милы;
Васъ я не забуду;
Васъ, родныя, до могилы
Пѣть и славить буду.
Часто вамъ я, липы, липки,
Въ дни стиховъ и прозы,
Посвящалъ свои улыбки,
Посвящалъ и слезы.

Отъ жены бѣжалъ злодѣйки,
И отъ лютой тещи
Я чрезъ тайныя лазейки
Въ липовыя рощи,
И, прильнувъ душой печальной
Къ новой чародѣйкѣ,
Съ ней гулялъ по самой дальной
Липовой аллейкѣ.

И потомъ, предавъ забвенью
Горькія ошибки,
Я одинъ сидѣлъ подъ тѣнью
Одинокой липки.
Шумнымъ роемъ обсыпали
Пчелы липку эту,
Сладкій медъ они сбирали
Съ липоваго цвѣту.

Послѣ люди мнѣ сказали:
Что ты пьешь все воду?
Ты отъ горя да печали
Выпей лучше меду.
Вотъ и пилъ я, что есть мочи,
Славя липку-липу,
А потомъ и дни, и ночи
Спалъ я безъ просыпу.

Проспалъ жаръ я, выспалъ холодъ
Жизнь пропала даромъ,
Все прошло;—уснулъ я молодъ,
А проснулся старымъ.
Еле ходишь, сухопарый,
Ломитъ поясницу,
Кашель душитъ, а и старый
Любишь молодицу.

Вотъ однажды ей въ признаньяхъ
Говорю сквозь слезы:
Можетъ, милая, въ страданьяхъ
Помогли-бъ мнѣ розы.
Можетъ, это лишь простуда,
И съ промерзлой кровью
Мнѣ согрѣться-бы не худо,
Напримѣръ, любовью,

Нѣтъ, на розы не надѣйся!
Слушайся совѣту;
Говоритъ она,—напейся
Липоваго цвѣту.
Не любовью согрѣвайся
Съ сердцемъ обветшалымъ,
А плотнѣе покрывайся
Ватнымъ одѣяломъ.

Сталъ я пить настой цѣлебный
Пилъ его я жадно,
Принялъ я совѣтъ врачебный,
Только все не ладно.
Скоро, всю истративъ силу,
Вѣкъ я кончу зыбкій,
Вы-жъ, друзья, мою могилу
Осѣните липкой!

Бенедиктовъ

Русалка.

Мечется и плачетъ, какъ дитя больное
Въ неспокойной люлькѣ, озеро лѣсное,
Тучей потемнѣло, брызжетъ мелкой зернью,—
Такъ и отливаетъ серебромъ, да чернью.
Вѣтеръ по дубравѣ сѣрымъ волкомъ рыщетъ;
Молнія на землю жгучимъ ливнемъ прыщетъ:
И на голосъ бури, побросавши прялки,
Вынырнули со дна рѣзвыя русалки...
Любо некрещеннымъ въ бурю-непогоду
Кипятить и пѣнить жаркой грудью воду,
Любо имъ за вихремъ перелетнымъ гнаться,
Любо звонкимъ смѣхомъ съ громомъ окликаться...
Волны имъ щекочутъ плечи наливныя,
Чешутъ бѣлымъ гребнемъ косы разсыпныя;
Ласточки быстрѣе, легче пѣны зыбкой,
Руки ихъ мелькаютъ бѣлобокой рыбкой;
Огонькомъ подъ пепломъ щеки половѣютъ;
Яркимъ изумрудомъ очи зеленѣютъ.
Плещутся русалки, мчатся въ перегонку,
Лишь одна отстала, отплыла въ сторонку...
Къ берегу доплыла, на берегъ выходитъ,
Блѣдными руками ивники разводитъ,
Притаилась въ листвѣ, на прибрежьѣ черномъ,
Словно бѣлый лебедь въ тростникѣ озерномъ...
Вотъ ужъ понемногу непогодь стихаетъ;
Вѣтеръ съ листьевъ воду вѣникомъ сметаетъ;
Тучки разлетѣлись, словно птицы въ гнѣзды:
Бисеромъ перловымъ высыпали звѣзды:
Мѣсяцъ двоерогій съ неба голубова
Засвѣтилъ отломкомъ перстня золотова...
Чу! переливаясь межъ густой осокой,
По водѣ несется благовѣстъ далекій,
Благовѣстъ далекій по водѣ несется,
И волною звучной прямо въ душу льется:
Видится храмъ Божій, пѣснь слышна святая,—

И сама-собою крестъ творитъ десная...
И въ душѣ русалки всенощные звуки
Пробудили много и тоски, и муки,
Много шевельнули страсти пережитой,
Воскресили много были позабытой...
Вотъ въ селѣ родимомъ крайняя избушка,
А въ избушкѣ съ дочкой няньчится старушка:
Бережетъ и холитъ, по головкѣ гладитъ,
Тѣшитъ лентой алой, въ пестрый ситецъ рядитъ,
Да и вышла-жъ дѣвка при такомъ уходѣ...
Нѣтъ ея красивѣй въ цѣломъ хороводѣ...
Вотъ и боръ сосѣдній: тамъ грибовъ, да ягодъ,
За одну недѣлю наберешься на-годъ;
А начнутъ подъ-осень грызть орѣхи бѣлки;
Сыпь орѣхъ въ лукошки,—близко посидѣлки.
Тутъ-то погуляютъ парни удалые,
Тутъ-то насмѣются дѣвки молодыя!
Дочь въ гостяхъ за прялкой пѣсни распѣваетъ,
А старуха дома ждетъ да поджидаетъ:
Огоньку добыла,—на дворѣ ужъ ночка,—
Долго засидѣлась у сосѣдей дочка...
Оттого и долго:—парень приглянулся,
И лихой бѣдою къ дѣвкѣ подвернулся;
А съ бѣдою рядомъ ходитъ грѣхъ незванный...
Полюбился паренъ дѣвкѣ безталанной,
Такъ ей полюбился, слово душу вынулъ,
Да и насмѣялся—разлюбилъ и кинулъ...
Позабылъ голубку сизокрылый голубь,
И остались бѣдной смѣхъ мірской, да прорубь...
Вспомнила русалка,—руки бѣлы гложетъ,
Рада-бъ зарыдала— и того не можетъ;
Сотворить молитву забытую хочетъ:
Нѣтъ для ней молитвы, и она хохочетъ...
Только, пробираясь на село въ побывку,
Мужичекъ проснулся, и стегаетъ сивку,
Лобъ и грудь, и плечи крестно знаменуетъ,
Да съ серцовъ на хохотъ окаянный плюетъ.

Л. Мей.

Легкое облачко.

Нѣтъ, положительно я взысканъ небесами,
Доволенъ самъ собой, живу и не тужу,
Вотъ хоть вчерашній день, ну посудите сами,
Какъ ловко выдался—сейчасъ вамъ разскажу,
Напившись кофею и выкуривъ сигару,
Я пробѣжалъ счета модистокъ и портныхъ,
Отправилъ въ комитетъ цѣлковый на Самару.
И съ шикомъ выкатилъ на парѣ вороныхъ.
Толкнулся къ Смурову, съѣлъ устрицъ два десятка,
Запилъ ихъ портеромъ, къ дессерту дали грушъ,
Купчиху Рылову спровѣдалъ для порядка,
Отъ ней заполучилъ весьма изрядный кушъ,
Гулялъ по Невскому, обѣдалъ у Донона,
Тамъ съ Коськой Дмитревымъ побился объ закладъ,
Что много черезъ годъ прогонятъ Макъ-Магона...
Отличный поданъ былъ изъ трюфелей салатъ.
У Берга поглазѣлъ, взглянулъ галопъ въ балетѣ,
Поѣхалъ въ маскарадъ, попалъ какъ есть въ разгаръ,
Подписку собиралъ на запонку Сюзетѣ,
И кончилъ ужиномъ съ Мальвиной у татаръ.
Отлично день провелъ и угостился славно;
Для голодающихъ вчера давали балъ,
И тамъ хотѣла быть Варвара Николавна,
А я и позабылъ, чтобъ чортъ ее побралъ!..

Ш—ръ.

Свѣтскіе контрасты.

Въ нашемъ мірѣ все не въ мѣру,
Все смотря по глазомѣру:
Что въ однимъ идетъ отлично,
То другихъ караетъ строго;
Что *немногихъ* славитъ много,
То *для многихъ* неприлично.

Если дама не украдкой
И не въ спальной, а въ гостинной
Поцѣлуется съ мужчиной,
Всякій скажетъ: „Фи! какъ гадко!
„Цѣловаться, и—публично,
„Крайне, крайне неприлично!“
Ну-съ, а если не публично,
Но и такъ, что каждый знаетъ,
Дама мужа надуваетъ,—
Это—тоже неприлично?
— Нѣтъ! совсѣмъ, мой другъ, не тоже:
Не публично,—отчего-же?

Если франтикъ элегантный
Бѣдняку протянетъ руку,
Всѣ мы, видя эту штуку,
Вспыхнемъ злостью всѣмъ понятной;
„Знаться съ нищимъ, и—публично,
„Крайне, крайне неприлично!“
Ну-съ, а если къ пользамъ личнымъ
Полонъ рвеніемъ обильнымъ,
Онъ жметъ руки плутамъ сильнымъ,
Это—тоже неприлично!“
— Нѣтъ! совсѣмъ, мой другъ, не тоже:
Сильнымъ, сильнымъ,—отчего-же?

Если нищій, голодая,
Хоть на грошъ у сытыхъ стянетъ,
Судъ молвы, не размышляя,
Надъ виновнымъ тотчась грянетъ:
„Воровать, и—такъ публично,
„Гадко, мерзко, неприлично!“
Ну-съ, а если кто хронично,—
Отъ висковъ до самыхъ пятокъ
Одержимъ недугомъ взятокъ,
Это—тоже неприлично?
— Нѣтъ! совсѣмъ, мой другъ, не тоже:
Благодарность—отчего-же?

Если женщина изъ нужды
Впала въ грѣхъ любодѣянья,
Всѣ мы въ бѣдную не чужды
Бросить камень порицанья;
„Жить развратомъ, и—публично,
„Крайне, крайне неприлично!“
Ну-съ, а если левъ столичный,
Левъ, что въ нѣгѣ утопаетъ,
Тѣмъ-же дѣломъ промышляетъ,—
Это—тоже неприлично?
— Нѣтъ! совсѣмъ, мой другъ, не тоже:
Намъ, мужчинамъ;—отчего-же?

Если часомъ подчиненный,
Не стерпѣвъ обиды рѣзкой,
Самъ отвѣтитъ фразой дерзкой,
Всякій вскрикнетъ, изумленный:
„Грубіянить, и—публично,
„Гадко, мерзко, неприлично!“
Ну-съ, а если энергично
Управляя данной силой,
Старшій младшихъ хлещетъ въ рыло,—
Это—тоже неприлично?
— Нѣтъ, совсѣмъ, мой другъ, не тоже:
Старшій младшихъ,—отчего же?
Такъ смотря по глазомѣру

Мы творимъ двойную мѣру,
И явленья эти часты,
И зовутъ ихъ люди свѣта—
Контрапункты этикета.
Или *свѣтскіе контрасты*.

Н. Пушкаревъ.

Шиньенъ.

Было время—похвалялась
Наша русая коса,
Что она-де чудодѣйка
Всему городу краса!
Молодцы по ней вздыхали,
Старцы охали по ней;
И ломался частый гребень
Въ мягкомъ золотѣ кудрей.

Съ поселянкой горожанкѣ
Любо было въ душный зной
Надъ рѣкой сидѣть въ прохладѣ
Съ непросохнувшей косой.
Полевой цвѣтокъ, бывало,
Прилигалъ къ вѣнку изъ косъ,
И не разъ трепала буря
Пышный шолкъ густыхъ волосъ.

Было время—„кудри дѣвы—
Чародѣйки“ кто не зналъ!?
Эти кудри вмѣстѣ съ вѣтромъ
Я ловилъ и цѣловалъ.
Но лирическая муза
Стала къ свисту привыкать,
И моя подруга стала
О шиньенѣ помышлять.

Кудри вьются, но... ея-ли?
Не чужіе ли? вопросъ.
Поцѣлуй мой чуетъ затхлый
Запахъ купленныхъ волосъ.
Что-то мертвое, сухое
Слышатъ жаркія уста...
Эти вьющіеся кудри—
Не живая красота.

Эти кудри... кто ихъ знаетъ!?
Можетъ быть, они росли
Украшая черепъ, ставшій
Достояніемъ земли...
Можетъ быть, отецъ надъ ними
Горько плакалъ и рыдалъ,—
Можетъ быть развратникъ наглый
Ароматомъ ихъ дышалъ...

Можетъ быть, они въ больницѣ—
Чуть затихъ предсмертный стонъ—
Были срѣзаны съ погибшей,
Бѣдной дѣвы... на шиньенъ!
Ну такъ что-жъ?.. къ чему брезгливость?..
Что за дѣло мертвецу,
Кто въ косѣ его танцуетъ,
Или рядится къ вѣнцу!?

Отчего-же нашимъ дамамъ
Не носить для красоты
Этихъ маленькихъ трофеевъ,
Взятыхъ съ чахлой нищеты?..
Но союзница продажныхъ—
Деспотъ—мода не съ однихъ
Мертвецовъ сбираетъ подать,—
Собираетъ и съ живыхъ.

Далеко отъ просвѣщенныхъ
Капитальныхъ городовъ
Никнутъ жалкія селенья,

Гнѣзда темныхъ бѣдняковъ.
Тамъ невѣжество, тамъ тяжкій
Трудъ смѣняется нуждой,
Тамъ парижской моды жатва,
Тамъ... покосъ волосяной.

Муза! гдѣ ты? сосчитай мнѣ,
Сколько пудъ по всѣмъ странамъ
Этихъ нищенскихъ обрѣзковъ
Сортируется для дамъ?..
Сколько движется шиньеновъ
По столичнымъ площадямъ,
Въ бальныхъ залахъ, по дорогамъ,
По театрамъ, по церквамъ?!

Я. Полонскій.

Петрушка.

Къ намъ на дворъ шарманщикъ, нынче по веснѣ,
Притащилъ актеровъ труппу на спинѣ,—
(Деревянныхъ, впрочемъ, а не тѣхъ живыхъ,
Что играютъ роли изъ-за разовыхъ).

Развернулъ онъ ширмы посреди двора:
Дворники, лакеи, прачки, кучера
Возлѣ ширмъ столпились, чтобы поглазѣть
Какъ Петрушка будетъ представлять камедь...

Изъ-за ширмъ Петрушка выскочилъ и ну:
—Эй, коси-малина, вспомню старину!—
Весело Петрушка пляшетъ и поетъ;
„Молодецъ каналья!“ говоритъ народъ.

Вотъ пришли арапы, начали играть,—
А Петрушка палкой по башкамъ ихъ хвать.
Съ жалобой арапы поплелися въ часть...
Голоса въ народѣ: распотѣшилъ всласть!

Выскочилъ квартальный доблестный и сталъ
Приглашать Петрушку за скандалъ въ кварталъ...
Петька не робѣетъ! развернулся—хлопъ!
Мудрое начальство въ деревянный лобъ...

Петька распѣваетъ, веселъ, счастливъ, гордъ,—
Вдругъ изъ преисподней появился чортъ
И баситъ Петрушкѣ: „ну, пойдемъ-ка братъ!...
И повлекъ бѣдняжку за собою въ адъ.

Запищалъ Петрушка... „Не юли, впередъ!
„Вотъ-тѣ и наука!“ порѣшилъ народъ.
Я-бъ сказалъ словечко за Петрушку, но...
Многихъ, вѣдь, пожалуй, раздражитъ оно.

Г. Жулевъ.

О ворахъ.

(Признаніе сердечнаго человѣка).

Вѣрю я людской молвѣ,
Что съ прогрессомъ во главѣ,
При стремленіяхъ сугубыхъ,
Нѣтъ у насъ пріемовъ грубыхъ
Даже въ грубомъ воровствѣ.
Обсуждая разговоры
Самъ съ собой наединѣ,
Убѣдился я вполнѣ—
Какъ любезны нынче воры!

Я наткнулся на скандалъ,
И смотрѣть съ толпою сталъ,
Какъ вводилъ порядокъ стражникъ,—
Въ это время мой бумажникъ
Кто-то съ деньгами укралъ.
Что-же? Только угромъ взоры
Я открылъ... Съ посыльнымъ онъ
Мнѣ пустымъ былъ возвращенъ...
Какъ любезны нынче воры!

Лопнулъ банкъ... Ну, какъ тутъ быть?
Я бросаюсь во всю прыть
За своимъ несчастнымъ вкладомъ,
И встрѣчаюсь съ цѣлымъ адомъ;
Но чтобъ гнѣвъ мой усмирить,
Управляющій конторы
Предложилъ сигару мнѣ;
Убѣждаюсь я вдвойнѣ—
Какъ любезны нынче воры!

Предумышленный банкротъ
Деньги въ долгъ съ друзей беретъ
За недѣлю до банкротства,
И во имя благородства
Ихъ поитъ на свой-же счетъ.
Получаютъ кредиторы
За рубли одни шиши,
Восклицая отъ души:
Какъ любезны нынче воры!

Нѣкто, съ честностью своей,
Хапнулъ тысячу рублей.
Подобравши ключъ къ конторкѣ,
И сберегъ ихъ въ темной норкѣ.
А вѣдя могъ-бы чудодѣй,
Поломавши всѣ запоры,
И введя въ убытокъ власть,
Тоже самое украсть!..
Какъ любезны нынче воры!

У сосѣда, мнѣ одинъ
Былъ представленъ господинъ,
Милый, кроткій и согласный,
Воротникъ имѣлъ онъ красный—
Съ серебромъ своихъ сѣдинъ.
Онъ не лѣзъ съ друзьями въ споры;
Я тотчасъ о немъ смекнулъ,
И признательно вздохнулъ:
Какъ стыдливы нынче воры!

Какъ-то я пришелъ домой;
Отъ жены-же—Боже мой!—
Вышелъ франтъ... Смотрю—все цѣло,
Женка спитъ,—я понялъ дѣло!
Объяснился онъ со мной.
Разсмѣшилъ онъ до уморы:
Что забылъ замкнуть я дверь;
Согласитесь-же теперь,
Какъ наивны нынче воры!

К—къ.

Идеальная ревизія.

— Дороги у васъ въ околодкѣ!
Ухабы, озера, бугры!
— Пожалуста, рюмочку водки,
Пожалуста, свѣжей икры.
— Выходитъ, что вы, не по чину...
За это достанется вамъ...
— Пожалуста, кюммелю, джину;
Пожалуста, рижскій бальзамъ.
— Пословица службы боярской:
Бери, да по чину бери.
— Пожалуста, честеръ, швейцарскій;

Пожалуста, стильтону, бри.
— Дороги, положимъ, бездѣлки;
Но былъ я въ острогѣ у васъ...
— Пожалуста—старой горѣлки,
Галушекъ, грибочковъ, колбасъ.
— Положимъ что часъ адмиральскій;
Да вотъ и купцы говорятъ...
— Угодно-съ ветчинки вестфальской?
Стерлядка-съ, дичинка, салатъ...
— Положимъ, что въ вашу защиту
Вы фактъ не одинъ привели...
— Угодно-съ Икемцу, Лафиту?
Угодно-съ Рейнвейну, Шабли?
— Положимъ, что вы увлекались...
Сходило предмѣстнику съ рукъ...
— Сигарочку вамъ-съ: Имперьялисъ,
Регалія, Упманъ, Трабукъ.
— Положимъ, я строгъ черезъ мѣру
И, какъ нибудь дѣло сойдетъ...
— Пожалуста... Ей! Редереру!
Поставить двѣ дюжины въ ледъ!

В. Курочкинъ.

~~~~~~~~~~

Пѣсни сумасшедшаго.

I.

Престранное дѣло: на нашихъ глазахъ
Часы на соборѣ, солдатъ на часахъ.
И если-бы сѣлъ на солдата соборъ—
Я думаю, все таки вышелъ-бы вздоръ.

II.

Говорятъ, умомъ я тронутъ;
Говорятъ: о чемъ печаль?
~~~~~~~~~~

Люди страждутъ, люди стонутъ—
Ну, конечно, мнѣ ихъ жаль.

Ну, и плачу—много плачу:
Дни, недѣли, цѣлый годъ.
Вотъ судья хотѣлъ-бы дачу—
А истецъ все деньги шлетъ.

Засѣдатель денегъ проситъ,
А отвѣтчики ему
Все натурой больше носятъ—
Нѣтъ удачи никому!

Вашей участи превратной
Засѣдатель и судья!
Въ чистотѣ души сверхштатной
Соболѣзную и я.

P. S. Но внушить по сей причинѣ
Засѣдатель мнѣ велѣлъ:
Чтобъ я имъ, въ ничтожномъ чинѣ
Соболѣзновать не смѣлъ!

III.

Протекаетъ рѣчка
А на рѣчкѣ мостъ
На мосту овечка—
У овечки хвостъ.

Ѣдетъ городничій,
Ѣдетъ—увидалъ;
Лошадей возничій
Тотчасъ придержалъ...

Протекаетъ рѣчка,
А на рѣчкѣ мостъ;
На мосту овечка—
Гдѣ-жъ овечкинъ хвостъ?

IV.

Недавно прочелъ я въ какомъ-то журналѣ,
Что бабамъ въ Америкѣ—просто житье!
Не вѣрилъ я въ это, не вѣрилъ въ началѣ,
Да вижу, что авторъ стоитъ за свое.

Ну, если и вретъ онъ—такъ видно, что мастеръ!
Солидный писатель—съ достоинствомъ лжетъ!
Табакъ, вишь, жуютъ тамъ, а курятъ все кнастеръ
И бабамъ великій являютъ почетъ.

Какая тамъ хочешь толпа соберется,
Но вся передъ дѣвкой, кухаркой простой,
Почтительно на двѣ стѣны раздается,
И словомъ не тронетъ—не то, что рукой.

Узнавъ о такомъ небреженье приличій,
Я плюнулъ съ сердцовъ, и невольно сказалъ:
Вотъ странные люди, вотъ дикій обычай.
Чтобъ всякая баба была генералъ!

Ѳ. Ромеръ.

Съ восточнаго.

Я—томительная ночь;
Разгоня туманы прочь,
Ты займись зарею ясной,
Чтобъ съ тобой, моей прекрасной,
Снова выплылъ изъ-за тучъ
Золотаго солнца лучъ.

Я—усталый вѣрный конь;
Но въ груди горитъ огонь,
Будь мнѣ шпорой, чтобъ скорѣе,
Неотступнѣй и быстрѣе
Я летѣлъ сквозь свѣтъ и тьму
Прямо къ сердцу твоему.

Виноградъ я молодой,
Будь мнѣ тополемъ, другъ мой,
Чтобъ ревнивою лозою,
Подъ житейскою грозою,
Позабывъ любви обманъ,
Огибалъ твой гибкій станъ.

Я—цвѣтникъ въ саду своемъ,
Разцвѣти-же ты на немъ
Ароматной пышной розой,
Чтобъ съ своей суровой прозой
Пустоцвѣтъ не заглушилъ
Всѣ побѣги юныхъ силъ...

Птица трепетная—я,
Будь крыломъ душа моя,
Смѣлымъ, мощнымъ, чтобъ, летая
Надъ красой родного края,
Я тонулъ въ часы ночей
Въ глубинѣ твоихъ очей!...

Классикъ.

За газетой.

(Мысли про себя).

Всякъ молодецъ на свой образецъ.
Пословица.

„Вчера, въ А—мъ паркѣ, усмотрѣно тѣло застрѣлившагося молодаго человѣка, неизвѣстнаго званія. При немъ найдена записка, въ которой онъ проситъ никого не винить въ его смерти. Производится слѣдствіе". *Изъ газетъ.*

Барышня.

Это отъ измѣны! Это отъ любви!

Торговецъ.

Нѣтъ, ты обанкруться, да потомъ—живи!

Обывательница.

Ни за что я ночью не пойду туда!

Студентъ.

Не досталъ работы, подвела нужда.

Радикалъ.

Глупо такъ безцѣльно жизнью рисковать.

Старушка.

Каково-то плачетъ-изнываетъ мать!

Разочарованный.

И отлично сдѣлалъ: жизнь полна химеръ.

Безнадежно влюбленный.

Скоро мнѣ придется брать съ него примѣръ.

Духовное лицо.

Недостатокъ—вѣры основанье зла!

Интересная вдовушка.

Ахъ, сведи насъ случай,—я-бъ его спасла!

Умѣренный человѣкъ.

Модное занятье! Все пустая блажь.

Чиновникъ.

Задолжалъ, быть можетъ, запилъ—и шабашъ.

Жена.

Не былъ-ли женатъ онъ? Ревновалъ къ женѣ...

Мужъ.

Если онъ женатъ,—все понятно мнѣ.

Е. П. П—въ.

Отъ 200 тысячъ до четвертака.

—„Если-бъ двѣсти тысячъ онъ имѣлъ въ карманѣ",—
Мыслитъ куртизанка, лежа на диванѣ,—
—„Если-бъ содержанья больше могъ назначить—
Стоило-бы франта дольше подурачить.
А теперь, не стоитъ... бросивши мальчишку
Я съ богатымъ старцемъ заведу интрижку"...

—„Если-бъ сотню тысячъ мужъ имѣлъ въ карманѣ",
Говоритъ купчиха, выходя изъ бани,—
—„Поддержать съумѣла-бъ я свою особу,
Всѣмъ бы услаждала грѣшную утробу,
Выдала бы дочку я за генерала,
И сама, пожалуй, барыней бы стала!"

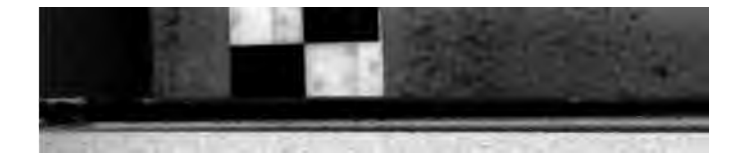
—„Если-бъ двадцать тысячъ я имѣлъ въ карманѣ",
Думаетъ хапуга въ старомъ вицъ-кафтанѣ,—
—„Быстро дослужившись до восьмаго класса
Бросилъ бы я службу и открылъ бы кассу—
Всѣмъ давалъ бы деньги... Эта цѣль гуманна,
Для души полезна, да и для кармана!"

—„Если-бъ хоть сотняжку я имѣлъ въ карманѣ",
Разсуждаетъ парень съ дѣвкой въ сарафанѣ,
—„По хозяйству всѣ бы я порядки справилъ,
И въ деревнѣ домикъ новый-бы поставилъ...
Какъ же мнѣ жениться на тебѣ голубкѣ,
Если все богатство въ этомъ полушубкѣ!"

—„Если-бъ мы имѣли четвертакъ въ карманѣ",
Вставши на работу, говорятъ крестьяне—
—„То, братъ, по косушкѣ важно-бъ мы хватили,
Силы подкрѣпили, счастливы бы были,
И чайку напившись до седьмаго поту
Принялись бы дружно за свою работу!"

Классикъ.

Бывало.

Бывало, къ стряпкѣ Парасковьѣ
На кухню явишься врасплохъ,
Да и жуешь тамъ, на здоровье,
Сырую рѣпу и горохъ;
Теперь я старческій ребенокъ,
И послѣ дозы ревеню—
Бульонъ, да жареный цыпленокъ
Мое вседневное меню.

Бывало въ дружеской попойкѣ
Пропустишь водки цѣлый штофъ
И, дернувъ загородъ на тройкѣ,
Глотаешь пойла всѣхъ сортовъ;
Теперь мнѣ, ради апетиту,
Позволилъ докторъ за ѣдой
Стаканъ хорошаго лафиту
И то разбавленный водой.

Бывало, въ бѣшеную пору
Увидѣлъ женщину—бѣда!
Во всѣхъ влюблялся безъ разбору,
Никѣмъ не брезгалъ никогда.
Теперь я этимъ не балую,
Мнѣ женскій полъ не понутру,
И если бонну поцѣлую,
Сперва ей ротикъ оботру.

Бывало, шайка молодежи
Нагрянетъ съ задняго крыльца,—
Какія искреннія рожи,
Какія честныя сердца;
Теперь входъ запертъ либераламъ,
Я охладѣлъ къ своимъ друзьямъ;
Все больше тянетъ къ генераламъ,
Все манитъ къ графамъ и князьямъ.

Бывало, видъ чужой печали
Меня томилъ и день, и ночь:
Всѣ фибры сердца мнѣ кричали
Скорѣй несчастному помочь;
Теперь избытокъ чувствъ опасенъ,
Въ мои преклонные года
Я увлекаться не согласенъ
И не проброшусь никогда.

Бывало, нѣжный плодъ искусства,
Иль благотворный лучъ наукъ,
Будили умъ, ласкали чувства
И услаждали мой досугъ;
Теперь финансовой наукой
Я забавляю свой закатъ:
Даю я въ ссуду, за порукой,
Беру я вещи подъ закладъ.

Бывало, ради балагурства
Съ веселой Музою въ ладахъ,
Холопство, ложь и самодурство
Клеймилъ я въ шуточныхъ стихахъ;
Теперь усмотрятъ въ нихъ ехидство;
Теперь себя я берегу,
Стихи на тезоименитство
Я написать еще могу.

Бывало, мнѣ въ доспѣхѣ бранномъ
Была Россія дорога,
И я, при громѣ барабанномъ,
Мечталъ ударить на врага;
Теперь я думаю иное
И основательнѣй сужу:
Чѣмъ лечь костьми въ свирѣпомъ боѣ,
Я лучше дома посижу.

Не то!

Годовъ съ полсотенки беремя
На плечи весело взваливъ,
Я, не ругаю наше время,
Я слава Богу, не брюзгливъ;
Но оглянувшись на дорогу,
И вспомнивъ, что пережито,—
Я убѣждаюсь понемногу
Что нынче многое не то!

Въ питье не та совсѣмъ манера,
Въ бесѣдѣ нѣту той души,
Стихи, сигары и мадера
Теперь не такъ ужъ хороши;
Порода лысой молодежи
Не ставитъ женщинъ ни во что,
Все стало вчетверо дороже,—
Нѣтъ—противъ прежняго не то!

Погода съ каждымъ годомъ хуже,
И урожай совсѣмъ не тотъ,
Мы всѣ безъ денегъ—и къ тому-же
Мельчать ужасно сталъ народъ...
Да вотъ и я: бывало Маша,
Лишь чуть вошла, сняла пальто,
Я весь въ огнѣ... ну, воля ваша,
Теперь не то, теперь не то!

П. Шумахеръ.

Акцій.

Вотъ груда бумаги лежитъ предо мной...
А это все денежки были;
Но въ акціяхъ разныхъ—раздуй ихъ горой—
Сердечныя! кажется сплыли.

Ужъ полночь, въ прихожей безсовѣстно спитъ
Петрушка и, акціи не зная,
Счастливецъ, какъ будто волторна храпитъ,
На разныя тоны играя.

Отъявленный скептикъ въ дни оны, когда
Объ акціяхъ я надрывался,
Двусмысленно рожу кривилъ онъ всегда
И злостно тайкомъ ухмылялся.

И спитъ онъ, а я-то... я сонъ потерялъ:
И какъ же тутъ сну предаваться,
Какъ этакъ твой кровный возьмутъ капиталъ,
Возьмутъ да начнутъ увлекаться?

Хотѣлъ хоть въ собраньи о немъ разузнать;
Создатель! и тамъ генералы!
Едва заикнулся—велѣли молчать!
А все вѣдь поди—либералы.

На мой всепочтительно кроткій вопросъ
Насчетъ тамъ продѣлокъ различныхъ,
Одинъ закричалъ мнѣ, что я не доросъ,
Что молодъ для преній публичныхъ.

Такой вѣдь сердитый, совсѣмъ напугалъ;
Ну, думаю, кликнетъ квартальныхъ,
И въ страхѣ изъ залы скорѣе бѣжалъ,
Спасаясь отъ слѣдствій печальныхъ.

И вотъ притащился я грустный домой;
Но нѣтъ мнѣ и дома покою.
Пукъ акцій проклятыхъ лежитъ предо мною
И душу терзаетъ тоскою.

Злодѣйскіе клочья, я васъ такъ любилъ,
Сбиралъ я васъ съ жадностью скряги.
Теперь... съ наслажденьемъ теперь бы всучилъ
Я ближнему эти бумаги.

Но злостенъ сталъ ближній, втолкуй ты ему,
Что кража и что увлеченье;
Смѣется, не вѣритъ, злодѣй, ничему,
И нѣтъ отъ лоскутьевъ спасенья.

И все это горы, родившія мышь,
Плоды золотыхъ обѣщаній,
Ужасный, громадный, чудовищный шишъ:
Все акціи разныхъ кампаній.

И въ нихъ приглашали, мнѣ помнится, насъ
Такіе развитые люди,
Такъ славно одѣты, и даже подчасъ
Украшены крестикомъ груди.

Тутъ были бароны, въ медаляхъ купцы,
Иванъ Ѳедосѣичъ милѣйшій,
На всякія руки тамъ были дѣльцы,
Народъ, что ни есть преумнѣйшій.

Тамъ дѣльно, бывало, толкуютъ съ тобой,
Ну, просто пріятно до смерти!
И вотъ эта пачка лежитъ предо мной..
О, чтобы васъ побрали черти!

Скажите, родные, скажите вы мнѣ,
Какъ это у насъ все творится?
За что-бъ ни взялись мы въ родной сторонѣ,—
На всемъ намъ удѣлъ провалиться.

Случится, порою, на мысль набредемъ,
Ну, просто, громада—идея!
Но только что въ дѣло ее облечемъ
И выйдетъ у насъ ахинея.

Начнемъ все какъ должно: молебенъ сперва
А послѣ обѣдъ, угощенье;
И тосты, и спичи, и съ чувствомъ слова;
Отчизна, прогрессъ, возрожденье;

Потомъ какъ коснемся до самаго суть.
Глядишь,—и пошла наша тройка:
Авось да не бось, да въ корню какъ-нибудь
И катитъ на ней неустойка.

И дѣло выходитъ иль чушь, иль позоръ;
И сору и грязи прихватитъ...
Судьбы-ль тяготѣетъ на насъ приговоръ,
Иль чортъ намъ изъ личности гадитъ,

Иль это ужъ климатъ въ Россіи такой,
Что къ дѣлу совсѣмъ не годится,
И что не посѣемъ на почвѣ родной,
Бумагой одной разродится?...

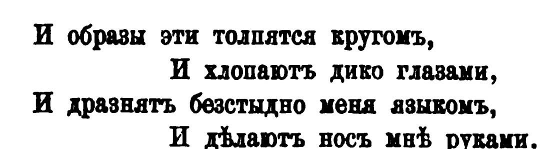
Ну чтобы ученымъ сей фактъ изучить
И намъ объяснить несомнѣнно!
Нѣтъ, только удастся мнѣ акціи сбыть,—
Назначу конкурсъ непремѣнно.

Ужъ полночь. Не сплю я... лежатъ предо мной
Проклятыя эти бумажки,
И дьяволъ хохочетъ вонъ тамъ, за спиной,
И ходятъ по тѣлу мурашки,

И злость разбираетъ, горитъ какъ въ огнѣ,
Мой мозгъ распаленный бѣдняга,
Куда ни взгляну и мерещится мнѣ
Бумага, бумага, бумага...

Отвсюду валится, летитъ все быстрѣй
И все, и вездѣ наполняетъ,
Все птичіи клювы да когти на ней,
И все подавить угрожаетъ;

Летитъ и валится, темна и грязна,
Повсюду наводитъ затменье.
Вотъ въ образы стала свиваться она,
Безъ сущности, смысла значенья,

И образы эти толпятся кругомъ,
И хлопаютъ дико глазами,
И дразнятъ безстыдно меня языкомъ,
И дѣлаютъ носъ мнѣ руками.

Ихъ наглая мерзость взбѣсила меня,
И ярость мой духъ обуяла,
„Сожгу, уничтожу! вскричалъ я: огня!
И въ призракъ пустилъ чѣмъ попало.

Погибни, исчадье тряпицъ, навсегда,
Огня мнѣ, огня принесите!
Подайте мнѣ Этну, Везувій сюда.
Геену на часъ одолжите;

„Ко мнѣ всѣ бумаги, скорѣе ко мнѣ,
Тащите всю эту проказу,
Чтобъ сжать ее, скомкать и въ адскомъ огнѣ
Спалить, уничтожить всю сразу.

„Ну что-жъ не несете?... Вамъ жалко ее?...
Въ ней мрака пріютъ и спасенье;
Въ ней козней и всякихъ неправдъ бытіе,
Покровъ и ограда хищенья.

„Въ ней черная немочь... Но призракъ пропалъ
Внезапно средь сумерекъ скрылся,
Ему я проклятье въ догонку послалъ
И въ кресло безъ силъ опустился.

И вотъ, утомленный опять я гляжу
На акціи. Золъ я до смерти,
И съ грустною думой печально твержу:
О, что-бы васъ побрали черти!...

Но видно и черти ихъ взять не хотятъ;
Обидно, обидно, обидно!
И скверныя клочья спокойно лежатъ
И колятъ глаза мнѣ безстыдно.

М. Розенгеймъ

Помощь.

На роду тебѣ написано
Жизнь промыкать пошлякомъ,
И закончишь эту лямку ты,
Безпремѣнно кабакомъ...

Думъ не мало было думано
На вѣку своемъ тобой,
И пытался тоже силами
Ты помѣриться съ судьбой...

Толковали люди добрые
Про твою лихую прыть,
Что, молъ, супротивъ теченія
Забралъ въ голову ты плыть.

Толковали, какъ бы во время
Отъ бѣды спасти тебя,—
И на шеѣ съ камнемъ кинули
Въ воду божія раба...

Средство вышло безподобное:
Ты спасенъ теперь на вѣкъ
Отъ всего, чѣмъ отличается
Отъ животныхъ человѣкъ.

Омулевскій.

Бабушка заснула.

Внучка дремлетъ граціозно...
Свѣчка догораетъ...
Только въ карты пресерьезно
Бабушка гадаетъ...

Видитъ: дама пикъ съ валетомъ
Мужа обманула!
Овладѣвъ такимъ секретомъ,
Бабушка заснула...

Спитъ старуха и не знаетъ:
Внучка—непосѣда
Въ кухнѣ весело встрѣчаетъ
Стройнаго сосѣда...
Обвила его руками,
На-ухо шепнула:
„Не стучи ты сапогами
Бабушка заснула!“—

Подлымъ быть—не хватитъ духу,
Совѣсть угрызаетъ...
Эта бабушка старуха
Вѣчно намъ мѣшаетъ!
Но какъ только передъ вами
Подлость промелькнула—
То разгадка подъ руками:
Бабушка заснула!...

Только странно: у другого—
Сразу усыпится...
У иного же проклятой
Никогда не спится!
А засни—въ житьѣ суровомъ
Счастье-бъ проглянуло!..
Не шумите только словомъ:
Бабушка заснула...

И не умъ нашъ, не таланты
Намъ-бы загребали
Комплименты и брильянты,
Золото и шали...
И не жизнь бы трудовая
Все перевернула,—

Нѣтъ! причина тутъ другая:
    Бабушка заснула...

Спитъ старуха и не видитъ,
    Какъ мы поживаемъ,
Какъ насъ честный ненавидитъ,
    Какъ мы обираемъ...
Тамъ хоть громъ проклятый грянетъ,—
    Насъ бы не согнуло!
Кто-же громы слушать станетъ?
    Бабушка заснула!...

А. Волгинъ.

Дѣтскія мечты.

Когда я былъ разсудкомъ малъ,
Какой-то голосъ мнѣ шепталъ,
Что я найду свой идеалъ,
Себѣ составлю капиталъ—
И буду полный генералъ,
    Такъ я мечталъ.

Вслѣдъ за любимою мечтой
Пошелъ я твердою стопой;
Сошелся съ дѣвой неземной,
Вѣнецъ держали надо мной—
И подъ башмакъ меня прибралъ
    Мой идеалъ.

На ловлѣ почестей, чиновъ
Я всѣмъ былъ жертвовать готовъ,
Сошелся съ милыми тузовъ,
Собралъ стяжанія годовъ
И все далъ взаймы, и пропалъ
    Мой капиталъ.

Но въ люди вывели меня!
И обнищавъ, судьбу кляня,
Когда въ крови ужь нѣтъ огня,
Спокойнаго съ женою дня,
Когда я вновь разсудкомъ малъ—
Я генералъ.

В. Курочкинъ.

Московскій Алкивіадъ.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ изъ почтамта объявленье,
Въ минуту крайней нищеты.

Я голодалъ, и не полушки
На пропитанье не имѣлъ,
А въ долгъ и сахару осьмушку
Никто мнѣ вѣрить не хотѣлъ.

Къ тому же сроки роковые
Пришли: на личность ужъ мою
Въ судъ представляли кормовыя,—
И я былъ ямы на краю.

Но и во дни тоски голодной
Я бодрость духа не терялъ,
И смѣло, поступью свободной,
Съ осанкой гордой, благородной,
Передъ окномъ твоимъ гулялъ.

Тогда вдовою неутѣшной
По всей Таганкѣ ты слыла,
Но и тебя на помыслъ грѣшный
Моя наружность навела.

Мой усъ, мой профиль молодецкій,
Мой крупный ростъ тебя смутилъ,—
И огнь любви замоскворѣцкой
Тебѣ весь корпусъ обхватилъ.

Твоей любовью очарованъ,
Я оттолкнуть тебя не могъ.
И былъ за то окопированъ,
Какъ дэнди съ головы до ногъ.

Въ великолѣпную квартиру
Я вдругъ свалился съ чердака
И сталъ кутить на диво міру:
Купилъ въ пять тысячъ рысака.

Царилъ надъ таборомъ цыганскимъ,
Держалъ безумныя пари
Поилъ друзей своихъ шампанскимъ
Я „отъ зари и до зари“.

Москвы общественное мнѣнье
Меня клеймило, какъ могло,
И Катилиной—въ изступленьи—
Врагомъ отчизны нарекло.

Но хоть бранили Катилину
Катоны гордые Москвы,
Въ глаза предъ нимъ сгибали спину
Высоконравственные львы.

Съ какимъ нѣмымъ благоговѣньемъ
Я въ оны дни встрѣчаемъ былъ
По всѣмъ московскимъ заведеньямъ,
Гдѣ я съ тупымъ остервененьемъ,
Какъ купчикъ деньгами сорилъ.

Купеческій и шустеръ клубы
Меня страшились какъ врага:
Никто не могъ такъ свиснуть въ зубы,

Чужую даму чмокнуть въ губы,
Какъ вашъ покорнѣйшій слуга.

Купцы, извощики, модистки.
Всѣ говорили обо мнѣ,
И первоклассныя артистки
Со сцены улыбались мнѣ.

Казалось, все сама природа
Мнѣ ухмылялась... но увы,
Тогда я былъ всего полгода
Любимцемъ счастья и молвы.

Новѣйшій Лейчестеръ, скучая
Своей любовью должностной,
Насильно ласки расточая
Я думалъ: „эка доля злая—
Я право, точно крѣпостной!“

Душа алкала перемѣны;
Любови жаждалъ я иной,
Искалъ предмета для измѣны,—
И отыскался таковой.

Я измѣнилъ... младой цыганки
Меня плѣнилъ нескромный ликъ;—
И слухъ объ этомъ до Таганки
Въ одно мгновеніе достигъ...

Подобно древней Клеопатрѣ,
Ты напустилась на меня—
Въ мигъ похудѣла пальца на три...
Нигдѣ какъ только на театрѣ
Подобныхъ сценъ не видѣлъ я.

Я, право, плакалъ непритворно,
Клялся, что измѣнилъ любя,
Но все напрасно... и позорно
Меня прогнали отъ себя.

И вотъ, какъ встарь, изъ бельэтажа
Я возвратился къ чердаку:
Жилъ безъ слуги, безъ экипажа,
Безъ папиросъ и табаку.

Томился долго я въ опалѣ;
Костюмъ мой видимо поблекъ,
Отъ злой діэты щеки впали,
Но бодрость духа я сберегъ.

Но вотъ настало примиренье:
Умилосердилася ты,
И возвратя благоволенье,
Вновь извлекла изъ нищеты.

И вотъ опять пошли попойки,
Обѣды, жженки, пикники,
Съ углами загнутыми двойки,
Катанья за городъ на тройкѣ,
Цыгане, драки, рысаки.

Б. Алмазовъ.

Свобода, равенство и братство.

Сначала шелъ я въ ногу съ вѣкомъ,
О всякой штукѣ не мечталъ,
И могъ быть дѣльнымъ человѣкомъ;
Но зазѣвался и—отсталъ.
Пренебрегая капиталомъ,
Искалъ сокровищъ для души;
Всю жизнь стремился къ идеаламъ
И увидалъ—одни шиши.
Кричалъ я громко о свободѣ
И такъ звонилъ что просто страсть;
Искалъ сочувствія въ народѣ

И угодилъ съ народомъ въ часть.
Какъ либералъ поэтъ и баринъ,
Въ стихахъ о равенствѣ трубилъ,
Пока швейцаръ нашъ, Власъ Тугаринъ,
Мнѣ съ пьяныхъ глазъ не нагрубилъ.
О братьяхъ Сербахъ какъ я плакалъ!
Купилъ револьверъ и кинжалъ,
Но страхъ попасть къ Турчину на колъ
Меня отъ братства удержалъ.
Лишенный сладостныхъ мечтаній,
Въ безсильной злобѣ и тоскѣ,
Пошелъ я въ Волковскія бани
Распарить кости на полкѣ.
И что-жъ? О, радость! о, пріятство!
Я свой завѣтный идеалъ
Свободы, равенства и братства
Въ торговыхъ баняхъ увидалъ.

Истый чиновникъ.

Я не французъ, не англичанинъ,
Я не полякъ, не шведъ, не грекъ,
Не нѣмецъ, я не басурманинъ,
Я православный христіанинъ,
Я чисто-русскій человѣкъ.
Мнѣ по душѣ обычьи наши:
Привыкъ я къ водкѣ, къ пирогу,
Мнѣ не обѣдъ безъ щей и каши,
Я жить безъ квасу не могу.
Служебнымъ долгъ отдавъ заботамъ
Поѣмъ, часокъ-другой всхрапну,
И въ банѣ парюсь по субботамъ,
И въ церкви съ пѣвчими тяну.
Люблю попрѣть у самовара,

Есть для спокойствія халатъ,
Для развлеченія гитара,
И для прогулки Лѣтній садъ.
Лѣчусь я рѣдькой иль разсоломъ,
Курю я Жуковскій табакъ,
Не прочь гульнуть съ прекраснымъ поломъ,
И всякихъ книгъ заклятый врагъ.
Большой удѣлъ судьбой мнѣ не данъ,
И я впередъ не выдаюсь,
Начальству всей душою преданъ
И страхъ полиціи боюсь.
Имѣю чинъ, жену, ребятокъ,
Казенный уголъ и дрова;
Но что касается до взятокъ,—
То ужъ сорву какъ дважды два!

П. Ш—ръ.

Счастье и любовь.

(Изъ Г. Надо).

Стукнули въ дверь къ Маргаритѣ
Утренней ранней порой.
Слышитъ: „скорѣй отворите!“
— Какже! а кто вы такой?

— Кто я такой? моя крошка.
Гостю, скажу, не шутя,
Будешь ты рада немножко:
Счастьемъ зовусь я, дитя.

— Счастье? ну, просимъ покорно!
Только минуту одну...
Дай, пріодѣнусь проворно,
Тотчасъ тебѣ отомкну.

— Ангелъ ты мой! Бога ради...
Право, мнѣ ждать недосугъ.
Что мнѣ, къ тому-же, въ нарядѣ?
Счастье вѣдь слѣпо, мой другъ.

— Правда, а все непригоже
Платье ночное мое...
Какъ я впущу тебя... Боже!
Стыдно себя самое.

Дай только кликну Лукерью,
Кофту велю ей подать.
Слышится голосъ за дверью:
„Ну, хорошо, буду ждать“.

— Ждать ты готово? едва-ли!
Я такъ боюсь одного:
Рѣчь эта полно твоя-ли?
Счастье не ждетъ никого.

Брось-ка пустыя заботы!
Дѣвичій умъ не смущай,
Сердце шепнуло мнѣ, кто ты...
Дальше, прохожій, ступай.

Дѣва въ раздумьи осталась
Молвить, нахмуривши бровь:
— Это не счастье стучалось:
Это злодѣйка любовь!

К. Ушаковъ.

Элегія.

Есть удѣлъ несчастный—
Вотъ хоть мой, примѣрно:
Все начнешь прекрасно,
А окончишь скверно,
И, попавъ на сворку,
Вспомнишь поговорку:
„Не было печали,
Черти накачали".

Я служилъ отлично
Заправлялъ палатой,
Денежки прилично
Загребалъ лопатой,
Дралъ со всѣхъ я кожу,
Но прижалъ вельможу...
„Не было печали,
Черти накачали".

Послѣ увольненья
Я въ акціонеры.
И завелъ въ правленьи
Разныя манеры,
Но ужъ слишкомъ сразу
Позабрался въ кассу...
„Не было печали,
Черти накачали".

Вышелъ, но уважилъ
Кассу тысячъ на сто
И отлично зажилъ,
Какъ бываетъ часто.
Чтожъ? Остепенился?
Нѣтъ,—дуракъ, женился...
„Не было печали,
Черти накачали".

Чернорѣченскій Пустынникъ.

Таинственный гость.

I.

Чертогъ залитъ огнемъ. За пышными столами
Идетъ бряцанье чашъ и шумный громкій пиръ.
Среди гостей сидитъ, увѣнчанный цвѣтами,
Хозяинъ праздника, самъ *Золотой Кумиръ.*

Онъ гордъ и величавъ, исполненный сознанья,
Что гости всѣ—рабы послушные его.
То—слуги вѣрные; то—все его созданья
Онъ возвеличилъ ихъ; возвелъ изъ ничего.

Они всегда предъ нимъ въ почтеніи и страхѣ,
Пусть онъ изъ золота—но въ ихъ глазахъ онъ Богъ:
Лишь взглядомъ поведетъ—они склонятся въ прахѣ;
Велитъ—и пыль лизать съ его всѣ будутъ ногъ!

Но разъ одинъ въ году, за преданную службу,
Своихъ поклонниковъ сзываетъ онъ къ себѣ
И съ ними на пиру поддерживаетъ дружбу,
Снисходитъ къ ихъ рѣчамъ, ихъ спорамъ и борьбѣ...

II.

Но что за страшное на лицахъ выраженье
У всѣхъ собравшихся на пиршество гостей?..
То—духи вѣчной тьмы; то—ада порожденье,
То сонмище дурныхъ, разнузданныхъ страстей!!

Обманъ и *Ложь* сидятъ поближе всѣхъ къ Кумиру;
Душистый ѳиміамъ они ему кадятъ;
А *Лесть*, держа въ рукахъ подкупленную лиру,
Кумиру гимнъ поетъ и льетъ свой тонкій ядъ.

Здѣсь торжествуетъ *Зло*, кичась своей судьбою:
И алчная *Корысть* съ *Наживою* шумятъ;

Ликуетъ и *Порокъ*, гордящійся собою,
Месть радостно шипитъ, и бѣсится *Развратъ*.

Въ разгарѣ оргія... Въ безумномъ ликованьи
Хоръ дикихъ голосовъ неистово гремитъ:
— „*Надъ всей вселенной мы простерли обаянье?*
Отнынѣ—Злымъ Страстямъ весь міръ принадлежитъ!!"

III.

Но... отворилась дверь—и всѣ пришли въ смятенье:
Нежданно новый гость переступилъ порогъ.
Онъ незнакомъ всѣмъ—чуждъ: но смѣло, безъ смущенья,
Глазами всѣхъ обвелъ, и взглядъ его былъ строгъ.

Гость—чудный юноша, въ одеждѣ златотканной
Какое дивное, небесное чело!
Лишь взглядъ его блеститъ какой-то грустью странной—
Знать горе у него на сердцѣ залегло.

Пытливо посмотрѣвъ на шумное собранье,
Онъ голову склоня, промолвилъ лишь: „позоръ"!!
Настало въ залѣ въ мигъ глубокое молчанье...
Но вдругъ святымъ огнемъ блеснулъ пришельца взоръ—

И сталъ онъ говорить, сначала кротко, нѣжно,
Потомъ сильнѣй и весь отъ скорби поблѣднѣвъ...
И клокоталъ, и росъ какъ океанъ мятежный,
Какъ вѣщій Божій громъ, его правдивый гнѣвъ:

IV.

„Безумцы!.. Жалки вы и ваше ликованье!
Вамъ только доступъ данъ ко всѣмъ людскимъ сердцамъ,—
Но вамъ не пошатнуть незыблемое зданье:
Побѣда надъ людьми принадлежитъ не вамъ!

Вамъ *Правду* не убить, окрѣпшую вѣками!
То сила страшная—хоть съ виду и мала...

Любви вамъ не сгубить; она сроднилась съ нами!
Не истребить *Добра*—оно сильнѣе зла!

Исчадья, духи тьмы! вы сильны лишь на время,
Но близокъ вашъ конецъ: поднимется весь міръ
И сбросить васъ съ себя, какъ тягостное бремя,
И разобьетъ въ куски вашъ Золотой Кумиръ!

Клянуся всѣмъ святымъ—то время недалеко—
Отъ всѣхъ дурныхъ страстей избавится народъ,
„Все къ лучшему пойдетъ—я вѣрю въ то глубоко!..“
„Но кто ты, дерзкій гость?..—„Кто я?—я *Новый годъ!!*“

Н. Стружкинъ.

Послѣдній поцѣлуй.

(Разсказъ прислуги).

Какъ это было—сейчасъ разскажу:
Барыня съ гостемъ шу-шу да шу-шу,
Гость нашу барыню—чмокъ!
Баринъ съ кровати какъ скокъ!
Барыня—въ кресла и—ахъ!
Баринъ на гостя, и трахъ!
Гость: „О-го-го!“
Да—на него!
Только... тово:
Баринъ нашъ—во!
Гость передъ бариномъ—тьфу.
Баринъ его здѣсь и ну
Ужъ и сюда!
Ужъ и туда!
Знай, только хлопъ все, да хлопъ!
Послѣ за шиворотъ цопъ,
Въ двери—пёхъ!
Гость только: „Охъ!“
Съ лѣстницы, слышимъ мы, тар-тар-ра-р-р-ры!
И—не видать съ той поры.

Ръзвушка.

Страшный флейтистъ.

(Романсъ въ двухъ частяхъ, въ Нарвской и Литейной, и отчасти въ драматической формѣ).

I.

ЧАСТЬ НАРВСКАЯ.

Послѣ долгаго антракта
И раздумья злаго,
Я съ коварной дамой, какъ-то,
Повстрѣчался снова.
Съ ней мы встрѣтились въ Коломнѣ,
Боже! что за встрѣча:
Дайте Зотова перо мнѣ,
Дайте слогъ мнѣ Греча;
Дайте Скорбному поэту
Хоть Кускова лиру.
Чтобъ я съ блескомъ встрѣчу эту,
Могъ повѣдать міру!
Вотъ какъ было это: рано,
Такъ часу въ десятомъ,
Я иду въ бѣлье Флорана,
Преизряднымъ фатомъ.
Вдругъ смотрю: шагахъ такъ во ста
Онъ меня какъ птица,
Дама маленькаго роста
По панели мчится.
Мчусь за ней я; что за шея!
Жаль не видно лика—
Оглянись, моя Психея,
Стройная, какъ пика.
Но увы! она упрямо
Дуетъ безъ оглядки...
Вдругъ роняетъ на земь дама
Сизыя перчатки.
Я схватилъ перчатки эти

И, отъ счастья тая,
Какъ танцоръ Гюге въ балетѣ.
Сдѣлалъ антраша́ я.
Но, отдавъ ея потерю
И взглянувъ ей въ очи,
Сталъ я въ мигъ подобенъ звѣрю
И мрачнѣе ночи...
Сморщивъ брови, въ позѣ грозной
Я смотрѣлъ на даму,—
И балетъ нашъ граціозный
Превратился въ драму:
Дама (съ трепетомъ). „О, ужасъ!
Это онъ!.. глаза я
На него поднять конфужусь!“
(Пауза большая).
Я (ставъ въ позу Олоферна).
„Страшное свиданье!..
Га! дрожитъ она, какъ серна,
Слыша льва рыканье,
Га! сирена! вспомни, вспомни,
(Говорю вдругъ страстно).
Какъ тебя тогда въ Коломнѣ
Я прождалъ напрасно!..
Ахъ, меня, такого франта,
Ты могла рѣшиться
Промѣнять на музыканта!
О, скажи, тигрица!
Что нашла ты въ музыкантѣ.
Въ этой пошлой флейтѣ?“
Дама (грустно) „Перестаньте...
(Съ воплемъ). Пожалѣйте!..
(Вдругъ, рыкая, какъ Медея).
О, какъ я страдаю!
Отъ него я отъ злодѣя,
Таю, таю, таю!
Для меня онъ хуже волка,
Крокодила гаже!..
Но на улицѣ такъ долго
Толковать нельзя-же.

Мы теперь бесѣду бросимъ
(Озираясь, дико).
Ты ко мнѣ часовъ такъ въ восемь
Завтра приходи-ка;
Приходи, по старой дружбѣ,
Часа на два, на три;
Завтра будетъ мужъ на службѣ
Съ флейтою въ театрѣ;
Ты-жъ являйся въ полномъ блескѣ
Въ мой пріютъ унылый:—
На Литейной, въ домѣ Плеске...
До свиданья, милый!"

II.

ЧАСТЬ ЛИТЕЙНАЯ.

Чтобъ изящнѣе явиться
Къ милой музыкантшѣ
Я съ полудня началъ мыться,
Чуть еще не раньше,
Для того, чтобъ быть милѣе
И юнѣй, тогда же
У Мишеля сбрилъ себѣ я
Бакенбарды даже.
Боже мой! какимъ я франтомъ!..
Галстучекъ на шеѣ
Повязалъ себѣ я бантомъ,
Какъ нельзя хитрѣе;
Сюртучекъ надѣлъ въ обтяжку,—
Взбилъ хохолъ высоко,
На хохолъ одѣлъ фуражку,—
Эдакъ въ родѣ тока—
И въ фуражкѣ этой новой,
Сбривши бакенбарды,
Я, точь въ точь валетъ бубновый.
Лишь безъ алебарды,

Вотъ влетаю я въ укромный
Уголочекъ феи—
И повисла фея томно
У меня на шеѣ.
Съ нею сидя на диванѣ,
Расточалъ я ласки,
Цѣловалъ ея я длани,
Шейку, щечки, глазки:
Какъ любовникъ театральный,
Страстный къ пышнымъ фразамъ,
Я подругѣ идеальной
Говорилъ съ экстазомъ:
— О, созданье дорогое!
Разъ тебя увидя,
О тебѣ мечтаю, стоя,
Ходя, лежа, сидя!..
Вдругъ раздался стукъ въ прихожей—
Смотримъ мы: О, боги!
Мужъ стоитъ съ свирѣпой рожей,
Съ флейтой на порогѣ.
Что за формы, что за плечи!
Точно у Самсона,
Я отъ этой страшной встрѣчи
Сталъ желтѣй лимона.
— „Вы зачѣмъ пришли такъ поздно
Къ этой дамѣ въ гости?"—
Вопросилъ меня онъ грозно,
Весь дрожа отъ злости.
Онъ смотрѣлъ съ открытой пастью
Какъ боа, въ глаза мнѣ;
Вдругъ я вспомнилъ, какъ-то, къ счастью.
О „Подводномъ камнѣ":
Чтобъ спастись мнѣ отъ флейтиста
И живымъ остаться,
Я идеей романиста
Началъ защищаться.
Говорю флейтисту съ жаромъ:
Вамъ какое дѣло.

Что жена съ знакомымъ старымъ
Рядомъ посидѣла!
Говорю: пора давно намъ
Бросить предразсудки:
Не плясать же вѣчно женамъ
Все по нашей дудкѣ?..
Вдругъ меня флейтистъ ужасный
Взялъ какъ флейту въ руки,
Промычавши:—„ты напрасно
Мелешь эти штуки!“—
Оттолкнувъ свою супругу,
Сталъ свирѣпѣй бури
И на мнѣ большую фугу
Разыгралъ въ С—дурѣ.

Г. Жулевъ.

Вѣрному псу.

Сюда, ко мнѣ, мой вѣрный песъ,
На грудь мою скорѣй!
Глаза мои полны отъ слезъ,—
Утри-жъ ихъ поскорѣй...

Цѣлуй меня... еще... вотъ такъ!
Твой поцѣлуй вѣдь чистъ.
Дай лапу сжать твою, добрякъ,
Мой другъ—идеалистъ!

Меня въ борьбѣ со злымъ врагомъ
Въ обиду ты не дашь,
И за копѣйку серебромъ
Меня ты не продашь!

Когда намъ жизнь была тяжка,
Со мной ты голодалъ,
И никогда изподтишка
Меня ты не кусалъ.

Съ измѣной не былъ ты знакомъ:
Ни разу за угломъ
Мнѣ, за добро мое, тайкомъ,
Не отплатилъ ты зломъ!

Ты—воплощенный идеалъ
Друзей, какихъ ужъ нѣтъ!
Конецъ имъ всѣмъ теперь насталъ:
Ихъ не рождаетъ свѣтъ!

Угасла дружба межъ людей;
Къ ней человѣкъ сталъ глухъ...
Но сладко то, что межъ звѣрей
Еще найдется другъ!

Н. Стружкинъ.

Комическое попурри изъ басенъ.

Въ іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками въ гору,
Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
По улицамъ слона водили,
Какъ видно, на показъ—
Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ,—
Такъ за слономъ толпы зѣвакъ ходили...
Какой-то поваръ грамотѣй
Съ поварни убѣжалъ своей,
Со всѣхъ дворовъ собакъ сбѣжалося съ полсотни...
Какъ вдругъ изъ подворотни,

Проказница-мартышка,
Оселъ,
Козелъ,
Да косолапый-мишка
Затѣяли сыграть квартетъ.
Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ,
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ того не дѣло—только мука...
Однажды лебедь, ракъ, да щука,
Собака, левъ, да волкъ съ лисой,
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ всѣ въ него впряглись,
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу;
Поклажа бы для нихъ казалась и легка,
Да лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду...
Случилось соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему,
Чтобъ ихъ рѣшилъ сомнѣнье...
Пожалуй, говорятъ: возьми на часъ терпѣнья
И говоритъ такъ сладко, чуть-дыша:
Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста, покушай.
Сосѣдушка, я сытъ по-горло. Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку. Послушай:
Что за уха! да какъ жирна,—
Какъ будто янтаремъ подернулась она...
Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки,
Какія перышки, какой носокъ!
И вѣрно ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись! что ежели сестрица,
При красотѣ такой и пѣть ты мастерица,
Вѣдь ты-бъ у насъ была Царь-птица!
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
И на привѣтливы лисицыны слова...
Запѣли молодцы; кто въ лѣсъ, кто по дрова—
И у кого, что силы стало.
Въ ушахъ у гостя затрещало

И закружилась голова...
Тутъ бѣдный Фока мой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку,
И изъ гостей домой...
Пришла свинья-свиньей,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой...
Басню эту лишнимъ я считаю толковать,
Но какъ здѣсь къ слову не сказать:
„Науки юношей питаютъ,
Отраду старцамъ подаютъ!“

Прежде и теперь.

Посмотришь на людскіе нравы,—
Какъ перемѣнчивы они:
Привычки, вкусы и забавы,—
Все измѣнилось въ наши дни!

Герой старинный—дѣломъ, словомъ
Разилъ всѣхъ родины враговъ...
Теперь герой—съ тузомъ бубновымъ,
Или не платитъ вѣкъ долговъ!

Бывало, вѣкъ всѣ доживали,
Въ свой срокъ ложился каждый въ гробъ...
Теперь, чуть духомъ мы упали,—
Безъ размышленья пулю въ лобъ!

Любовь казалась прежде раемъ,
Святыней чистой, неземной...
Теперь ее мы покупаемъ
Весьма дешевою цѣной!

Мы встарь дивилися обжорамъ...
Теперь у нихъ сталъ тоньше вкусъ:
Они несытымъ ищутъ взоромъ,
Гдѣ-бъ хапнуть денегъ *„жирный кусъ!“*

Страдаетъ въ старину влюбленный,
Не ѣстъ... (хоть это не умно...)
Покоенъ рыцарь современный,
Любя приданое одно!

Счастливецъ прежній жилъ трудами
И вѣрилъ свято въ долгъ и честь...
Теперь же счастливъ между нами
Тотъ,—кто съумѣлъ вездѣ пролѣзть!

Пивали въ старину не мало
И были веселы всегда...
Теперь, что пиръ—то жди скандала,
А ужъ веселья нѣтъ слѣда!

Бывало,—прежняя кокетка
Сердца умѣла лишь плѣнять...
Теперь она мечтаетъ ѣдко:
„Кого-бъ, какъ липку, ободрать?“

Острили прежде мы нарочно
И *даромъ* тратили нашъ *даръ...*
Теперь въ газетахъ мы *построчно*
Остримъ и то за гонораръ!

Бывало, мы *въ колечко, фанты*
Играемъ шумною гурьбой...
Теперь *въ кассиры, интенданты*
Играютъ дѣти межъ собой!

Да! измѣнились сильно нравы
У насъ рѣшительно во всемъ;
И тотъ, кто прежде *жаждалъ славы,*
Теперь стремится *за рублемъ.*

Н. Стружкинъ.

Погибшія созданья.

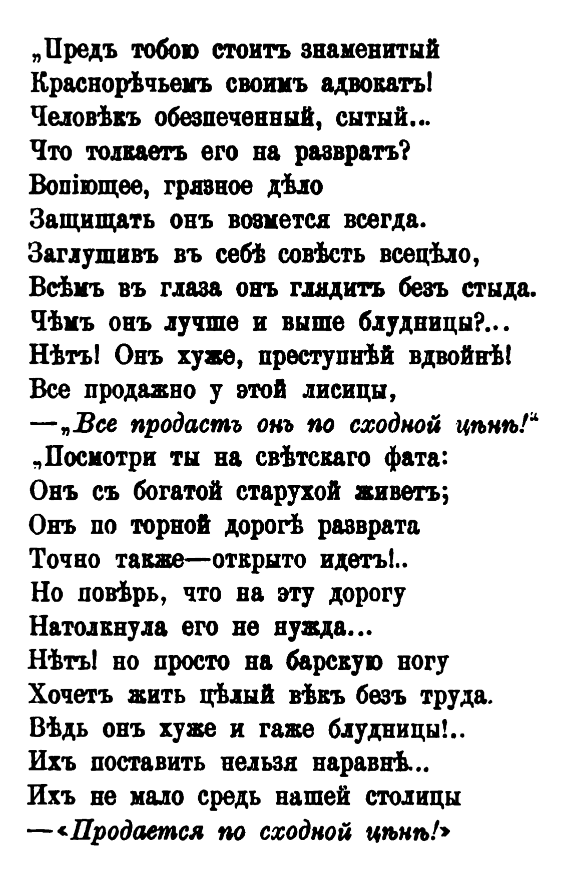
Упивался я воздухомъ чистымъ,
Что Господь, наконецъ, намъ послалъ;
И подъ ручку съ однимъ моралистомъ
Очень долго на-дняхъ я гулялъ.
Вечерѣло. Заря догорала.
Газъ повсюду давно ужъ зажгли;
И усталые,—медленно вяло,
Вдоль по улицѣ людной мы шли,
Повстрѣчалась намъ *нѣкая* дама,
Разодѣтая въ шелкъ и атласъ;
И съ улыбкою—нагло и прямо
Посмотрѣла предерзко на насъ.
Мой пріятель промолвилъ сердито;
„Эти дряни повсюду снуютъ
И публично, предъ всѣми открыто,
Не стѣсняясь—себя продаютъ!
И на главныхъ-то улицахъ даже
Нѣтъ прохода отъ падшихъ дѣвицъ...
Для меня—нѣтъ мерзѣе и гаже
Этихъ уличныхъ, наглыхъ блудницъ!
Вѣдь на каждой раскрашенной харѣ
Такъ порокъ и написанъ вполнѣ;
И читаешь въ глазахъ этой твари:
„*Продается по сходной цѣнѣ!*"

„Успокойся, мой другъ, ради Бога!"
Я пріятелю кротко сказалъ.
„Ты-ужъ судишь о нихъ слишкомъ строго.
Ты-бы гнѣвъ свой слегка удержалъ.
Что караешь ты ту, что сдается
Потому,—что ей нечего ѣсть?..
Въ наши дни, милый мой,—продается
Убѣжденье, и совѣсть, и честь!

Что творится теперь повсемѣстно?
Посмотри, оглянись-ка кругомъ!..
Что у насъ не продажно и честно?
Что у насъ не подточено зломъ?..
Этой падшей моихъ оправданій
Я въ защиту пока не скажу...
Рядъ погибшихъ,—но худшихъ созданій
Я сейчасъ же тебѣ покажу.
Ополчился ты противъ блудницы!..
Пусть виновна она—но предъ ней
Эти алчныя, хищныя птицы
Будутъ много, пожалуй, грязнѣй!"

„Полюбуйся на крупнаго вора!
Онъ съ живаго и мертваго бралъ.
Этотъ хищникъ—цѣною позора
Нажилъ дачи, дома, капиталъ.
Но зачѣмъ же онъ промыслъ свой гадкій
Не бросаетъ—добившись всего?..
Вѣдь протягивать руку за взяткой
Заставляетъ не крайность его...
Нѣтъ! Стыда перейдя всѣ границы
И поправъ все святое вполнѣ,
Лихоимецъ—подобно блудницѣ,
— „*Продается по сходной цѣнѣ!*"

„Публицистъ,— чье могучее слово
Много-бъ пользы странѣ принесло—
Свѣтъ и правду бичуя сурово,
Восхваляетъ насилье и зло!..
Онъ не бѣденъ. По милости Неба,
Онъ имѣетъ свой собственный домъ.
Вѣдь не ради-жъ насущнаго хлѣба
Онъ публично торгуетъ стыдомъ?..
Ложь видна въ его каждой страницѣ.
Почему?—не повѣришь ты мнѣ,
Публицистъ—уподобясь блудницѣ,
—„*Продается по сходной цѣнѣ!*"

„Предъ тобою стоитъ знаменитый
Краснорѣчьемъ своимъ адвокатъ!
Человѣкъ обезпеченный, сытый...
Что толкаетъ его на развратъ?
Вопіющее, грязное дѣло
Защищать онъ возмется всегда.
Заглушивъ въ себѣ совѣсть всецѣло,
Всѣмъ въ глаза онъ глядитъ безъ стыда.
Чѣмъ онъ лучше и выше блудницы?...
Нѣтъ! Онъ хуже, преступнѣй вдвойнѣ!
Все продажно у этой лисицы,
—„*Все продастъ онъ по сходной цѣнѣ!*"
„Посмотри ты на свѣтскаго фата:
Онъ съ богатой старухой живетъ;
Онъ по торной дорогѣ разврата
Точно также—открыто идетъ!..
Но повѣрь, что на эту дорогу
Натолкнула его не нужда...
Нѣтъ! но просто на барскую ногу
Хочетъ жить цѣлый вѣкъ безъ труда.
Вѣдь онъ хуже и гаже блудницы!..
Ихъ поставить нельзя наравнѣ...
Ихъ не мало средь нашей столицы
—«*Продается по сходной цѣнѣ!*»

„На убитое Богомъ созданье
Опрокинулъ ты праведный гнѣвъ...
Удѣли-жь ей хоть лучъ состраданья,
На другихъ-то блудницъ посмотрѣвъ!
Гдѣ довольныя, сытыя лица
Продаются по сходной цѣнѣ,
Тамъ голодная, вѣрь мнѣ, блудница
Заслужила прощенье вполнѣ!
Пусть смѣется она—передъ нами,
Продавая товаръ свой лицомъ...
Но вѣдь смѣхъ ея—выжатъ слезами,
Не развратомъ—нуждой и стыдомъ!
Приговоръ свой смягчи беспристрастный
И ее не бичуй, не кляни...

Не гляди на лицо ты несчастной,—
Глубже въ душу ея загляни!
О, повѣрь мнѣ, она осудила
Самое-себя—раньше тебя!...
И влачитъ свои дни—до могилы,
Глубоко презирая себя!
О! носить на душѣ какъ ужасно
Къ самому себѣ вѣчный укоръ!..
И всю жизнь—сознавать ежечасно
Несмываемый стыдъ и позоръ!
И ее вѣдь раскаянье гложетъ...
На душѣ ея—муки и адъ!
Но несчастной никто не поможетъ
Воротить прожитое назадъ!
Ея жизнь—не одни-ли страданья?..
Голодъ грозно кричитъ ей:—„*Иди*!"
И она, заглушивши рыданья,
Что подчасъ накипаютъ въ груди,
Разрядившись—во что побогаче,
Изъ-за хлѣба—идетъ на борьбу
И грѣшитъ—проклиная и плача
Роковую злодѣйку—судьбу!..
Удѣли-жъ ей участья крупицу!
Вѣдь развратъ въ ней души не убилъ...
Не забудь, что такую блудницу
Самъ Христосъ милосердый простилъ".

Н. Стружкинъ.

Подарокъ.

За заморскою пѣвицей,
Чернобровой, круглолицей,
Сталъ ухаживать корнетъ...
За любовь ея и ласку
Подарилъ ей—не коляску,
А свой собственный портретъ...
Дѣва зло, въ кругу товарокъ,
Покраснѣвши какъ морковь,
Говоритъ: хорошъ подарокъ!
Дешева его любовь!..

Фея хищная изъ Риги
Обрѣтается въ интригѣ
Съ богачемъ дровяникомъ:
Пріѣзжай-ка, душка статскій,
Въ мой отель, что на Фурштадтской,
Говоритъ ему тайкомъ:
И въ подарокъ пару барокъ
Мнѣ съ дровами приготовь...
—Ого-го! какой подарокъ!
Дорога твоя любовь!

Вотъ супруга втихомолку
Муженьку готовитъ елку,
Рядомъ съ ней усачъ-казакъ.
И совѣтуетъ ей витязь:
Вы на елкѣ подарите-съ
Муженьку ночной колпакъ...
Принялъ мужъ подарокъ... Ярокъ!
Говоритъ онъ, хмуря бровь;
Но не дорогъ твой подарокъ,
Дорога твоя любовь.

«Ничего, кромѣ денегъ, не надо!»

Возсѣдаютъ за брачнымъ столомъ
Молодые, супругъ и супруга,
Хоть супруга—изрядный обломъ,
На лицѣ знакъ тупаго испуга.
Тотчасъ видно: росла въ терему
Средь домашняго ада то чадо,
Но женихъ весь сіяетъ, ему
Ничего, кромѣ денегъ, не надо!

Распѣваетъ на сценѣ пѣвецъ,
Просто дыбомъ становится волосъ;
Шепчутъ дамы: какой молодецъ!
Ахъ, какой обаятельный голосъ,
Но близка аріета къ концу,
За руладой несется рулада,
Мигъ божественно-сладкій... пѣвцу
Ничего, кромѣ денегъ, не надо!

Точно вѣчный, извѣстный всѣмъ жидъ,
Несмотря на ухабы и ямы,
Рецензентъ изъ театра бѣжитъ
Послѣ новой классической драмы...
Давши шпоры уму своему,
Неподкупный зоилъ Петрограда
Страхъ увлекся искусствомъ... ему
Ничего, кромѣ денегъ, не надо!

Жарко молится тузъ дровяникъ,
И въ добавокъ, домовый хозяинъ,
Девяносто-двухлѣтній старикъ,
Что газетами шибко облаянъ...

Разсѣкаетъ полночную тьму
Тихимъ свѣтомъ большая лампада.
Онъ забылся въ молитвѣ... ему
Ничего, кромѣ денегъ, не надо!

Г. Ж—въ.

Нашъ либеральный городокъ.

Бѣдовый у насъ городишка!
Хотя онъ и грязенъ, и малъ,
Но каждый дворовый мальчишка
Отчаянный въ немъ либералъ.
Тамъ въ жизни свободной стремленье...
И можете-ль вѣрить что тамъ...
Ѣдятъ пироги въ воскресенье,
И постное по середамъ.

У насъ вольнодумство не тонко;
Мы всею душей на лицо;
Но даже подъ часъ отъ ребенка
Отважное слышимъ словцо;
Одинъ шалунишка злодѣйскій
Какую вѣдь штуку сказалъ:
Что будто пѣтухъ нашъ индѣйскій
На птичьемъ дворѣ генералъ!

У насъ и купцы, и мѣщане,
Такъ мирно, такъ просто живутъ,
Въ субботу всѣ парятся въ банѣ
И чай съ утра до ночи пьютъ;
Я даже слыхалъ отъ дьячихи,
Но чуръ, это тайна моя...
У каждой богатой купчихи
Лежитъ передъ домомъ свинья.

Какой у насъ докторъ пріятный;
Онъ дамскихъ сердецъ идеалъ!
Учености онъ необъятной
И ею насъ всѣхъ поражалъ.
Однажды, потупясь сурово,
Сказалъ онъ предъ цѣлой толпой:
Что ежели все въ насъ здорово,—
Болѣзни въ насъ нѣтъ никакой!

Когда слышу наши я пренья,
Дрожу, какъ осиновый листъ,
Ужасно всѣ рѣзки сужденья...
Разъ даже одинъ гимназистъ
Рѣшился на частной квартирѣ
Жестокую тайну сказать:
Что дважды два будетъ четыре
И что пятью пять—двадцать пять.

Подѣломъ.

Есть многіе бѣдняги,
Которымъ трудно жить—
Ихъ въ жизни передряги
Насъ могутъ поучить.
Вѣдь не всегда несчастье намъ
Злымъ рокомъ суждено—
Но надо тонко жить умѣть,
Что очень мудрено!
И всякъ изъ насъ
Слыхалъ не разъ:
Подѣломъ, подѣломъ!
Не будь дуракомъ, не будь дуракомъ!

Вамъ сказку разскажу я,
Madame и mademoiselle:
Въ странѣ какой-то дальней
За тридевять земель
Родились братья близнецы;
Одинъ красивъ на видъ,
Умомъ такъ онъ почти Сократъ,
Душою Аристидъ
Другой—плохой,
Но въ немъ найдемъ,
Что нигдѣ, и не въ комъ
Не былъ дуракомъ, не былъ дуракомъ.

Вотъ въ нѣкій департаментъ
Вступили, наконецъ,
Начальникъ старецъ принялъ
Ихъ какъ родной отецъ.
Одинъ бумагъ большой архивъ
Въ недѣлю разобралъ,
Другой былъ кротокъ, неспѣсивъ,
Калоши подавалъ.
И въ ходъ—идетъ,
А тотъ все ждетъ...
Подѣломъ и т. д.

Когда супругъ почтенный
Кутитъ порой ночной,
А томный ловеласикъ
Бесѣдуетъ съ женой,
И шепчетъ ей наединѣ
Пикантный кавалеръ:
Вашъ мужъ тиранъ, повѣрьте мнѣ,
А вашъ рабъ, ma chère,
Онъ мужъ... все чушь,
Pauvre homme, pauvre homme,
Подѣломъ и т. д.

Но если въ ту же пору
Супругъ домой придетъ

И нашему синьору
Прическу изомнетъ;
Конечно, въ правѣ онъ своемъ
Что дѣльно поступилъ.
Теперь тому мы запоемъ,
Кто кашу заварилъ:
И радъ—не радъ
А вздули—братъ
Подѣломъ, и т. д.

Еще кое-что.

На новую я тему куплеты вамъ спою,
Послушать предлагаю я пѣсенку свою и,
Еще кой что, еще кой что,
Чего сказать нельзя? bis.

Въ дорогу мужъ пустился, жена полна любви,
Ему собственноручно одѣла шляпу и,
Еще кой что, еще кой что,
Чего сказать нельзя? bis.

Расположенъ купчина къ супружницѣ своей,
Даетъ онъ средства къ жизни и наставленія ей и,
Еще кой что, еще кой что,
Чего сказать нельзя? bis.

Товарищамъ по службѣ давать роскошный пиръ,
Съ шампанскимъ и закуской мнѣ докторъ запретилъ и,
Еще кой что, еще кой что,
Чего сказать нельзя? bis.

Тьма денегъ у актрисы, бриллiанты, изумрудъ,
То ей даетъ искусство, ея тяжелый трудъ и,
Еще кой что, еще кой что,
Чего сказать нельзя? bis.

Я истощенъ, истратилъ очень много силъ,
Курить и пить строжайше мнѣ докторъ запретилъ и,
Еще кой что, еще кой что,
Чего сказать нельзя? bis.

Въ полночный часъ кутила въ Аркадiю летитъ,
Тамъ можно выпить мило, съ собою прихватить
Еще кой что, еще кой что,
Чего сказать нельзя? bis.

А вотъ конторщица днемъ, безъ работы не сидитъ,
Съ прикащикомъ же въ вечеръ подчасъ она шалить и,
Еще кой что, еще кой что,
Чего сказать нельзя? bis.

Красавица ласкаетъ сѣдаго муженька,
И вотъ сердечко таетъ сѣдаго чудачка и,
Еще кой что, еще кой что,
Чего сказать нельзя? bis.

Чхи! на здоровье.

Если въ свѣтѣ кто чихнетъ,
Жить сто лѣтъ тому желаютъ,
Комплиментъ на этотъ счетъ,
Отъ души вамъ изъявляютъ.
А самъ думай про себя:
Чтобъ чортъ побралъ тебя.
Чхи! на здоровье
(проза) такъ же вамъ

Чхи! на здоровье
(проза) взаимный
Чхи! на здоровье
(проза) на многія лѣта вамъ говорятъ,
а въ душѣ???

Вотъ больной напрасно ждетъ
Отъ врача выздоровленья.
Докторъ же за все беретъ:
За рецептъ, за наставленье;
Къ чему же клонятся онѣ,
Выжить жизнь изъ портъ-монэ.
Чхи! на здоровье
и т. д.

Вотъ купецъ глядишь иной,
По торговлѣ лѣзетъ въ гору;
Онъ барышъ беретъ большой
И не платитъ кредитору.
Онъ торгуетъ на фу фу,
За то вылетитъ въ трубу!
Чхи на здоровье
и т. д.

Кто имѣетъ дочерей,
Жениховъ тотъ имъ желаетъ
И въ приданое ей-ей
Сотни тысячъ обѣщаетъ?
А женился, поглядишь
За женой что взялъ онъ?—шишъ
Чхи! на здоровье
и т. д.

И дѣвицы всѣ портретъ
Представляютъ древней Евы,
Будто грѣшныхъ изъ нихъ нѣтъ
Будто всѣ невинны дѣвы?
А посмотришь сорвала
Запрещенный плодъ она.

Чхи! на здоровье
и т. д.

И на рельсовыхъ путяхъ,
Часто слышишь по газетамъ:
Цѣлый поѣздъ съ мѣста трахъ,
Пассажиръ прощайся съ свѣтомъ!
На томъ свѣтѣ будь счастливъ
Какъ чихнетъ локомотивъ.
Чхи! на здоровье
и т. д.

Виноградскаго.

Одному только Богу извѣстно.

(Куплеты исполненные У. В. Щетининымъ).

I.

Каждый разъ послѣ грома побѣдъ
Раздаются рыданья и стоны!
Проклиная весь злой этотъ свѣтъ,
Плачутъ бѣдныя дѣти и жены!
Безъ конца въ мірѣ битва идетъ...
Гибнутъ люди толпой повсемѣстно!
bis. И ужъ сколько есть вдовъ и сиротъ
Одному только Богу извѣстно!..

II.

Намъ наука гласитъ, что вино
Есть источникъ различныхъ болѣзней
И мы всѣ порѣшили давно,
Что не пить для насъ было-бъ полезнѣй.
Но лишь только кому поднесли—
Онъ налижется тотчасъ прелестно!..
bis. Сколько пьяницъ у насъ на Руси!
Одному только Богу извѣстно!

III.

Всѣ кричатъ: „только можетъ нахалъ!
Оскорбить беззащитную даму!“
А на улицѣ вѣчный скандалъ...
Сколько вытерпитъ бѣдная сраму!
Ей въ лицо чуть не каждый соврасъ,
Смотритъ нагло, нахально безчестно!..
bis. И ужъ сколько нахаловъ у насъ,
Одному только Богу извѣстно!

IV.

Этотъ вѣкъ свой не платитъ долговъ;
Тотъ дѣтей воспитать не желаетъ;
Тотъ за грошъ утопить васъ готовъ;
Этотъ бѣдныхъ сиротъ обираетъ!..
Тотъ кричитъ: „или онъ, или я!
А обоимъ на свѣтѣ намъ тѣсно!...“
bis. Ахъ, и сколько межъ нами жулья?
Одному только Богу извѣстно!

V.

Подтасовка повсюду идетъ!
Картъ фальшивыхъ и крапленныхъ массы!
Здѣсь газета вамъ вольтъ удеретъ,
Тамъ вольтируютъ деньги изъ кассы!..
Передержкой возвышенныхъ словъ
Дипломаты живутъ повсемѣстно...
bis. Что за пропасть теперь шулеровъ?
Одному только Богу извѣстно!..

VI.

Въ медицинѣ большой мы успѣхъ
За послѣднее время стяжали.
И названья болѣзней то всѣхъ
Даже чортъ самъ запомнитъ едва-ли!
Прописать врачъ микстуру готовъ,

Хоть и было бы то безполезно!..
bis. Докторовъ у насъ есть, докторовъ
Одному только Богу извѣстно!

VII.

Вы въ отдѣлѣ судебномъ газетъ
Все прочтите, кровь въ жилахъ застынетъ.
Тамъ какихъ только ужасовъ нѣтъ;
Чаша эта когда же насъ минетъ!
Человѣкъ сталъ свирѣпъ, точно звѣрь!
Всѣ спѣшатъ грабежомъ жить безчестно.
bis. А юристовъ вѣдь сколько теперь?
Одному только Богу извѣстно!

VIII.

Нравы пали! Циничный развратъ
Практикуютъ открыто и смѣло!
Не жалѣетъ сестру свою братъ;
Вамъ продастъ отецъ дочери тѣло!
И мужчина продаться готовъ,
Чуть немного ему станетъ тѣсно...
bis. Сколько „падшихъ“ различныхъ сортовъ?
Одному только Богу извѣстно!

XI.

Всюду подлость, интриги, обманъ!
Канцеляріи, кулисы, салоны
Служатъ сценой неизданныхъ драмъ...
Опороченныхъ слышатся стоны.
Чуть подымешься—сбросятъ сейчасъ!
Очернятъ, оклевещутъ безчестно!..
bis. Интригановъ, вѣдь, разныхъ у насъ!
Одному только Богу извѣстно!

X.

Каждый день, мы шагаемъ впередъ
И становимся лучше, умнѣе!..

Просвѣщенье межъ нами идетъ
Съ каждымъ часомъ сильнѣе, сильнѣе!..
Ну, ужъ видно нашъ жребій таковъ:
Какъ не взглянешь куда повсемѣстно
bis. Что за масса теперь дураковъ!
Одному только Богу извѣстно!

XI.

Я въ послѣдній ужъ разъ вамъ пою!..
Часто съ чувствомъ досады и боли
Я на всѣхъ изливалъ желчь свою;
Но умолкну теперь поневолѣ!
На прощанье сказать лишь могу:
Что куплеты въ ходу повсемѣстно...
А сюжетовъ (*указывая на публику*): на каж-
bis. домъ шагу!
Одному только Богу извѣстно!

Слова Жулева и Жданова.

Ахъ, оставьте!

Ахъ, оставьте! это слово
И наивно, и умно,
Въ данномъ смыслѣ будетъ ново
Положительно оно.
Поглядите, какъ въ гостиной
Юный льстецъ, придумавъ спичъ,
За обѣдомъ; съ сладкой миной.
Предъ начальствомъ поретъ дичь,
Гнется онъ спиною гибкой,
А начальникъ-сибаритъ
Съ лошадиною улыбкой:
Ахъ, оставьте! говоритъ!

Вотъ подрядчикъ у особы
Въ кабинетѣ тутъ какъ тутъ.
Сухо принятъ высшей пробы
Проходимецъ нашъ и плутъ.
— Мой подрядъ—статья иная
Не ведетъ казну во вредъ,

Говоритъ онъ, вынимая
Съ сторублевками пакетъ.
Гордый тузъ смягчаетъ звуки,
Принимая нѣжный видъ:
Не беру я взятокъ въ руки,
Ахъ, оставьте! говоритъ.

Разъ, на дняхъ извѣстный купчикъ
Разрѣшилъ себѣ загулъ,
И въ трактирѣ нашъ голубчикъ
За бутылками уснулъ.
Коммерсанта выйдти просятъ,
И полиціей грозя:
„Вамъ теперь, ему доносятъ,
Оставаться здѣсь нельзя;“
Но, храня свою причуду.
Коммерсантъ зѣло сердитъ,
Бьетъ онъ вдребезги посуду
И, оставьте!.. говоритъ.

Другу долгъ пріятной данью
Платитъ франтъ, къ себѣ одну
Пригласивши на свиданье
Друга добраго жену...
Онъ ей шепчетъ: „ангелъ милый!
Всей душою васъ любя,
На часокъ еще, хоть силой,
Я оставлю у себя...
Вамъ извѣстны мужа ласки,

За дѣлами онъ сидитъ"...
И она, потупя глазки:
Ахъ, оставьте!.. говоритъ.

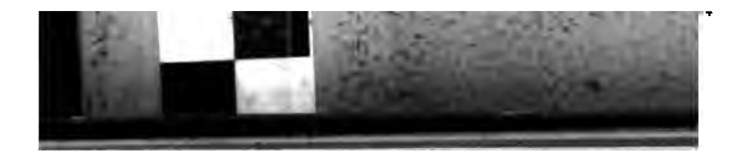
Классикъ.

Для разнообразія.

Мой отецъ счастливымъ часомъ
Умеръ за границею,
Распрощавшись съ душнымъ классомъ,
Сталъ я вольной птицею.
Намозолила мнѣ уши
Скучная гимназія,
И пошелъ я бить баклуши
Для разнообразія. bis.

Разъ иду я отъ Бореля,
Осушивши „здравицу",
И подъ легкой дымкой хмѣля
Вижу я красавицу.
Догоняю эту штучку—
Что твоя Аспазія!
Я ее тотчасъ подъ ручку
Для разнообразія. bis.

Предлагаю ей гостинецъ
Съ пыломъ сердца страстнаго,
Вдругъ подходитъ къ ней лезгинецъ
Роста преужаснаго!
Я породѣ свиноухой
Крикнулъ: „прочь ты Азія!"
И почтилъ меня онъ плюхой
Для разнообразія. bis.

Въ неописанной досадѣ,
Шевельнувъ карманами,
Въ тотъ-же день я въ „Зимнемъ Садѣ"
Пилъ вино стаканами,
Чтобъ себя на ладъ настроить,
Вмигъ пришла фантазія,
Небольшой скандалъ устроить
Для разнообразія. bis.

Но меня, за ту бездѣлку
Съ властью полицейскою
Притащили на раздѣлку
Въ камеру судейскую.
Я сказалъ судьѣ тогда-же:
„Странная оказія!"
„Запрещать скандалы даже
Для разнообразія". bis.

Но судья отнесся строже,
Чѣмъ я думалъ ранѣе,
Я спросилъ тогда: „за что же
Ваши всѣ тиранія?"
Онъ сказалъ мнѣ въ заключеніе:
Да за безобразіе...
И попалъ я въ заточеніе
Для разнообразія. bis.

«Осколки» 1883.

Надо полагать!

Ахъ, какой прелестный,
Миленькій ребенокъ!
И какой толковый
Чуть-ли не съ пеленокъ.
Начинаетъ мамку
Ножками брыкать
Будетъ баловникъ онъ
Надо полагать!

Въ маленькомъ ребенкѣ
Видятъ пропасть толку,
Онъ теперь болтаетъ—
Рѣчи безъ умолку...
Да и не краснѣя,
Начинаетъ лгать...
Будетъ адвокатомъ
Надо полагать!

Мальчиковъ не любитъ
Бьетъ ихъ да ругаетъ...
Дѣвочекъ голубитъ
Съ ними лишь играетъ...
Да и въ тихомолку
Любитъ обнимать,
Будетъ волокитой
Надо полагать!

Хвастаетъ мамаша
Умною головкой!
А ребенокъ милый
Съ нѣжною сноровкой
На карманъ папаши
Началъ посягать.
Будетъ править банкомъ
Надо полагать!

Миленькій ребенокъ
Сплетни страшно любитъ;
Все онъ перерядитъ,
Все онъ пересудитъ.
Ничего не смысля,
Любитъ разсуждать...
Будетъ рецензентомъ,
Надо полагать!

Сталъ со всѣми драться
Милый шалунишка,
То отдуетъ братца,
То лакея Тришку,
Нравиться малюткѣ
Въ зубы всѣмъ давать,
Будетъ знать квартальнымъ
Надо полагать!

Классикъ («Пет. ист.»).

Чтобъ чортъ тебя побралъ!

Кого изъ насъ не потѣшаютъ дѣти?
Кому не милъ ихъ лепетъ молодой?
Нерѣдко забываешь все на свѣтѣ,
Слѣдя за ихъ невинной болтовней...
Намъ любо ихъ наивное признанье,
И все-таки я часто замѣчалъ,
Какъ говорятъ: „прелестное созданье!"
И думаютъ: „чтобъ чортъ тебя побралъ!"

Я видѣлъ какъ съ сынишкою вельможи
Прислужникъ ловкій вздумалъ поиграть,
Онъ лаялъ по-собачьи, корчилъ рожи;
И принималъ щелчки, какъ благодать...

Свершая храбро этотъ подвигъ трудный,
Когда свой носъ мальчишкѣ подставлялъ—
Онъ говорилъ: „что за ребенокъ чудный!"
Но думалъ онъ: „чтобъ чортъ тебя побралъ!"

„Послушай, мама", молвилъ мальчикъ крошка,
„Обшарили мы съ няней весь буфетъ:
Тамъ хересъ есть, малаги есть немножко;
Но только водки тамъ ни капли нѣтъ"...
И чувствуя, что рѣчью неумѣстной
Мальчишка тайну наньки разболталъ,
Она твердитъ: „ахъ, ангелъ нашъ небесный!"
Но думаетъ: „чтобъ чортъ тебя побралъ".

Введя гусара въ комнату папаши,
„Вотъ видишь, папа", мальчикъ говоритъ,
„И мнѣ онъ другъ и другъ моей мамаши,
Ее цѣлуетъ, а меня даритъ"...
Гусаръ смущенъ, краснѣетъ какъ мальчишка,
Болтливаго ребенка приласкалъ,
И шепчетъ: „ахъ, ужасный ты плутишка!"
А думаетъ: „чтобъ чортъ тебя побралъ!"

Безъ причины.

„Нѣтъ въ мірѣ дѣйствій безъ причинъ",
Мыслители сказали,
И фразѣ этой, какъ одинъ,
Всѣ въ голосъ вѣру дали.
    Но трезвый взглядъ
    Бросая вдругъ,
    Мы фатовъ рядъ
    Отвѣтимъ вдругъ,
И смѣло можемъ заключить,
Оставивъ путь рутины,
Что много, много можетъ быть
Совсѣмъ вотъ безъ причины.

Былъ банкъ, а въ банкѣ ящикъ былъ,
Что кассой называютъ—
Замки, печати и кассиръ
Тотъ ящикъ охраняютъ.
Вотъ разъ пришла
Кому-то блажь
Съ чего-то банкъ повѣрить нашъ:
Открыли ящикъ, смотрятъ—шишъ!
Да нити паутины...
А были деньги! вотъ поди-жь!
Совсѣмъ вѣдь безъ причины!...
Желѣзный путь. Большой процентъ
Рабочихъ голодаютъ,
И воротилы дивидентъ
Исправно получаютъ.
И строгость есть,
Начальства страхъ...
Кажись бы все...
Анъ смотришь—трахъ!!!
Тамъ поѣздъ врагъ столкнулъ въ оврагъ,
Тамъ сшиблись двѣ машины...
А отчего?—отвѣтитъ всякъ:
Совсѣмъ вѣдь безъ причины!..
Зѣло преклонныхъ лѣтъ дуракъ,
Плѣшивый и согбенный,
Вступилъ по „страсти въ третій бракъ
Съ красавицей отмѣнной.
И годъ старикъ,
И два живетъ;
На третій—Богъ
Сынка даетъ.
И мыслитъ старецъ про себя,
Справляючи крестины.
„Чудно! послалъ Господь дитя
Совсѣмъ вѣдь безъ причины!“

Я не хочу!

Идти обѣдать à six heures
И пить шампанское, когда
Меня зовутъ—parole d'honneur
Готовъ всегда, готовъ всегда;
На счетъ чужой у Оливье
Охотно ѣмъ, острю, шучу...
Но тамъ за что нибудь payer
Я не хочу, я не хочу!..

Не получивши денегъ въ срокъ
Отъ должника, я безъ стыда
Запрятать въ темный уголокъ
Готовъ всегда, готовъ всегда.
Когда же, Боже, упаси,
Росписки самъ не заплачу...
Меня туда жъ... Нѣтъ, grand mersi,
Я не хочу, я не хочу!..

Я съ бѣднымъ классомъ толковать
О пользѣ честнаго труда,
И трезвой жизни поучать,
Готовъ всегда, готовъ всегда.
Безъ лѣни, пьянства нужно жить,
Друзья, трудитесь! я кричу;
Но самъ трудиться и не пить
Я не хочу, я не хочу!..

Любя прекрасныхъ нашихъ дамъ,
Я украшенья вотъ сюда...
Vous comprenez?.. дарить мужьямъ
Готовъ всегда, готовъ всегда.
Но самъ женившись я дрожу,
Ну, какъ рогатымъ замычу!

Нѣтъ, быть скотомъ, себѣ твержу:
Я не хочу, я не хочу!..

Я не могу обидъ сносить
Отъ малосильныхъ никогда...
И безъ свидѣтелей побить
Готовъ всегда, готовъ всегда.
Когда-жъ противникъ мой сильнѣй,
Не стану драться—улечу;
Быть исколоченнымъ, ей-ей,
Я не хочу, я не хочу!..

Я въ банкъ директоромъ служить
Пойду охотно, господа,
И коль тамъ можно что нажить—
Готовъ всегда, готовъ всегда,
Я банкъ коммерческій жалѣть,
Ему сочувствовать учу...
Его же акціи имѣть
Я не хочу, я не хочу!..

Л. Гуляевъ.

Понемножку.

Мелкой сошкою я росъ,
Развивая для начальства
Тонкій слухъ и чуткій носъ;
Тихо, скромно, безъ нахальства
Я на службѣ, будто кротъ,
Проторить умѣлъ дорожку,
И пошелъ себѣ впередъ
Понемножку, понемножку!..

У начальника женой
Дочь была аристократа;

Хоть была она дурной,
Но за то была богата.
Часто, глядя на меня,
Сердце билось въ ней тревожно;
Сталъ сближаться съ нею я
Осторожно, осторожно!..

И съ любовью свой карманъ
Для меня она открыла;
Начался любви романъ,
Боже, какъ она любила!
Мнѣ довѣрилась она,
И карманъ ея привѣтно
Я исчерпывалъ до дна
Незамѣтно, незамѣтно!..

Чтобы „цензъ" образовать
Для надежнаго оплота,
За безцѣнокъ сталъ скупать
Я далекія болота
Рогоносца знатный кругъ
Помогалъ мнѣ, какъ пріятель;
Въ нашелъ земствѣ сталъ я вдругъ
Предсѣдатель, предсѣдатель!..

Передъ сильными земли
Въ земствѣ выползъ я изъ грязи,
Банкъ открыть мнѣ помогли
Тѣ же люди, тѣ же связи.
Вставъ на прочный пьедесталъ
И ведя дѣлишки ровно,
Обирать я земство сталъ
Хладнокровно, хладнокровно!..

Я въ губерніи своей
Добиваться сталъ полезныхъ
Трехъ питательныхъ вѣтвей
Отъ дороженекъ желѣзныхъ.
Земство встало за меня,

Я добился сразу толку
И питался ими я
Втихомолку, втихомолку!..

И путемъ безчестныхъ дѣлъ,
Ложью, лестью, святотатствомъ,
Я спокойно овладѣлъ
Славой, почестью, богатствомъ.
Хоть порой укоръ терплю,
Но святаго чувства крошку
Я, конечно, усыплю
Понемножку, понемножку!..

К.—къ.

Невѣста съ приданнымъ въ 100,000 франковъ.

Я, какъ отецъ, умѣя жить,
Взываю къ вамъ, сердцамъ досужимъ;
Когда задумали вы быть
Отцемъ, иль хоть законнымъ мужемъ,
Бѣгите къ дочери моей,
Въ ней капиталъ—вѣрнѣй всѣхъ банковъ,
Она богата...вѣдь за ней
Приданнаго сто тысячъ франковъ!

Она скупа и мало ѣстъ,
Она не смотритъ на подарки,
Она скромнѣе всѣхъ невѣстъ,
При ней не надо и кухарки.
Она умѣетъ счетъ свести
И сердца мужа успокоить,
А это—тысячъ десяти,
По крайней мѣрѣ, будетъ стоитъ. 10,000 франковъ.

Даю ручательство мое,
Что многимъ—на нее завидно.
Происхожденіе ея

Весьма извѣстно и солидно.
Ее на жизненномъ пути
Любовь не изловила въ сѣти...
Ну, развѣ тысячъ двадцати
Не стоятъ качества всѣ эти?... 20,000 франковъ.

Въ ней много смысла и ума,
Она не отстаетъ отъ моды,
И всѣ наряды шьетъ сама,
Не входитъ въ лишніе расходы
Не лѣзетъ въ голову ей блажь,
Отъ блажи глазъ ты не потупишь,
За это тридцать тысячъ дашь,
Дешевле—и во снѣ не купишь! 30,000 франковъ.

Балы, театры, никогда
Не ждутъ ее своимъ. разгуломъ,
Она лишь только иногда
Танцуетъ въ комнатѣ со стуломъ.
Обрисовавъ ея черты,
Скорѣй себя позволю высѣчь,
Чѣмъ эту скромность красоты
Не оцѣню я въ двадцать тысячъ. 20,000 франковъ.

До полной суммы въ спискѣ нѣтъ
Чего-то... но „она"--невинна,
Вполнѣ дитя, и какъ букетъ
Своею пышностью картинна.
Такихъ красавицъ не найти,
Пускай всему Богъ цѣны строитъ,
Но это тысячъ двадцати
Въ нашъ грѣшный вѣкъ навѣрно стоитъ.

20,000 фр.

Итого 100,000 фр.

Французскій діалектъ.

Чтобы въ обществѣ могъ русскій
Произвесть эфектъ,
Онъ, конечно, знать французскій
Долженъ діалектъ.
Хорошо умѣть картавить
И тянуть слова—
Я могу вамъ и представить!
„Permettez moi!"

Напримѣръ, мнѣ скучно съ дамой,—
Я уйти хочу,
Способъ есть мнѣ легкій самый,
Я васъ научу.
Посудите, хорошо-ли
Я понять ей дамъ,
Что иду я противъ воли?
„Ахъ, adieu, madame!"

Коль нужна мнѣ папироса,
Мнѣніе мое,
Что не можетъ быть вопроса
Гдѣ достать ее:
Вотъ знакомый предо мною
Въ портсигаръ полѣзъ
Я въ него сейчасъ съ рукою:
„Je vous prends une piece!"

Нужны деньги... занимайте!
Сами же ни какъ
Денегъ въ займы не давайте,
Отвѣчая такъ:
Ты вчера бы обратился,
Я-бъ сказалъ: „изволь!"

А теперь я прокутился,
„Je donne ma parole!"

Если вальсъ вы танцовали
Съ дамою и ей
Шлейфъ отъ платья оборвали,
Надо вамъ скорѣй
Объясниться на все зало,
Что она сама
Вѣрно платье изорвала!...
„Ce n' est pas moi!"

Вы въ театрѣ быть хотите,
Денегъ нѣтъ... такъ что-жъ?
Изъ партера оглядите
Ярусы всѣ ложъ
Ба! знакомая вамъ дама
Съ дочками вонъ тамъ!
Къ нимъ ступайте въ ложу прямо:
„Bon soir, Mesdames!"

Отъ души я вамъ совѣты
Эти подавалъ,
И надѣюсь, что куплеты
Пѣлъ не на провалъ.
Шикать крайне некрасиво!
Это „mauvais ton!"
Это просто неучтиво!
„Je demande pardon!"

И. Калашникова.

Дворникъ.

Я порядочный дѣтина
Въ домѣ дворникомъ служу,
Восемь лѣтъ у господина
За порядками гляжу.

Всѣ жильцы довольны мною,
Что всегда исправленъ я
И всегда являюсь съ метлою
Позовутъ когда меня.
    Нужно всѣмъ вѣдь услужить
    Коль на свѣтѣ хочешь жить
    Я-же парень не дуракъ,
    Знаю ладить съ кѣмъ и какъ.

Вотъ внизу живетъ кабатчикъ,
Завязалась драка разъ.
Подрался съ жидомъ закладчикъ
Ну! за дворникомъ сейчасъ.
Какъ съ метлой я показался,
Живо драку усмирилъ,
За закладчика принялся
И еврея не забылъ.
    Нужно всѣмъ вѣдь услужить.
        и т. д.

Разъ мазурика поймали,
И за дворникомъ бѣгутъ,
Да не долго поискали,
Я явился тутъ какъ тутъ.
Какъ ужъ съ нимъ я разсчитался,
Сами можете понять,
Долго онъ божился, клялся,
Что не будетъ воровать.
    Нужно всѣмъ вѣдь услужить.
        и т. д.

Часто я бываю званый:
На верху живетъ портной,
Онъ домой приходитъ пьяный
И буянитъ все съ женой!
Разъ жена меня просила
Мужу руки подержать,
А сама ему по рылу
Отсчитала разовъ пять.

Нужно всѣмъ вѣдь услужить.
и т. д.

Тутъ живутъ у насъ мамзели
Ха! ха! ха! да хи! хи! хи!
Слышу стеклы зазвенѣли,
Разодрались женихи!
А! вы стеклы бить ужъ стали!
Погоди, приду съ метлой:
Вмигъ утихли, перестали,
Напугалъ ихъ голосъ мой.
Нужно всѣмъ вѣдь угодить.
и т. д.

Если вамъ когда случится,
Что обидитъ кто порой,
Стоитъ только потрудиться
Поскорѣй прислать за мной.
Живо я съ метлой предстану,
Негодяю дамъ урокъ,
А у васъ просить ужъ стану,
Что позвольте на чаекъ!
Нужно всѣмъ вѣдь услужить!
и т. д.

Мушинскаго.

Видно, такъ Богу угодно.

Много вопросовъ премудрыхъ и строгихъ
Мы задаемъ неустанно,
Но на вопросы такіе отъ многихъ
Слышимъ отвѣтъ постоянно.
Этимъ правдивымъ, толковымъ отвѣтомъ

Васъ вразумятъ превосходно:
—Наша-ли воля, родимые, въ этомъ,
Видно, такъ Богу угодно!
Думцы, скажите безъ гнѣва и вспышки,
Вы вѣдь привыкли къ веселью,
Что за причина, что ваши дѣлишки
Тянете вы канителью?
Думцы съ улыбкой и милымъ привѣтомъ
Вамъ отвѣчаютъ свободно:
—Наша-ли воля, родимые, въ этомъ,
Видно, такъ Богу угодно!

Вы, корифеи кредитныхъ правленій,
Вѣрные слуги Ваала,
Что это значитъ, что вамъ безъ сомнѣній
Ввѣрить нельзя капитала?
Въ вашемъ болотѣ, наживой согрѣтомъ,
Жить безъ того вамъ доходно...
—Наша-ли воля, родимые, въ этомъ,
Видно, такъ Богу угодно!

Къ вамъ обращаюсь я, добрыя власти
Каждой желѣзной дороги,
Ваши дороги нагнали намъ страсти—
Шеи ломаютъ и ноги...
—Да-съ, отвѣчаютъ: и въ зиму и лѣтомъ,
Это у насъ—ежегодно.
—Наша-ли воля, родимые, въ этомъ,
Видно, такъ Богу угодно!

Купчики-братцы, герои копѣйки,
Есть у васъ тьма оборотовъ,
Но отчего-же средь вашей семейки
Массу встрѣчаешь банкротовъ?
Купчики-братцы отвѣтятъ дублетомъ:
Горе-банкротство намъ сродно;
Наша-ли воля, родимые, въ этомъ,
Видно, такъ Богу угодно!

Кончить хотѣлъ я, но вдругъ изъ Херсона
Въ Питеръ летитъ телеграмма:
Хапнули тамъ полтора милліона,
Кромѣ различнаго хлама!!!
Други-херсонцы, я къ вамъ за отвѣтомъ
Вновь обращаюсь народно???
—Наша-ли воля, родимые, въ этомъ,
Видно, такъ Богу угодно!

Милые граждане, наши порядки,
Если разсудишь построже,
Часто бываютъ скандальны и гадки,
Дайте отвѣтъ, отчего-же?
Тѣмъ-же отвѣтомъ предъ цѣлымъ хоть свѣтомъ
Васъ вразумятъ благородно:
—Наша-ли воля, родимые, въ этомъ
Значитъ, такъ Богу угодно!...

К—къ.

200 тысячъ.

Карпъ Ильичъ, купчина ражій,
Занимаясь цѣлый вѣкъ
Бакалейною продажей,
Пречудной былъ человѣкъ,
Продувной и пребѣдовый
Что о немъ пе говори:
Взялъ, на счастье, сторублевый
Онъ билетикъ у Лури...
Карпъ Ильичъ нашъ, передъ мартомъ,
Свой билетъ въ рукахъ держалъ,
И присѣвъ на ларь, съ азартомъ
Самъ съ собою разсуждалъ:
„Если только двѣсти тысячъ

Мнѣ пошлетъ счастливый рокъ—
Я себя позволю высѣчь,
Коль онѣ пойдутъ не въ прокъ!..
Люди нищи, люди голы,—
Карпъ Ильичъ помочь имъ радъ:
На пріюты онъ и школы
Грянетъ тысячъ пятьдесятъ!..
Изумились бы собратья
По Апраксину двору:
На моей хозяйкѣ платье
Съ градомъ, съ шумомъ, фру-фру-фру!..
Ахъ, ея-бы ножки-крошки
Я обулъ бы вечеркомъ
Въ королевскіе сапожки
Съ двухъ-вершковымъ каблучкомъ!"
Мартъ насталъ. Счастливецъ кто-же?
Карпъ Ильичъ? Ура! оремъ;
Карпъ Ильичъ хватилъ— о, Боже!—
Двѣсти тысячъ серебромъ!!

— Карпъ Ильичъ, вы двѣсти тысячъ
Поддѣпили, говорятъ,
Вѣдь съ подобнымъ кушемъ люди
Чудеса порой творятъ...
Не хотите-ль, другъ любезный,
Мы концессію возьмемъ,
И къ Сибири путь желѣзный
Черезъ мѣсяцъ проведемъ?—

„Не искушай меня безъ нужды!"

— Карпъ Ильичъ, что за отрада
Прятать денежки въ сундукъ?—
Абонироваться надо
Вамъ на оперу, мой другъ!
Позабудьте о халатѣ,
Фракъ надѣньте помоднѣй,—
Ахъ, поетъ въ театрѣ Патти,
Что твой курскій соловей!
„Соловей мой соловей!"

— Карпъ Ильичъ, скажи, за коимъ
Чортомъ сталъ ты нынче простъ?
Развернись-ка, мы устроимъ
На большую Охту мостъ...
Оросимъ мы токомъ слезнымъ
Всю на пристани траву,
Если мостомъ грандіознымъ
Осѣдлаемъ мы Неву!—

„Ужъ какъ по мосту, мосту!“

Карпъ Ильичъ, ты въ разговорахъ
Тратишь время—брось-ка ихъ!
Наберемъ мы акцій ворохъ
И земныхъ, и водяныхъ...
Претъ на разныя приманки
Наша публика гурьбой,
Такъ откроемъ по Фонтанкѣ
Пароходство мы съ тобой!—

„Вдоль да по рѣчкѣ!“

Здравствуй, кумъ ты мой любезный,
Говорятъ, ты сталъ богатъ;
Кушъ ты выигралъ чудесный—
Радъ, радъ, радъ, радъ, радъ, радъ, радъ,
Кумъ любезный, ты мнѣ дорогъ,
Эхъ, съ тобой для мужичковъ
Сорокъ, сорокъ, сорокъ, сорокъ
Мы откроемъ кабачковъ!

„Заходили чарочки по столику!“

Подарокъ.

Если вздумаешь влюбиться,
Иль съ разсчетомъ подслужиться
Захотѣлъ бы ты кому,—
Помни, что подарокъ цѣнный
Старый путь, но неизмѣнный
        Путь вѣрнѣйшій ко всему...
Будь порывъ блестящъ и жарокъ,
Но подарокъ приготовь...
Хоть не дорогъ твой подарокъ—
Дорога твоя любовь!

Если старъ ты и развратенъ.
Всякимъ дамамъ непріятенъ,
        Пробуй золотомъ плѣнять,—
И тебя гляди полюбятъ,
Приласкаютъ, приголубятъ,
        Будутъ милымъ называть...
Вѣрь имъ... Вѣтреныхъ пулярокъ
За продажность не злословь...
Вѣрь, что дорогъ не подарокъ
Дорога твоя любовь!

Если ты купецъ богатый,—
Иль подрядчикъ плутоватый
        И рабочихъ обсчиталъ...
Дай имъ по двѣ чарки водки
И сейчасъ зажмешь имъ глотки,
Какъ-бы ты не воровалъ.
Ради двухъ мизерныхъ чарокъ—
Можешь всѣхъ ограбить вновь...
Имъ не дорогъ твой подарокъ
Дорога твоя любовь!

Люди гибнутъ ради славы...
Таковы людскіе нравы!..
Въ память ужаса войны
Строятъ арки, ставятъ плиты,
Гдѣ ихъ братья перебиты,
Ихъ друзья погребены.
И не видятъ изъ подъ арокъ:
Для чего лилась ихъ кровь!..
Дешевъ имъ такой подарокъ—
И тщеславье ихъ любовь!

Открытыя письма.

Я приношу смиренно покаянье,
Въ одномъ грѣхѣ предъ вами, господа:
Мнѣ просто и восторгъ и ликованье
Читать иныя письма иногда.
Иной разъ такъ вотъ смѣхъ и разбираетъ
Какъ вѣжливы другъ съ другомъ два врага,
И какъ одинъ другому заявляетъ
Я остаюсь покорный вашъ слуга!

Любезный другъ, я въ васъ вполнѣ увѣренъ;
Но тоже не совсѣмъ я дуралей...
И больше ждать вашъ долгъ я не намѣренъ;
Пришлите мнѣ мои пятьсотъ рублей;
Иначе дѣйствовать я стану строже;—
Мнѣ ваша дружба очень дорога,
Но ваши деньги все таки дороже,
Я остаюсь покорный вашъ слуга.

Мой нѣжный обожатель, я узнала,
Что обѣнчаться думаете вы,
теперь вамъ дѣла мало;

Изъ сердца вонъ, и вонъ изъ головы,
Такъ знайте-жъ, отплачу я вамъ позоромъ:
Въ день вашей свадьбы гнѣвна и строга
Я появлюсь въ вашъ домъ живымъ укоромъ...
Я остаюсь покорная слуга.

Меня вчера вы въ карты обыграли,
Но я узналъ отъ преданныхъ людей,
Что три колоды вы подтасовали,
Что шулеръ вы, мошенникъ и злодѣй,
И потому, какъ только я васъ встрѣчу,
Хоть гнитесь предо мной вы, какъ дуга,
Я васъ и изобью, и изувѣчу...
И остаюсь покорный вашъ слуга.

Другъ человѣчества, во имя дружбы
Считаетъ нужнымъ сообщить mon cher:
Когда васъ дома нѣтъ, по долгу службы,
Къ супругѣ вашей ходитъ офицеръ.
Для васъ, конечно, въ томъ не будетъ счастья,
Что можетъ онъ наставить вамъ рога,
Я говорю отъ дружбы и участья...
И остаюсь покорный вашъ слуга.

Я вашъ докладъ просматривалъ прилежно,
И долженъ вамъ замѣтить, милый мой,
Кто пишетъ къ начальству такъ небрежно,
Тому не нужно службы никакой!..
Въ послѣдній разъ на видъ вамъ это ставлю.
Вѣдь у меня расправа не долга...
Чиновникъ плохъ—сейчасъ его отставлю,
Я остаюсь покорный вашъ слуга.

Дрожайшій мой кліентъ! съ великимъ горемъ
Пишу вамъ о рѣшеніи суда.
Безсильны мы передъ житейскимъ моремъ,
И вашъ процессъ проигранъ навсегда.
У васъ теперь отнимутъ, не взыщите,
Поля и домъ, и рощи и луга,

А мнѣ за трудъ двѣ тысячи пришлите...
Я остаюсь покорный вашъ слуга.

Есть у меня такихъ записокъ много,
Но остальныя не про вашу честь,
Я втайнѣ сохранять ихъ долженъ строго—
При всемъ моемъ желаньи ихъ прочесть.
Не мсти же мнѣ молчаніемъ суровымъ,
Холоднымъ, какъ сибирскіе снѣга...
И радъ бы въ рай,
Желаю быть здоровымъ,
И остаюсь покорный вашъ слуга.

Смѣхъ и плачъ.

Со смѣхомъ я на свѣтъ родился,
Со смѣхомъ сватался, женился,
Со смѣхомъ годъ съ женою жилъ,
Ее со смѣху уморилъ.
Меня судьба не баловала,
Я по недѣлѣ голодалъ,
Толчки мнѣ славные давала
Но все былъ веселъ, хохоталъ,

Съ рыданьемъ я на свѣтъ родился,
Съ рыданьемъ въ школѣ я учился,
Съ женой я плакалъ, горевалъ,
Глаза отъ слезъ не осушалъ;
Я ѣлъ и пилъ прекрасно,—
Зачѣмъ не всѣ живутъ, какъ я?
Ахъ! за другихъ страдалъ ужасно,
Мнѣ очень жалко ихъ, друзья!

Печальныхъ слесъ я ненавижу,
Во всемъ печальномъ смѣхъ я вижу...
Вотъ у меня сгорѣлъ разъ домъ,
Я не печалился о томъ.
Мой другъ хорошій застрѣлился,
Со службы выгнали меня;
Пріятель съ горя утопился,
Но не печаленъ—веселъ я.

Надъ жирнымъ плачу поросенкомъ,
Надъ рыбой плачу, надъ цыпленкомъ,
Когда жаркое подаютъ:
Мнѣ жаль, они не оживутъ...
Коль пташка изъ гнѣзда упала
Иль задавлю я комара,
Иль, вижу, муха въ чай попала—
Всю ночь проплачу до утра.

Въ какую должность не вступите,
Вездѣ смѣшно... Вотъ посудите:
Карьеру я смѣнилъ свою,
Другую выбралъ колею—
На поприще вступилъ артистовъ,
И каждый разъ, когда игралъ,
Въ газетахъ ругань журналистовъ
Читая, очень хохоталъ.

Когда въ театрѣ я бываю,
Надъ каждой сценою рыдаю,—
Я въ „Ревизорѣ“ слезы лилъ,
Когда Бобчинскій носъ разбилъ.
Когда въ „Листкѣ“ я прочитаю—
Что—*Театральный нигилистъ*,
Я очень, очень зарыдаю,
И измочу слезами листъ.

Теперь невольно сердце бьется,
Ну, какъ никто не засмѣется
Надъ тѣмъ, что я предъ вами пѣлъ,

Такъ выйдетъ просто грибъ я съѣлъ.
Нѣтъ, господа, вы какъ хотите,
Не дайте бѣдному страдать,
Ну, что хорошаго, смотрите:
Сквозь слезы долженъ хохотать.

Теперь прощайте, до свиданья,—
Ахъ, умоляю, на прощанье
Не надо шикать и свистать,
А то придется мнѣ рыдать.
Хоть на минуту оживите,
Похлопайте мнѣ здѣсь шутя,
А если нѣтъ—ну, какъ хотите:
Сейчасъ заплачу какъ дитя.

№ виноватъ!

Я страсть имѣю къ лоттереямъ:
Беру билеты сколько лѣтъ,
Но видно такъ угодно феямъ—
Ни къ чорту каждый мой билетъ!
Насталъ тиражъ и гвалтъ повсюду...
Простой мужикъ вдругъ сталъ богатъ...
А я?—Какъ былъ я, такъ и буду,
Но въ этомъ № виноватъ!

Я былъ редакторомъ журнала,
Свои дѣла прекрасно велъ:
Подъ часъ, я корчилъ либерала,
Подъ часъ стоялъ за произволъ...
Но разъ, статью передовую
Пустилъ я какъ-то невпопадъ—
Ну, запретили, я толкую,
Что въ этомъ № виноватъ!

Съ женою дружно жилъ; но рану
Нанесъ мнѣ франтъ, подбившись къ ней—
Онъ ей внушалъ какъ мстить тирану
И много этакихъ идей.
Что ошибался я въ кумирѣ,
Что былъ обманутъ и рогатъ,
Я убѣдился ужъ въ трактирѣ...
Такъ значитъ № виноватъ!

Я въ клубѣ членомъ записался
И клубъ усердно посѣщалъ,
Всегда въ швейцарской раздѣвался
И нумерокъ отъ платья бралъ,
Но разъ я очень торопился—
Мнѣ не далъ нумера солдатъ—
И своего пальто лишился...
Тутъ тоже № виноватъ!

Быть журналистомъ очень скверно!
И въ департаментѣ одномъ
Рѣшился я служить примѣрно...
Но разъ, должно быть подъ хмѣлькомъ,
Похерилъ съ №-омъ бумагу...
Въ отставку выйти мнѣ велятъ;
Но я готовъ хоть подъ присягу,
Что въ этомъ № виноватъ!

На дняхъ я очень простудился,
Пошевельнуть не могъ плеча,
И въ баню я сходить рѣшился,
По предписанію врача,
Взялъ №, все какъ нужно было,
И что-же?—два плеча болятъ...
Въ поганомъ №-рѣ сквозило,—
Тутъ тоже № виноватъ!..

Не разъ экзамены сдавая,
Какъ въ лихорадкѣ я дрожалъ,
Послать судьбу мнѣ умоляя

Билетъ который бы я зналъ!..
Но все напрасно я старался,
Билеты бралъ я невпопадъ:
На всѣхъ экзаменахъ сорвался,
Но въ этомъ № виноватъ!

Г. Ненадо.

Это водится.

Онъ какъ водится влюбился...
И, какъ водится, притомъ,
Ей онъ тоже полюбился
И фигурой, и умомъ...
Объяснились, повѣнчались,
Цѣловаться принялись..
Черезъ мѣсяцъ поругались,
Черезъ полгода разошлись!
Ты—чье сердце вѣрой билось
Въ вѣчность счастія—очнись:
Это водится, водилось,
Да и будетъ такъ вестись!

Онъ, какъ водится, былъ нищимъ...
И, какъ водится, искалъ
То, чего и всѣ мы ищемъ,
То-есть: стать на пьедесталъ.
Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ благородно
Честнымъ думалъ быть весь вѣкъ...
Годъ прошелъ... предъ нимъ безплодно
Плакалъ честный человѣкъ!
Ты—чье сердце вѣрой билось
Въ силу честности очнись:
Это водится, водилось,
Да и будетъ такъ вестись!

Онъ, какъ водится, былъ плутомъ...
И, какъ водится, притомъ,
Былъ онъ вздорнымъ и надутымъ

Озолоченнымъ осломъ.
Но судьба его въ лакеи
Много умныхъ занесла...
Умъ глядитъ, благоговѣя,
Въ морду грязную осла!
Ты—чье сердце вѣрой билось
Въ силу разума—очнись:
Это водится, водилось,
Да и будетъ такъ вестись!

Онъ, какъ водится, былъ молодъ...
И, какъ водится, кричалъ,
Что въ Россіи тьма и холодъ...
Вообще, былъ либералъ...
Но, со временемъ, связями
И согрѣтъ, и просвѣтленъ,
Смѣлыхъ словомъ и дѣлами
Сталъ давить хамелеонъ!
Ты—чье сердце вѣрой билось,
Въ силу стойкости,—очнись:
Это водится, водилось,
Да и будетъ такъ вестись!

Также водится, что-бъ это
Каждый пишущій клеймилъ...
Я вотъ въ качествѣ поэта,
Точно такъ и поступилъ...
Добрый людъ меня толпою
Съ восхищеніемъ прочтетъ
И къ воспѣтому герою
Въ гости вечеромъ пойдетъ!
Ты—чье сердце вѣрой билось,
Въ силу пѣсни,—улыбнись:
Это водится, водилось,
Да и будетъ такъ вестись!

А. Волинъ.

Безпечальная.

(Изъ Беранже.)

Люди судятъ, сознаются,
Что добра я и мила;
То и дѣло пѣсни льются,
Постоянно весела,
„Но, твердятъ—она безпечна,
Ей, въ концѣ не сдобровать“.
Недовольны люди вѣчно...
Э! да ну ихъ!.. наплевать!

Я на сценѣ прежде пѣла,
И, какъ мода тамъ была,
Рецензента захотѣла
Подкупить я... чѣмъ могла.
Взятку взялъ онъ, но ехидно
Самъ же первый сталъ свистать...
Ахъ! какъ было мнѣ обидно...
Ну, да, впрочемъ—наплевать!

Окружилъ меня комфортомъ
Старый графъ, совсѣмъ сѣдой.
Ну, конечно, съ старымъ чортомъ
Бѣсъ завелся молодой;
Все что съ графа получила,
(А любилъ онъ баловать).
Въ друга сердца просадила—
Ну, и ладно!.. наплевать!

Сталъ за мною увиваться
Левъ столичный, камергеръ;
Соблазнилъ меня, признаться,

Очень крупный солитеръ;
Левъ всего добился живо,
Но—какъ стала разбирать—
Брилліантъ-то вѣдь фальшивый...
Э! да, впрочемъ—наплевать!

Тутъ ученый... всякій знаетъ,—
Президентомъ нынѣ сталъ,
За два голоса рѣшаетъ,
А при мнѣ и свой терялъ
Чуть когда распѣтушится,
Я умѣла укрощать...
Нынѣ кланяться стыдится,
Ну, и—Богъ съ нимъ!.. наплевать!

Тамъ студентъ одинъ попался,
Мальчикъ былъ-бы очень милъ,
Да ужъ очень увлекался—
Все за облако парилъ;
Пѣлъ о счастьѣ мнѣ мальчишка,
Но какъ надо было ждать,
Осчастливилъ лишь... сынишкой...
Э! да, впрочемъ—наплевать!

Три чиновника въ апрѣлѣ
Заманили вечеркомъ...
Напоили, всю раздѣли
Да и облили виномъ!
Еле-еле возвратилась...
Шалопаи! что съ нихъ взять?!
Посердилась, посердилась,
И сказала—наплевать!

Такъ-то вотъ! Ну, скальте зубки,
Наставленья пойте всласть;
Но запнувшись въ женской юбкѣ,
Хоть кому легко упасть.
И мое такое мнѣнье:

Легче пѣть—мораль читать,
Но на все—предназначенье,
Такъ и значитъ—наплевать!

Неизбѣжный.

Чтобъ не послали боги намъ—
Счастливый случай иль печальный—
Во всемъ, друзья, какъ соль ко щамъ,
Необходимъ для насъ квартальный.

Повѣстку-ль съ почты принесутъ
На малый кушъ иль капитальный·
Намъ денегъ съ почты не дадутъ,
Коль не подпишется квартальный.

Хотимъ-ли видѣть Божій свѣтъ,—
И въ путь сбираемся мы дальній,
Кто дастъ на выѣздъ намъ билетъ?
Все онъ опять, опять квартальный!

И въ скорбный часъ, когда зажгутъ
Надъ нами факелъ погребальный,
Какъ насъ въ заставу провезутъ;
Кто намъ повѣритъ, коль и тутъ—
Не дастъ свидѣтельство квартальный.

Б. Адамантова.

Совѣты.

„Къ тебѣ за совѣтомъ пріѣхалъ я, кумъ,
Есть важное дѣло, наставь, братъ, на умъ,
Я вздумалъ жениться, загрызла тоска...“
— Ну, что же? и съ Богомъ женись, братъ Лука.

„А если я этимъ себѣ на бѣду
Одно безпокойство въ женитьбѣ найду,
Жены вѣдь не бросишь, вертись не вертись...“
— Ну, лучше тогда, братъ, оставь, не женись!

„ А мнѣ-бы хотѣлось—скажу не грѣша,
Она—будто ангелъ, мила, хороша,
Невинна, наивна, стыдлива, робка...“
— Гм... впрочемъ, ну, что-же! женись, братъ Лука.

„Но если мужчина красивый на видъ
Мою дорогую собою прельститъ,
Тогда ты съ рогами живи да казнись...“
— Ну, лучше тогда, братъ, оставь, не женись!

„Все это прекрасно... но скучно такъ жить,
Съ холодной подушкой о счастьи тужить,
Вотъ если подруги обниметъ рука,
Согрѣетъ такъ важно...“—„Женись, братъ Лука“.

„Но если красавица дурью своей
Внезапно нарушитъ спокойствіе дней?
Невольно смиришься, не скажешь ей: брысь...“
— Ну, лучше тогда, братъ оставь, не женись!

„А если женюсь я и буду отцомъ,
Восторгъ да и только быть съ милымъ птенцомъ,
Объ этомъ блаженствѣ мечтаю пока...“
— Такъ что же ты медлишь? Женись, братъ Лука.

„Но вотъ въ чемъ задача, хитрѣй всѣхъ наукъ:
Ну, если ихъ будетъ по нѣсколько штукъ?
Подъ бременемъ этимъ дугою ты гнись...“
— Ну, лучше тогда, братъ, оставь, не женись.

„Послушай, а если они подростутъ
И примутся честно за мирный свой трудъ,
Подъ старость вѣдь будутъ кормить старика...“
— Да, это возможно, женись, братъ Лука...

„А если случайно супруга умретъ?
Отъ мысли подобной дрожу я впередъ,
Тогда хоть и самъ ты въ могилу ложись...“
— Ну, лучше тогда ужъ совсѣмъ не женись!

„И такъ, что-же дѣлать? а ну васъ совсѣмъ!
Друзья адвокаты! не вѣрю вамъ всѣмъ!
Пойду я жениться, схватившись за умъ,
Поди-же ты къ чорту, съ совѣтами, кумъ!...“

Метрика.

Торговецъ Лукасъ былъ уменъ и богатъ,
Даны ему были всѣ блага житейскія,
Онъ былъ на богатой сосѣдкѣ женатъ
И велъ превосходно дѣла компанейскія.
Недавно родился сынокъ у него,
Супруга—въ восторгѣ. Лукасъ—въ восхищеніи,
И вотъ, черезъ мѣсяцъ надъ сыномъ его
Торжественно въ церкви свершилось крещеніе.
Счастливцу Лукасу пасторъ наконецъ,
Сказалъ: распишитесь... и сверхъ ожиданія,
Въ метрической книгѣ, отецъ, какъ дѣлецъ,
Черкнулъ по привычкѣ: „Лукасъ и компанія“.

Святая истина.

Какъ-то разъ передъ особой знатной,
Чиновникъ маленькій стоялъ;
И съ улыбкою почтительно-пріятной
Словамъ особы той внималъ;
Но, свою ничтожность сознавая,
На все одно онъ отвѣчалъ:
    Ваша рѣчь есть истина святая,
    Ничего умнѣй я не слыхалъ!

Что за вѣкъ? говорилъ сановникъ,—
Наукой стали дорожить,
Но ужъ если хорошій ты чиновникъ,
Такъ безъ наукъ изволь служить...
Что за страсть глупая такая,
Хотятъ учиться, чортъ бы ихъ побралъ!...
    Ваша рѣчь истина святая,
    Ничего умнѣй я не слыхалъ!

Строятъ намъ желѣзныя дороги,
По нимъ какъ бѣшеный летишь
И порядкомъ не протянешь ноги,
И не поѣшь, и не поспишь...
Ну, не лучше-ль, въ тройкѣ разъѣзжая,
И почивать, и ѣсть, гдѣ пожелалъ?
    Ваша рѣчь истина святая,
    Ничего умнѣй я не слыхалъ!

Къ намъ, въ суды всякаго пускаютъ
И это, видите, прогрессъ!
Въ толпѣ, слыхалъ я, обсуждаютъ
Свободно всякій нашъ процессъ...

Гласный судъ! Вотъ нужда большая,
Чтобъ въ наши дрязги всякій носъ совалъ!
Ваша рѣчь истина святая,
Ничего умнѣй я не слыхалъ!

Говорятъ, и въ воспитаньи нынѣ
Нововведенья пошли...
Розогъ нѣтъ даже и въ поминѣ...
Не поругай, не похвали...
Вѣдь бывалъ-же битъ я выростая,
И все-же человѣкомъ сталъ...
Ваша рѣчь истина святая,
Ничего умнѣй я не слыхалъ!

Извольте видѣть, къ послушанію
Дѣтей не должно пріучать,—
Родную дочь мы по желанью,
Не смѣемъ замужъ отдавать.
И вотъ безнравственность такая
Есть современный идеалъ...
Ваша рѣчь истина святая,
Ничего умнѣй я не слыхалъ!

Говорятъ, земля шарообразна,
Готовъ я это допустить...
Хоть, признаюся, какъ-то безобразно,
Что долженъ я на шарѣ жить...
И была-бъ чужда мнѣ мысль такая,
Если-бъ князь того не утверждалъ...
Ваша рѣчь истина святая,
Ничего умнѣй я не слыхалъ!

Балы, театры, маскарады,
Ей-ей давно-бы запретилъ,
Вѣдь срамъ сказать, какъ люди рады,
Что чортъ имъ маски сочинилъ...

Разгулъ чертовскій запрещая,
Вѣдь я-бъ спасенье предписалъ...
Ваша рѣчь истина святая,
Ничего умнѣй я не слыхалъ!

Говорятъ, будто силу пара
Не мы, не русскіе, нашли...
Но, во-первыхъ, значенье самовара
Есть выдумка родной земли:
Да и въ банѣ, пару поддавая,
Его давно ужъ русскій уважалъ...
Ваша рѣчь истина святая,
Ничего умнѣй я не слыхалъ!

Если вы высокоблагородье,
Какъ можетъ спорить съ вами хамъ?
Вѣдь на то и хамово отродье,
Чтобъ вѣчно покоряться намъ?..
Старецъ-Ной, отцовскій гнѣвъ являя,
Потомству Хама, это предсказалъ.
Ваша рѣчь истина святая,
Ничего умнѣй я не слыхалъ!

MA PAROLE D'HONNEUR!

Несмотря на родъ свой древній,
Русь постигъ я—тру-ла-ла!
Отъ Волынкиной деревни
Вплоть до Краснаго Села.
О, народъ нашъ, просто душка!
Онъ порою резонеръ,
А порой лихой пьянчужка...
Ma parole d'honneur!

Хоть его понятья узки,
Но онъ стоекъ, точно Бритъ,
Жаль, что только по-французски
Нашъ народъ не говоритъ...
А попробуй остолопу
Порасширить кругозоръ,—
Онъ бы въ день зашибъ Европу...
Ma parole d'honneur!

Шибко занятъ я прожектомъ
Завести большущій классъ,
Гдѣ бы нашъ мужикъ съ эффектомъ
Изучалъ французскій плясъ;
Гдѣ-бъ онъ велъ, въ кругу бабенокъ,
Элегантный разговоръ—
О, прожектъ мой нѣженъ, тонокъ—
Ma parole d'honneur!

Изучая съ цѣлью мудрой
Бытъ нетронутыхъ натуръ,
Мужиковъ дарилъ я пудрой.
Бабъ-же кремомъ Помпадуръ...
Съ изумленіемъ подарки
Озиралъ пейзанскій хоръ,
Раскрывая рты, какъ арки...
Ma parole d'honneur!

О твореніяхъ Рассина,
Объ иллюзіи Бурятъ,
О принципахъ гражданина
Я прочелъ имъ лекцій рядъ,
И всегда пейзанъ орава
Говорила мнѣ въ укоръ:
„Ахъ, какой чудной ты, право!"
Ma parole d'honneur!

Шила въ мѣшкѣ не утаишь.

Частенько мы желаемъ
Кой-что отъ свѣта скрыть,
И хитростью питаемъ
Грѣшки свои прикрыть
Все-бъ это ладно было,
Но, какъ тутъ не хитришь,
А все-жъ порою шила
Въ мѣшкѣ не утаишь.

Вотъ нѣкто, удаленный
За что-то на покой,
Въ унынье погруженный,
Вздымаетъ плачъ и вой:
„Меня вражда сгубила,
На всѣхъ не угодишь!“
—Вражда—враждой, но шила
Въ мѣшкѣ не утаишь!

Красавица ласкаетъ
Сѣдаго муженька
И вотъ совсѣмъ ужъ таетъ
Сердечко старика.
(пренѣжно) „Папашка, гадкій, милый,
Поди сюда, поди-жъ!“
Хитра ты.. только шила
Въ мѣшкѣ не утаишь.

Кузенъ ея—ученый,
Твердитъ, что занятъ онъ,
Что дни, и даже ночи
Въ занятья погруженъ.
—Ты выбился изъ силы,
Ты по ночамъ не спишь?...“
Мы поняли... вѣдь шила
Въ мѣшкѣ не утаишь.

Crande dame большаго свѣта
Интрижку завела,
И думаетъ, что это—
Секретныя дѣла.
Но твой Русланъ, Людмила,
Сболтнулъ, что ты шалишь...
Madame, savez vous: шила
Въ мѣшкѣ не утаишь.

Въ Парижъ поправить нервы
Послать васъ докторъ радъ,
Чтобъ съ гордостью Минервы
Вернулись мы назадъ.
И это васъ плѣнило,
Вы ѣдете въ Парижъ...
Но только этимъ шила
Въ мѣшкѣ не утаишь.

Тарасовку оставя,
Франтъ въ свѣтъ себя явилъ.
—Гдѣ былъ? а онъ картавя:
—„Въ Карлсбадѣ—воды пилъ.
У насъ мнѣ все постыло,
Я въ Дрезденъ... „Навѣстишь?!“
(публикѣ)—Мы адресъ знаемъ... шила
Въ мѣшкѣ не утаишь.

Я тронутъ лаской милой:
Зовете вы—пою
И ужъ отъ васъ то шила
Въ мѣшкѣ не утаю,
Но мысль у васъ сквозила:
„Ты скоро-ль замолчишь?“
Эхъ, полноте, вѣдь шила
Въ мѣшкѣ не утаишь.

I. Нивлянскій.

Какъ вамъ понравилась пѣсня моя?

(Посвящается И. Монахову.)

Новые лишь напишу я куплеты,
Съ вами дѣлиться спѣшу я сейчасъ;
Знаете, самолюбивые поэты,
Это ужасно обидчивый классъ.
Всѣмъ я стихи свои часто читаю,
Съ кѣмъ знакомъ, кто лишь знаетъ меня,
Всѣхъ я вопросами обременяю...
Какъ вамъ понравилась пѣсня моя?

Снялъ небольшую себѣ я квартиру,
Чтобъ для занятій имѣть уголокъ,
Домохозяинъ же, вотъ такъ вампиры!...
Даже бѣлить не хотѣлъ потолокъ.
Холодно!.. сыро!.. Не топитъ, мерзавецъ!
А вѣдь съ дровами я нанялъ, друзья!..
Домохозяинъ мой, гдѣ вы, красавецъ?
Какъ вамъ понравилась пѣсня моя?

Если симптомы извѣстной болѣзни
Докторъ замѣтитъ, примѣрно, у васъ
(Нынче у насъ доктора всѣ любезны),
Онъ васъ въ кроватку положитъ сейчасъ,
И вамъ такую пропишетъ микстуру,
Чтобъ вы хворали подольше, друзья!..
Докторъ, я вижу здѣсь вашу фигуру,
Какъ вамъ понравилась пѣсня моя?

Честныхъ закладчиковъ я уважаю,
Пользу они намъ приносятъ всегда,
Но я, къ несчастью, чужой, и не знаю
Честные гдѣ здѣсь живутъ, господа?

Знаю я много ихъ, мерзкіе люди!..
Въ пухъ разорили совсѣмъ ужъ меня...
Что, господа содержатели ссуды...
Какъ вамъ понравилась пѣсня моя?

Вѣкъ экономный насталъ, соблюдаемъ
Мы экономію нынѣ во всемъ,
Сами имѣніемъ не управляемъ,
Всѣмъ управляетъ у насъ экономъ.
У эконома—какіе хоромы!...
Въ годъ съэкономничалъ домъ для себя!
Что вы, друзья мои, что, экономы...
Какъ вамъ понравилась пѣсня моя?

Тяжба была у меня; я сначала
Думалъ самъ дѣло свое защищать!
Дѣло большое, я думалъ не мало...
Ну, и рѣшилъ адвоката я взять.
Мы сторговались!.. Иду изъ палаты,
Слышу за сотню онъ продалъ меня...
Честные люди!.. Друзья-адвокаты...
Какъ вамъ понравилась пѣсня моя?

Нынѣ обжоръ мы нигдѣ не встрѣчаемъ;
Кто былъ обжорой когда-то, того
Мы гастрономомъ теперь величаемъ,
Даже весьма уважаемъ его!..
Новымъ названіемъ этимъ влекомы,
Тѣшимъ мы, точно малютки, себя...
Что вы, обжоры мои, гастрономы...
Какъ вамъ понравилась пѣсня моя?

Все, что пошлѣе у насъ, то дороже.
Не оскорбляетъ насъ наглый развратъ;
Знаютъ кокотки секретъ этотъ тоже...
Нагло по Невскому шнырять, галдятъ,
На рысакахъ разъѣзжаютъ красотки,

Честныхъ людей рысаками давя!
Что, мои пташечки?.. Гдѣ вы, кокотки...
Какъ вамъ понравилась пѣсня моя?

Жены въ нашъ вѣкъ даже всѣ либеральны,
И, по закону прогресса, у нихъ
Отведены и особыя спальни,
Чтобъ не стѣснять ни себя, ни другихъ;
Часто мужей украшаютъ рогами;
Но не въ долгу у нихъ также мужья...
Что, господа кавалеры и дамы...
Какъ вамъ понравилась пѣсня моя?

Нынѣ сатиру писать преопасно;
Хоть и не мѣтилъ я здѣсь ни въ кого,
Но я невольно обидѣлъ ужасно
Истиной рѣзкою не одного!..
Станутъ ругать меня многіе, знаю!..
Горькая правда одна на меня!
Много задѣтыхъ въ куплетахъ узнаю:
Какъ кому нравится пѣсня моя!

Александровъ.

Любишь кататься, люби и саночки возить.

Для концерта нѣтъ куплета,
Сочинять я не могу;
Тутъ я вспомнилъ про поэта
И стремглавъ къ нему бѣгу:
„Ради Бога, напишите,
Я на дняхъ концертъ даю;
Цѣлый постъ, вы посудите,
Я все старое пою!“
Что-же?—онъ сталъ насмѣхаться,

Сталъ язвительно острить:
Если любишь ты кататься,
Люби саночки возить!

Былъ одинъ игрокъ отличный,
Ловко вольты запускалъ
И скопилъ весьма приличный
Отъ игры онъ капиталъ.
Разъ въ одной компаньи тоже
Фортель этотъ онъ схватилъ,
Но, замѣтили, и что-же?—
Плюхъ съ десятокъ получилъ.
Чашу горькую, признаться,
Тутъ пришлось ему испить...
Что-жъ, моншеръ, любилъ кататься,
Люби саночки возить.

Бывшій барскій управитель
Семьяниномъ мирнымъ сталъ,
Бичъ крестьянъ и разоритель,
Горе страшное узналъ:
Прежде—мужа сдастъ въ солдаты,
А жена съ дѣтьми хоть згинь,
Нынче-жъ и его ребяты
Тоже общій жребій вынь.
Жалко съ сыномъ разставаться,
Сталъ онъ просто волкомъ выть.
Дядинька! любилъ кататься—
Люби саночки возить.

Какъ домовъ питейныхъ мало!
Злобно портерщикъ твердитъ.
Вспомнить любо, какъ, бывало—
Сдѣлалъ шагъ, кабакъ стоитъ.
А теперь, скажу я къ слову:
И секретно не продай,

Тотчасъ тянутъ къ мировому
И три радужныхъ отдай
Ну, и станешь опасаться,
Нѣтъ, пришлось крутенько жить
Что же, братъ, любилъ кататься,
Люби саночки возить.

Жилъ красильщикъ, нѣмецъ честный,
Очень старый фабрикантъ;
И къ его женѣ прелестной
Сталъ тайкомъ являться франтъ.
За любовь къ женѣ, за ласку,
Подстерегъ мужъ франта разъ,
Окунулъ его онъ въ краску
Сталъ зеленый ловеласъ;
Никуда нельзя являться,
Цвѣтъ зеленый не отмыть!
Что-же другъ, любилъ кататься,
Люби саночки возить,

Жизнь иной проводитъ бурно:
Карты, женщины, винцо!
Жить, положимъ, такъ не дурно:
Но взгляните на лицо!
На морщинѣ, тамъ морщина,
Волоса—плачевный видъ,
Да объ нихъ нѣтъ и помина,
Только лысина блеститъ.
Ноги стали подгибаться
И къ погодѣ сильно ныть;
Что-жъ, дружокъ, любилъ кататься,
Люби саночки возить.

Я куплетами, конечно,
Васъ хотѣлъ повеселить
И готовъ бы пѣть ихъ вѣчно...
Но боюсь пересолить.

А теперь, когда пропѣты,
Я желаю одного:
Одобренья за куплеты...
Ну! и больше ничего.
Вы изволили смѣяться,
Такъ прошу не позабыть:
Если любитъ кто кататься,
Надо саночки возить,

А. Чистяковъ.

И коротко и ясно.

Безъ руководства разныхъ книгъ,
Натурою плебейской
Онъ положительно достигъ
Премудрости житейской.
Онъ убѣжденъ, что унывать
И глупо и напрасно...
Привыкъ во всемъ онъ поступать
И коротко и ясно...

Онъ не женатъ, онъ не дуракъ,
Онъ отъ любви не таетъ;
Всѣмъ бракамъ нашъ гражданскій бракъ
Въ душѣ предпочитаетъ.
Пусть дѣва, юная душой,
Къ нему пылаетъ страстно,
Наскучила—и съ глазъ долой,
И коротко и ясно...
Деньжонки нужны, онъ о томъ
Нисколько не потужитъ,
Недаромъ въ обществѣ родномъ
Директоромъ онъ служитъ.

Онъ можетъ (что не говори)
Заемъ творить негласно:
Рука ужъ въ кассѣ—разъ, два, три...
И коротко и ясно...

Съ нимъ разсуждать намъ не съ руки,
Онъ самъ съ начальствомъ въ дружбѣ,
За всякій вздоръ и пустяки
Взыскателенъ по службѣ.
Онъ и законъ на свой фасонъ
Измѣнитъ не напрасно,
Чуть что не такъ—изъ службы вонъ...
И коротко и ясно!

Онъ чиномъ чуть не генералъ,
И дѣло понимаетъ,
Громчѣе всѣхъ какъ либералъ
Въ собраньяхъ разсуждаетъ.
Но если кто изъ мелкихъ лицъ
Заявитъ взглядъ свой гласно,
Тому тотчасъ онъ крикнетъ: „цыцъ!..“
И коротко и ясно!

Онъ даже дома надъ собой
Шутить не позволяетъ,
Своей внушительной рукой
Прислугу вразумляетъ;
Вѣдь онъ не шутъ, и не паяцъ
Подъ часъ онъ строгъ ужасно,
Вспылитъ на мигъ, и въ зубы бацъ...
И коротко и ясно!

Пойдетъ онъ вѣрно далеко
Среди милліонеровъ,
Объ немъ понять весьма легко
Изъ сказанныхъ примѣровъ.

Но если я здѣсь на бѣду
Наскучилъ всѣмъ—согласно...
Я поклонюсь вамъ и уйду,
И коротко и ясно.

К—сикъ.

Домовые.

Вотъ мамаша въ суматохѣ,
Шкапъ открыла, зарыдала:
Убыль водки въ полуштофѣ
И полъ-курицы пропало!
На кухарку въ наказанье
Всѣ ухваты полетѣли...
А кухарка въ оправданье:
Домовые вѣрно съѣли!

Самъ папаша плачетъ тоже:
У него начальство строго
Вдругъ спросило: отчего-же
На дѣлахъ подскобокъ много?
Что-жъ такое это значитъ?
Это дѣло вы хранили!
—Это такъ! папаша плачетъ:
—Домовые подскоблили!

Ну, а дома сынъ съ сестрою
Разговоръ такой заводитъ:
—Вотъ родителямъ открою,
Что здѣсь ночью кто-то бродитъ...
Поцѣлуй тутъ раздается,
Звуки странные такіе...
А сестра въ отвѣтъ смѣется:
—Это вѣрно домовые!

А. Волгина.

Я буду васъ имѣть въ виду.

Людей встрѣчаешь, что съ пеленокъ
Живутъ, блаженствуютъ вполнѣ;
А я—несчастный былъ ребенокъ,
Да и большимъ нѣтъ счастья мнѣ.
Не знаю, право, вѣрно съ глазу,
Иль суждено такъ на роду,
Что постоянно слышу фразу,
Я буду васъ имѣть въ виду!

Учился въ школѣ я отлично!
Вотъ разъ директоръ говоритъ,
Да на экзаменѣ, публично,
Что взять въ казну меня велитъ.
Но, не меня, другого взяли,
Въ слезахъ къ директору иду:
Теперь вы, милый, опоздали,
Я буду васъ имѣть въ виду!

Вступалъ на службу,—посулили
Дать мѣсто штатное чрезъ годъ;
Давно другіе получили,
А я нейду, нейду впередъ!
Ваканцій хоть и много было,
Но только я просить приду...
Нельзя, начальникъ скажетъ мило:
Я буду васъ имѣть въ виду!

Въ любви интимной находился—
Съ одною вдовушкою разъ:
Какъ на нее разъ разорился,
Она и бросила сейчасъ.
Да, признаюсь, поддѣла ловко!
И вотъ, въ Демидовомъ саду,
Мнѣ говоритъ смѣясь плутовка.
Я буду васъ имѣть въ виду!

Скопилъ деньжонки я трудами,
Пріятель въ долгъ и попросилъ:
Ну, что за счеты межъ друзьями,
Его безъ векселя ссудилъ.
Не платитъ годъ,—ну, какъ хотите,
Взбѣсился я, къ нему иду:
Ну, что-же долгъ?.. Ахъ, погодите!
Я буду васъ имѣть въ виду!

Въ мою супругу Зинаиду
Влюбилось важное лицо;
Лишь только изъ дому я выйду,
А онъ тотчасъ и на крыльцо.
Его визиты надоѣли,
Но я молчу, молчу къ стыду...
Онъ мнѣ сказалъ на той недѣлѣ:
Я буду васъ имѣть въ виду!

Въ одну я дѣвушку влюбился,
На бракъ согласье получилъ;
Но вдругъ женихъ другой явился
И у меня ее отбилъ.
Отецъ сказалъ: къ чему сердиться,
Невѣсту я для васъ найду;
Быть можетъ, дочь еще родится...
Я буду васъ имѣть въ виду!

А. Чистяковъ.

Отгадайте сами.

Пѣть въ куплетахъ правду
Я душевно радъ,
Но для правды голой
Много есть преградъ...
Надо пѣть цензурно,
Такъ куплетовъ суть
Вы ужъ догадайтесь
Сами какъ нибудь...

Вотъ рекомендую,
Нѣкій рецензентъ;
Имъ воспѣтъ Орфеумъ,
Поощренъ Ташкентъ;
Онъ отчасти Байронъ,
Частью Вальтеръ-Скоттъ,
А на дѣлѣ просто...
. . . .
Милый рецензентъ:

Мать дѣтей бросаетъ;
Шутъ ихъ побери!
И сидитъ за мушкой
Въ клубѣ до зари;
Дѣти дома плачутъ,
Громъ небесный грянь,
Образумь ты эту...
. . . .
Любящую мать.

Вотъ скандальный, юркій
Сплетникъ-журналистъ,
Хоть душой онъ черенъ,
Но костюмомъ чистъ.

Страхъ дрожитъ отъ сплетней
 Сплетней дорожитъ,
Этотъ вѣчный, вѣчный...
. . . .
 Юркій журналистъ.

Вотъ прикащикъ нѣкій,
 Зоркій, какъ орелъ!
Онъ пяти-этажный
 Домикъ пріобрѣлъ.
Скромная походка,
 Мягкій разговоръ,
А на дѣлѣ это...
. . . .
 Милый коммерсантъ!

Вотъ вамъ публициста
 Яраго портретъ:
Желтъ, плѣшивъ, морщинистъ,
 Въ 30 только лѣтъ.
Зараженъ Прудономъ,
 Пылокъ, какъ Кошутъ,
А съ изнанки это...
. . . .
 Добрый человѣкъ!

Адвокатъ столичный
 Вотъ вамъ на лицо,
Предъ судомъ присяжныхъ
 Свернутый въ кольцо,
Защищая вора.
 Краснорѣчьемъ лютъ
Этотъ ловкій... ловкій...
. . . .
 Ловкій адвокатъ...

Ходитъ по паркету
 Старый бюрократъ;
По лицу, осанкѣ

Чортъ ему не братъ.
Грозенъ, какъ Юпитеръ,
Строгъ къ чужимъ грѣхамъ,
Самъ-же онъ съ изнанки...
. . . .
Милый старичекъ!

Ну, а вотъ бѣдовый
Регистраторъ вамъ,
Служба просто тяжесть
По его словамъ;
Бѣсится и злится
Онъ не безъ причинъ—
Получить онъ хочетъ..:
. . . .
Крупный нагоняй.

Вотъ рекомендую—
Нѣкій гражданинъ:
Акулинъ хлопочетъ
Превратить въ Алинъ.
Любитъ фразы, фразы.
Онъ какъ воду ракъ
Ахъ, какой онъ, право...
. . . .
Милый человѣкъ!

И другой субъектикъ
Тоже вотъ—хорошъ,
Онъ не разбираетъ,
Что горохъ, что рожь.
Удалить хлопочетъ
Школы всѣ изъ селъ,
Ахъ, какой онъ, право...
. . . .
Умный человѣкъ!

Г. Ж—въ.

«Ну, такъ это ничего!»

Нынче каждый такъ и мѣтитъ.
Такъ себѣ и норовитъ—
Чуть дурное въ комъ замѣтитъ,
То публично заклеймитъ...
Онъ сучки-то замѣчаетъ,
А вглядитесь въ самого:
Самъ онъ хуже поступаетъ...
Ну, такъ это ничего!..

Взятки гадки—прямо скажемъ,—
Надо ихъ искоренить,
И какъ дважды два докажемъ,
Что безъ взятокъ можно жить...
А служа на видномъ мѣстѣ,
Чрезъ годъ у самого
Домикъ выросъ тысячъ въ двѣсти...
Ну, такъ это ничего!

Муженекъ женѣ двѣ шляпки
Купитъ въ годъ да и кричитъ:
Что за женины онъ тряпки
Въ долговое угодитъ...
Самъ же тысячу—другую,
Или около того,
Проиграетъ зачастую...
Ну, такъ это ничего!..

Всю Европу франтикъ, право,
Знаетъ вдоль и поперегъ:
Былъ на лѣво, былъ на право,
Видѣлъ каждый городокъ...
Мы и въ Африкѣ бываемъ
Да и далѣе того,—

А Россіи вотъ не знаемъ...
Ну, такъ это ничего!.

Вотъ богачъ-домовладѣлецъ
И актеровъ, и актрисъ
Разбранитъ изъ-за бездѣлицъ,
Коль набавятъ въ бенифисъ...
Онъ клянетъ храмъ Мельпомены,
А съ зимы у самого
На квартиры втрое цѣны...
Ну, такъ это ничего!..

П. Ш—ръ.

Все чрезъ женщинъ, все чрезъ женщинъ.

Дамы просятъ спѣть въ концертѣ
Меломана: „Свѣтикъ, спой!“
Я не въ голосѣ, повѣрьте...
А онѣ: „вотъ вздоръ какой!“
На эстраду вышелъ веселъ,
Какъ ворона каркнулъ онъ,
И посыпался изъ креселъ,
Шикъ и свистъ со всѣхъ сторонъ.
Все чрезъ женщинъ, все чрезъ женщинъ!

Да таковъ судьбы законъ
Сударыни, боярыни,
Нижайшій вамъ поклонъ.
У чиновника бѣдняги,
Раскрасотка женка есть,
Разъ къ начальнику бумаги
Мужъ просилъ ее отнесть.
У начальника сердечко
Запылало и, тотчасъ,
Мужу теплое мѣстечко

Старичекъ далъ ловеласъ.
Все чрезъ женщинъ (и проч.).

Я балетъ смотрѣлъ изъ рая,
Всѣмъ кричалъ танцоркамъ bis!
И руками такъ махая
Уронилъ бинокль свой внизъ.
Адвоката да презлого
Онъ по лысинѣ задѣлъ:
Былъ за то у мирового,
А потомъ въ тюрьмѣ сидѣлъ.
Все чрезъ женщинъ (и проч.).

Вотъ еще супруга-крошка,
Въ прятки съ мужемъ поиграть—
Захотѣла разъ немножко,
Такъ что мужъ не могъ сыскать.
Года три была въ отлучкѣ;
Вотъ нашлась, пронесся слухъ,
Но тутъ мужъ сыгралъ въ гулючки,
Съ горя въ воду съ моста бухъ!
Все чрезъ женщинъ (и проч.).

Тотъ для женщины стремится
Туже свой набить карманъ;
А другой готовъ рѣшиться
И на взятки, на обманъ,
А иной для черноокой
Радъ и душу заложить,
Въ сѣверъ радъ идти далекой,
Чтобъ ей только угодить.
Все чрезъ женщинъ (и проч.).

Я со страхомъ ожидаю
За куплеты здѣсь суда...
И взоръ съ просьбой обращаю,
Но не въ кресла, а сюда.
Чтобы былъ я счастливъ, веселъ,
Дамамъ стоитъ такъ начать—

И мужчины всѣ изъ креселъ
Звукъ сей станутъ повторять.
Все для женщинъ, все для женщинъ!

Повинуются всѣ вамъ:
Сударыни, боярыни,
Ударьте по рукамъ.

Привычка вторая натура.

Левъ Ильичъ! Вы все острите...
Ради краснаго словца,
Говорятъ, вы не щадите
Мать родную и отца!
Васъ бивали и по рожѣ
За поганый вашъ языкъ.
— „Правда били... Ну, такъ что же?
Я ужъ къ этому привыкъ!“

Марья Львовна! Не грѣшно-ль вамъ?
Мужъ вашъ молодъ не уродъ,
Вы-жъ съ любовникомъ все новымъ
Всюду кажетесь въ народъ.
Какъ же мужъ-то допускаетъ?
Чай ему не все равно!..
— „Мужъ, мои онъ шашни знаетъ
И привыкъ ужъ къ нимъ давно“.

Вы, Иванъ Кузьмичъ, какъ слышно,
Брали взятки цѣлый вѣкъ,
Но теперь живете пышно,
Какъ богатый человѣкъ.
Бросьте промыселъ вашъ гадкій,

Полно грабить бѣдняка.
— „Охъ, нельзя—привыкъ: завзяткой
Такъ и тянется рука“..

Марья Савишна! Недавно
Къ вамъ подъ власть попалъ пріютъ,
Вы-жъ, какъ практикъ преисправный,
Руки грѣете и тутъ...
Свѣтъ судить васъ будетъ строго;
Вы берете съ горемыкъ...
— „Свѣтъ?... Оставьте, ради Бога!..
Онъ ужъ къ этому привыкъ!“

Вы, Илья Ѳомичъ, навѣрно,
Много нажили враговъ;
Вѣдь, ей-Богу-же, прескверно
Не платить всю жизнь долговъ.
Вы-жъ безпечны точно птичка,
Какъ намъ васъ не обвинять?
— „Каюсь, грѣшенъ. Да привычка:
Какъ-бы гдѣ нибудь занять!“

Шмуль Исаичъ! Вы забыли,
Какъ вы русскіе полки
Сухарями то кормили
Изъ заплѣснѣвшей муки?
Какъ, скажите, этой дрянью
Могъ питаться нашъ солдатъ?
— „Пхе!!. Шолдата уфъ кампанью,
Какъ привыкнутъ,—вше ѣдятъ!..

Контрасты.

Прикащиковъ, рѣшительно,
Купецъ не ставитъ въ грошъ
И видомъ ихъ, внушительно,

Порой приводитъ въ дрожь...
— „Эй, што вы тамъ разсѣлися?
Смотри, какъ разъ задамъ!..
Аль вамъ сидѣть дозволено.
Когда выходитъ самъ?!...

Когда-жъ предъ кредиторами
Ломаетъ фортель онъ,
Манерами и взорами
Приниженъ и смущенъ:
— „Дѣла совсѣмъ разстроились,
Ей-Богу, не грѣшу;
За рубль возьмите гривенникъ,
Усерднѣйше прошу!“

Начальникъ надувается.
Принявши важный тонъ,
Когда задать случается
Подвластному трезвонъ:
— „Впередъ того, чтобъ не было!
На слѣдующій разъ,
Какъ только попадетеся,
Тотчасъ уволю васъ!“

Но вотъ передъ красоткою,
Когда предстанетъ онъ—
И видомъ, и походкою,
Убитъ и потрясенъ:
— „Все будетъ, что прикажете...
Возможенъ-ли отказъ?..
Я рабъ вашъ всепокорнѣйшій,
Все сдѣлаю для васъ...“

Шукарно появляется
Франтъ модный въ маскарадъ;
Картинкой представляется
Отъ маковки до пятъ:
— „Фи донк! что здѣсь за общество!..
Что это за народъ?..

Бродящій въ опьяненіи
Какой-то дикій сбродъ!..

Когда-жъ въ буфетъ повадится,
Инымъ глядитъ на свѣтъ:
Намокнетъ весь, разладится...
И шику съ блескомъ нѣтъ.
— „Эй, маска! что тутъ дѣлаешь?
Чего бродить одной?..
Ты коньяку не хочешь-ли?
Alons, въ буфетъ, за мной!!

Врачъ въ хижину убогую,
Примчавъ *за ничего*,
Жалѣетъ съ миною строгою
Досуга своего:
— „Внѣ ѣкиль нѣту времени,
Я занятъ безъ границъ...
Зашѣмъ мнѣ безпокойствовать,
Кладитъ иво фъ больницъ!“

Когда же онъ является
Въ богатый, важный домъ,
То тотчасъ представляется
Ужъ въ видѣ намъ иномъ:
— „Зо, слюшай незнашительный,
Тутъ нѣтъ большой бѣда;
Но ѣдитъ нынше снова...
Готовъ для васъ всегда!..“

Вотъ дама, съ миной постною
Потупя скромный взоръ,
Кокоткамъ рѣчью злостною
Сквозь зубы шлетъ укоръ:
— „Охъ, кара ждетъ ихъ страшная,
Нѣтъ въ женщинахъ стыда!..
Пора пребезшабашная...
Ахти, бѣда, бѣда...!

Но барыня мѣняется,
Не строитъ строгихъ минъ,
Когда къ ней появляется
Прикащикъ-армянинъ:
—„Какъ холодно встрѣчаешься!..
Томлюся я, пойми...
Коль въ деньгахъ ты нуждаешься,
Что хочешь—все возьми!..

Предъ публикой является
Порой иной актеръ,
Въ надеждѣ улыбается,
Развязенъ и остеръ:
—„Хоть, правда, я не въ голосѣ,
Но это сущій вздоръ,
Сейчасъ мнѣ всѣ захлопаютъ,
И ложи, и партеръ...“

Но тщетно ожиданіе
Актера-простака:
И въ партерѣ молчаніе,
И въ ложахъ ни щелчка.
—„Прескверно положеніе,
Сломалъ я дурака...
Не свищутъ, хоть, спасибо имъ...
Бѣжать скорѣй пока“.

И. Вашковъ.

«Силы судьбы».

I.

Сперва кутила пить боится,
Потомъ напьется (bis)
Сперва красотка все стыдится,
Потомъ сдается (bis).

Поклонникъ Бахуса напившись,
Начнетъ шататься (bis).
Красотка будетъ въ васъ влюбившись,
Все цѣловаться (bis).

II.

Къ супругу страсть влечетъ супругу
По силѣ долга (bis).
И вѣритъ мужъ женѣ, какъ другу,
Но не на долго (bis).
Жена, права уравновѣсивъ,
Покажетъ когти (bis).
А мужъ-бѣднякъ, свой носъ повѣсивъ,
Грызть будетъ ногти (bis).

III.

Замѣнитъ пылкость въ сердцѣ—стужа
Въ одинъ денечекъ (bis).
И принесетъ рога для мужа
Одинъ дружочекъ (bis).
Кто любитъ деньги, а—бѣдненекъ,
Такъ тотъ должаетъ (bis).
И если нѣтъ къ уплатѣ денегъ,
То продолжаетъ (bis).

IV.

Мы убѣдительны и правы
Въ своихъ предлогахъ (bis).
Спросите вы дѣльцовъ „Управы"
Хоть о налогахъ (bis).
И каждый день вамъ повторится
Примѣромъ до ста (bis).
Что все у насъ теперь творится
Легко и просто (bis).

Корневильскіе колокола.

Въ весельѣ мы время проводимъ,
    По клубамъ гуляемъ и пьемъ,
Въ „Ливадію“ часто заходимъ,
    Танцуемъ, кутимъ и поемъ.
Хоть полночь ударитъ, не спится:
    А лѣзетъ все въ голову гиль,
Теперь даже мальчику снится:
    Мотивъ изъ „Les cloches cornevilles“.

Ди-ге ди-ге ди-ге
Ди-ге ди-ги-донъ.
Ну звони, звони же
Разгоняй нашъ сонъ! bis.

Директоръ почтенный и милый
    Служилъ въ частномъ банкѣ у насъ,
Работалъ онъ ночи ревниво—
    Теперь на работу ужъ пасъ:
Портфель свой совсѣмъ оставляетъ
    И просто творитъ чудеса,
Прелестно мотивъ напѣваетъ
    Изъ оперы „Колокола“:
        Ди-ге ди-ге и д. т.

Marie, мой дружочекъ, скажите:
    За что рожки ставите мнѣ?
Вы сами, дружокъ, посудите—
    Супругъ твой былъ ласковъ къ тебѣ.
Жена же ему отвѣчаетъ:
    Мой милый, ты сходишь съ ума
И чудный мотивъ распѣваетъ
    Изъ оперы „Колокола“:

Взгляните здѣсь,
Смотрите тамъ,
Нравится-ль все это вамъ? bis.

На дняхъ я тутъ былъ въ маскарадѣ
И встрѣтилъ хорошенькихъ дамъ,
Въ роскошномъ, красивомъ нарядѣ.
Кому предпочтенье отдамъ?
Но маски они только сняли,
Страхъ тотчасъ напалъ на меня:
Въ секунду всѣ онѣ увяли
И спѣлъ имъ куплетикъ свой я:

Гляжу туда, смотрю сюда
Не годятся ни куда! bis.

Вотъ гдѣ-то кассиръ проживаетъ,
Присутствуетъ онъ на балахъ
И миленькихъ дамъ всѣхъ плѣняетъ,
Одѣвшись всегда въ пухъ и прахъ!
Однажды запѣлъ онъ прекрасно
Чудесную пѣсню одну;
Такъ ею плѣнился я страстно!

Ее передать вамъ хочу:
Кутивши съ дамой полусвѣта,
Милльоны я умѣлъ прожить
Пришлась по сердцу жизнь мнѣ эта;
Ничто меня не устрашитъ!
Кутивши съ дамой полусвѣта,
Милліоны я умѣлъ прожить!

Въ моемъ изгнаньи
Много страданья
И испытанья,
Но и въ замѣнъ,
Что наслажденій
Любви волненій,
Къ кассѣ стремленій,

Любовныхъ сценъ!
Сердце стремится
Кассы добиться,
Въ столицѣ снова
Чудно пожить,
Чтобъ у Бореля
Вновь мнѣ до хмѣля
Съ цыганкой ночи
Всѣ проводить!

Н. З. Вершинъ-Бураковскій.

Тигренокъ.

(Серенада К. Шиловскаго).

Мѣсяцъ плыветъ по ночнымъ небесамъ
Другъ твой проводитъ рукой по струнамъ.
Струны рокочатъ струны звенятъ,
Страстные звуки къ милой летятъ.

Подъ твоимъ они окошкомъ
Про любовь мою поютъ
И къ твоимъ малюткамъ-ножкамъ
Страсть души моей несутъ.

Ты услышь мое моленье
И гитары тихій звонъ,
Выйди на одно мгновенье
Мой тигрёнокъ на балконъ.

Мѣсяцъ плыветъ по ночнымъ небесамъ,
Другъ твой проводитъ рукой по струнамъ.
Струны рокочатъ, струны звенятъ,
Страстные звуки къ милой летятъ.

За любовь мою въ награду
Свою слезку подари,
И помчусь я съ ней въ Гренаду
На крылахъ моей любви.

Тамъ я въ перстень драгоцѣнный
Эту слезку заключу,
За него, о, мой тигренекъ,
Своей кровью заплачу.

Коль съ тобой въ разлукѣ буду,
Талисманъ тотъ дорогой
На рукѣ моей повсюду
Будетъ странствовать за мной.

Мѣсяцъ плыветъ по ночнымъ небесамъ,
Другъ твой проводитъ рукой по струнамъ.
Струны рокочатъ, струны звенятъ,
Страстные звуки къ милой летятъ
летятъ, летятъ.

Давно готова лодка.

Барколлола.

Давно готова лодка
Давно я жду тебя!
Иди-жъ, моя красотка,
Съ тобой такъ счастливъ я!
Смотри, какъ звѣзды блещутъ
Въ небесной вышинѣ!
Какъ волны мѣрно плещутъ
Въ полночной тишинѣ!
Ну, садись!
Не страшись,

Ангелъ мой!
Говори—
До зари,—
Ты со мной!

Пусть спитъ твой мужъ ревнивый;
Не страшенъ старый намъ!
Вѣдь мигъ любви счастливый
Ему я не отдамъ.
Озябнешь... лаской жгучей
Согрѣю я тебя,
Въ груди моей могучей,
Настолько есть огня!
Ну, садись!
Не страшись,
Будь смѣлѣй...
Мы вдвоемъ—
Поплывемъ— } bis.
Веселѣй.

Слова Е. Щепиной.

Изъ оперетки «Синяя Борода».

Моя первая подруга
Вдругъ отъ страшнаго недуга
Умерла, чортъ знаетъ какъ
И второй скончался номеръ...
Третій точно также померъ...
Тутъ я плакалъ какъ дуракъ!
И къ четвертой привязался...
Но и съ ней увы разстался!
Не прошло тому трехъ дней,
Взялъ я пятую въ утѣху—
Смерть опять какъ бы для смѣху,
Не дала пожить и ей.
Я всѣхъ женъ похоронилъ,

Но веселость сохранилъ.
Да, я веселость сохранилъ, сохранилъ!
Всѣ давно меня ужъ знаютъ
И для шутки называютъ,
Просто синей бородой.
Мысль одна меня тревожитъ,
Но авось Господь поможетъ
Мнѣ жениться на шестой.
Это дѣло мнѣ не ново
И шестая ужъ готова...
Но предчувствую конецъ
Что не жить ей, я ужъ знаю
И заранѣе мечтаю
Взять седьмую подъ вѣнецъ.

Пѣснь Фортуніо.

(Переводъ И. Калашникова).

Я тайны сердца не нарушу
За цѣлый міръ:
Кто жалъ мнѣ грудь и обнялъ душу } bis
Кто мой куміръ! }

Безсильна рѣчь; и блѣдны краски
Въ сравненьи съ ней! } bis.
Что мнѣ сказать про эти глазки } bis
И шелкъ кудрей! }

Она восторгъ, она отрада } bis
Моимъ мечтамъ— }
О, если жизнь мою ей надо, }
Я ей отдамъ. }

[redacted]

Какая-жъ мнѣ за все отплата?
Страданій рядъ! (bis)
Путь страшенъ мой!
Но нѣтъ возврата теперь назадъ! } bis

Люблю ее съ неземной силой
Люблю, люблю!
Но съ вами... нѣтъ я тайны милой
Не раздѣлю! } bis

Мандолината.

Друзья, какъ ночь прекрасна,
Какъ въ чистыхъ небесахъ
Блеститъ луна,
Красы полна,
Глядясь въ ручныхъ струяхъ.

Среди ночного мрака
Въ этотъ блаженный часъ,
Мы будемъ пѣть и ликовать
Смѣяться и плясать!

Громче пойте, пусть звучитъ
Наша пѣснь далеко,
Чтобъ красотка услышавъ
Взглянула въ окно,
Чтобъ пѣснь долетѣла къ ней
Скорѣй, скорѣй!
Въ окнѣ промелькнетъ она
Какъ утро весны свѣтла } bis
Прекрасна и чиста
Моя краса.

Друзья, какъ ночь прекрасна,
Какъ въ чистыхъ небесахъ
Блеститъ луна
Красы полна,
Глядясь въ рѣчныхъ струяхъ.

Среди ночнаго мрака
Въ этотъ блаженный часъ,
Мы будемъ пѣть и ликовать
Смѣяться и плясать!

Посмотрите тихо отворитъ окно
Чья то рука!
Тихо чья то тѣнь промелькнетъ
Какъ мечта.
Цвѣтокъ упадетъ сейчасъ
Кому изъ насъ,
Кому счастья лучъ блеснетъ,
Друзья, кто цвѣтокъ найдетъ
Таинственный даръ возьметъ,
Тому, тому счастливый часъ пробьетъ.

Пѣсня служанки.

Куплеты.

Вотъ служанки передъ вами,
Будете-ль довольны нами
Выбирайте ну-съ!
Выбирайте ну-съ!
Есть блондинки, есть брюнетки,
Скромницы есть и кокетки!

Есть на всякій вкусъ!
Есть на всякій вкусъ!
Взгляните здѣсь, смотрите тамъ
Нравится-ль все это вамъ! } bis
Взгляните здѣсь, смотрите тамъ
Нравится-ль все это вамъ!

Мы красивы и болтливы,
По хозяйству суетливы
Можемъ угодить!
Можемъ угодить!
Но чтобъ услужить съумѣли,
Надо только чтобъ хотѣли,
Насъ всему учить
Насъ всему учить.
Взгляните здѣсь, смотрите тамъ
Нравится-ль все это вамъ! } bis
Взгляните здѣсь, смотрите тамъ
Нравится-ль все это вамъ!

Касьянъ имянинникъ.

Какъ на улицѣ Варваринской
Спитъ Касьянъ мужикъ камаринской,
Борода его всклокочена
И дешевкою подмочена
Свѣжей крови струйки алыя
Покрываютъ щеки впалыя.
Ахъ! ты милый другъ, голубчикъ мой Касьянъ,
Ты сегодня имянинникъ, значитъ пьянъ,
Двадцать девятъ дней бываетъ въ февралѣ,
Въ день послѣдній спятъ Касьяны на землѣ,
Въ этотъ день для нихъ зеленое вино
Ужъ особенно пьяно, пьяно, пьяно.

Февраля двадцать девятаго
Цѣлый штофъ вина проклятаго
Влилъ Касьянъ въ утробу грѣшную
Позабывъ жену сердечную,
И своихъ родимыхъ дѣточекъ,
Близнецовъ двухъ малолѣточекъ.
Заломивши лихо шапку на бекрень
Онъ отправился къ кумѣ своей въ курень,
Тамъ кума его калачики пекла,
Баба добрая, пригожа и бѣла—
Испекла ему калачикъ горячо
И уважила еще, еще, еще..
Въ это время за лучиною,
Съ непонятною кручиною,
Дремлетъ спитъ жена Касьянова,
Вспоминая мужа пьянаго.
Пресвятая Богородица!
Гдѣ злодѣй мой хороводится?

Бабѣ снится что въ веселомъ кабакѣ
Пьяный мужъ ея несется въ трепакѣ,
То привскочитъ, то согнется въ три дуги,
Истопталъ свои смазные сапоги.
И руками, и плечами шевелитъ,—
А гармоника пилитъ, пилитъ, пилитъ.
Продолжается видѣніе:
Вотъ приходятъ въ заведеніе
Гости старые, приказные,
Отставные безобразные,
Красноносые алтынники,
Всѣ Касьяны имянинники.
Пуще прежняго разносится содомъ,
Такъ и кажется—валиться хочетъ домъ;
Говоритъ Касьянъ, схватившись за бока:
А послушай ты! приказная строка!
У меня звенятъ за пазухой гроши,
Награжу тебя—пляши, пляши, пляши!
Осерчало благородіе...
Ахъ ты, хамово отродіе!

[redacted]

За такое поношеніе
На тебя подамъ прошеніе,
Накладу еще въ потылицу,
Цѣловальникъ дай чернильницу!
Продолжается все тотъ же смутный сонъ:
Вотъ явился у чиновныхъ у персонъ,
Листъ бумаги съ государственнымъ орломъ,
Передъ нимъ Касьянъ въ испугѣ бьетъ челомъ,—
А обиженный куражится, кричитъ,
И прошеніе строчитъ, строчитъ, строчитъ.
Проситъ... (имя и фамилія)...
Надо мной чинилъ насилія,
И при томъ зѣло свирѣпыя.
Звалъ „строкой“ въ обиду званію...
Подлежитъ сіе поданію...
Крѣпко спитъ теперь Касьянова жена;
Видитъ баба въ вѣщій сонъ погружена,
Что мужикъ ея хоть пьянъ, да не куракъ,
Къ двери пятится сторонкою, какъ ракъ,
Незамѣченный чиновникомъ врагомъ,
И потомъ летитъ бѣгомъ, бѣгомъ, бѣгомъ.
Снова грезы... небо хмурится,
Вся покрыта снѣгомъ улица;
А на улицѣ Варваринской,
Спитъ мертвецъ—мужикъ камаринской
И, идя изъ храма Божія,
Ухмыляются прохожіе.
Но нашелся, наконецъ, изъ нихъ одинъ
Добродѣтельный должно быть господинъ,
На Касьяна сердобольно посмотрѣлъ,
„Вишь налопался до чертиковъ пострѣлъ“
И потыкалъ даже тросточкой его,
Да ужъ онъ совсѣмъ—того, того, того.
Два лица офиціальныя
На носилки погребальные
Положили имянинника,
Изъ кармана два полтинника
Вдругъ со звономъ покатилися
И сквозь землю провалилися.

Засіяло у несущихъ рождество,
Положили на носилочки его,
И съ носилками идутъ они смѣлѣй.
Будетъ имъ ужо на водку и елей.
Ожидаетъ ихъ въ трактирѣ половой...
Что же будетъ съ горемычною вдовой?

Ужъ мы ѣли, ѣли, ѣли...

Мы начальнику справляли
День двадцатипятилѣтья;
Спичи съ шикомъ ковыряли,
Испускали междометья...

Ужъ мы ѣли, ѣли, ѣли,
Ужъ мы пили, пили, пили,
Такъ что еле, еле, еле
По домамъ насъ растащили!

Хоронили со слезами
Мы почтенную особу,
А потомъ пошли блинами
Утѣшать свою утробу...

Ужъ мы ѣли, ѣли, ѣли,
Ужъ мы пили, пили, пили,
Такъ что еле, еле, еле
По домамъ насъ растащили!

Открывали съ водосвятьемъ
Вѣтвь желѣзной мы дороги,
Чтобы нашимъ сестрамъ, братьямъ
Богъ хранилъ бы руки, ноги...

Ужъ мы ѣли, ѣли, ѣли,
Ужъ мы пили, пили, пили,
Такъ что еле, еле, еле
По домамъ насъ растащили!

Какъ помочь народнымъ бѣдамъ
Мы сошлись попустословить
И болтали за обѣдомъ
Глупо, глупо; но за то вѣдь...

Ужъ мы ѣли, ѣли ѣли,
Ужъ мы пили, пили, пили,
Такъ что еле, еле, еле
По домамъ насъ растащили!

Крупный воръ намъ задалъ ужинъ...
Все шептали: не хоромы.
А острогъ канальѣ нуженъ!
Но, однако, у него мы

Ѣли, ѣли, ѣли, ѣли,
Пили, пили, пили, пили,
Такъ что еле, еле, еле
По домамъ насъ растащили!

[redacted]

Фонарики.

Фонарики, сударики,
Скажите-ка вы мнѣ,
Что видѣли, что слышали
Въ ночной вы тишинѣ
Такъ чинно вы разставлены
По улицамъ у насъ:
Ночные караульщики,
Вашъ вѣренъ зоркій глазъ!
Вы видѣли-ль, примѣтили-ль,
Какъ дѣвушка одна
На цыпочкахъ тихохонько
И робости полна
Близь стѣнки пробирается,
Чтобъ друга увидать
И шопотомъ, украдкою,
„Люблю" ему сказать.

Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли-ль, не видѣли-ль,
Того не говорятъ.

Вы видѣли-ль, какъ юноша
Нетерпѣливо ждетъ,
Какъ сердцемъ, взоромъ, мыслію
Красавицу зоветъ...
И вотъ они встрѣчаются,
И радость, и любовь;
И вотъ они назначили
Свиданье завтра вновь

Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ, горятъ,

А видѣли-ль, не видѣли-ль,
Того не говорятъ.

Вы видѣли-ль несчастную,
Убитую тоской,
Какъ будто тѣнь бродящую,
Какъ призракъ гробовой,
Ту женщину безумную,—
Заплаканны глаза:
Ея всѣ жизни радости
Разрушила гроза.

Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли-ль, не видѣли-ль,
Того не говорятъ.

Вы видѣли-ль преступника,
Какъ въ горести нѣмой,
Отъ совѣсти убѣжища
Онъ ищетъ въ часъ ночной?
Вы видѣли-ль веселаго
Гуляку въ сюртукѣ,
Оборванномъ, запачканномъ,
Съ бутылкою въ рукѣ?

Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли-ль, не видѣли-ль,
Того не говорятъ.

Вы видѣли-ль сироточку,
Прижавшись въ уголокъ,
Какъ проситъ у прохожаго,
Чтобъ бѣдной ей помогъ;
Какъ горемычной холодно,
Какъ страшно въ темнотѣ.
Ужель никто не сжалится,
И гибнуть сиротѣ!

Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ, горятъ.
А видѣли-ль, не видѣли-ль,
Того не говорятъ.

Вы видѣли-ль мечтателя,
Поэта, въ часъ ночной?
За риѳмой своенравною
Гоняясь какъ шальной,
Онъ хочетъ муку тайную,
И неба благодать,
Толпѣ ему внимающей,
Звучнѣе передать.

Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли-ль, не видѣли-ль,
Того не говорятъ,

Быть можетъ, не примѣтили...
Да имъ и дѣла нѣтъ;
Горѣть имъ только велѣно
Покуда будетъ свѣтъ.
Окутанный рогожею
Фонарщикъ ихъ зажегъ;
Но чувства прозорливости
Имъ передать не могъ!..

Фонарики, сударики,
Народъ все дѣловой:
Чиновники, сановники,
Все люди съ головой!
Они на то поставлены,
Чтобъ видѣлъ ихъ народъ,
Чтобъ величались, славились,
Но только безъ хлопотъ.

Имъ, дескать, не приказано
Вокругъ себя смотрѣть,

[redacted]

Одна у нихъ обязанность:
Стоять тутъ и горѣть.
Да и горѣть покудова
Кто не задуетъ ихъ.
Такъ что же и тревожиться
О горестяхъ людскихъ!

Фонарики, сударики,
Народъ все дѣловой:
Чиновники, сановники—
Все люди съ головой!

И. Мятлевъ.

Ребенокъ—двѣ капли—отецъ.

Какъ часто мы слышимъ: „нашъ милый ребенокъ
Ужасно похожъ на отца!"
Еще не успѣлъ онъ прыгнуть изъ пеленокъ,
Ужъ нѣтъ похваламъ и конца;
Подчасъ каламбуры выходятъ смѣшные,
Въ нашъ вѣкъ и ребенокъ—мудрецъ!
Толкуетъ въ экстазѣ мамаши иныя:
„Ребенокъ—двѣ капли—отецъ!"

Красивую няню ребенокъ цѣлуетъ,
Головку кладетъ къ ней на грудь,
На маму ребенокъ, сердясь, негодуетъ,
Не хочетъ на маму взглянуть.
„Ты паинька—няня, а мама не пая!"
Лепечетъ всегда сорванецъ.
И шепчетъ мамаша, тихонько вздыхая:
„Ребенокъ—двѣ капли—отецъ!"

Ходить научился ребенокъ,—послали
Съ служанкой его погулять,
Ему на дорогу копѣечку дали,
Но съѣлъ онъ бомбошекъ на пять,
Служанка чѣмъ тутъ расплатиться не знаетъ,
Ребенокъ банкротъ, наконецъ,
А лавочникъ мѣтко при томъ замѣчаетъ:
„Ребенокъ—двѣ капли—отецъ!“

Немного подросъ нашъ ребенокъ любимый,
Проказитъ шалунъ—егоза,
То щиплетъ онъ горничныхъ всѣхъ нестерпимо,
Кому подбиваетъ глаза;
Красотку насильно, когда онъ встрѣчаетъ
На улицѣ, чмокнетъ, подлецъ!
Мамаша на жалобы всѣхъ отвѣчаетъ:
„Ребенокъ—двѣ капли—отецъ!“

Вотъ выросъ ребенокъ и скоро женился
И выгодно очень при томъ,
Хоть пару рожковъ онъ чертовскихъ добился,
Но деньги и роскошь—кругомъ!
Мамаша за сыномъ слѣдить продолжаетъ,
Замѣтивъ чертовскій вѣнецъ,
Она ужъ не вслухъ, про себя повторяетъ:
„Во всемъ онъ—двѣ капли—отецъ!“

Александровъ.

[redacted]

«Шиши».

Подписался на журнальчикъ
У издателя, у тли,—
Вдругъ случается скандальчикъ
И прощай твои рубли...
Какъ подписчиковъ—Создатель!—
Страхъ прискорбенъ жребій нашъ—
То сбѣжитъ съ двора издатель,
То усталъ-молъ и шабашъ!
А подписчикъ пой въ тиши:
Ахъ, шиши, шиши, шиши!

Въ бракъ вступилъ съ одной купчихой
Миловидный офицеръ;
Взять онъ мыслилъ за франтихой
Тысячъ сотню, напримѣръ...
Свадьбу тесть на удивленье
Справилъ—просто торжество!
Далъ... свое благословенье...
Ну, а больше ничего!
И поетъ зять отъ души:
Ахъ, шиши, шиши, шиши!

Въ „генеральной распродажѣ“
Я купилъ себѣ бѣлья,
Такъ все дешево, что даже
Прослезился просто я...
Вы не можете повѣрить,
Что за прелесть полотно,—
Вздумалъ я бѣлье примѣрить—
Расползлося вмигъ оно!
Какъ не спѣть тутъ отъ души:
Ахъ, шиши, шиши, шиши!

Кумъ мой милый, на Литейной
Лавку книжную открылъ,—
Рядомъ съ ней былъ домъ питейной
Для поддержки русскихъ силъ...
Торговалъ кумъ безполезно,
Плохи были барыши:
Въ погребкѣ народу бездна,
У него же ни души!
И поетъ мой кумъ въ тиши:
Ахъ, шиши, шиши, шиши!

Захворалъ мой старый дядя,
И серьезно захворалъ;
На его бумажникъ глядя,
Я все руки потиралъ...
Я—единственный наслѣдникъ...
Вдругъ онъ выздоровѣлъ—ахъ!
И жениться, привередникъ,
Собирается на дняхъ!
Какъ не спѣть тутъ отъ души:
Ахъ, шиши, шиши, шиши!

Вотъ набравши акцій кучу,
Въ банкъ стремишься ты съ утра;
Мрачны, грозны, точно тучи,
Тамъ сидятъ директора...
Все торжественно—о, боги!—
Рѣчи льются въ родѣ лентъ,
Съ чувствомъ, съ толкомъ,—а въ итогѣ
Провалился дивидентъ!
Вотъ тебѣ и барыши—
Ахъ, шиши, шиши, шиши!

Познакомился съ красоткой
Какъ-то я въ Кременчугѣ,
И задумалъ на короткой
Быть съ красоткой той ногѣ.
Угощалъ ее шампанскимъ,

Кремомъ, супами тортю,—
Вдругъ она съ полкомъ уланскимъ
Отъ меня того—тютю!
И пою я отъ души:
Ахъ, шиши, шиши, шиши!

Ахъ, въ проектъ давно желанный,
Вѣрилъ всякій, кто былъ простъ,
Что на Охту постоянный
Дума хочетъ строить мостъ...
Вотъ проходятъ дни, недѣли,
Годы; путникъ Думу славь,
Что на Охту ты доселѣ
Отправляться можешь вплавь!
Какъ не спѣть тутъ отъ души:
Ахъ, шиши, шиши, шиши!

Скорбный поэтъ.

Для милаго дружка.

Хоть мы преданы отчизнѣ
Всей душой, но иногда,
Въ силу страсти, шибко въ жизни
Мы лукавимъ, господа.
Ради, кума, душки-дамы,
Похитривъ изподтишка,
Въ оправданіе всегда мы
Говоримъ навѣрняка:
Эхъ, для милаго дружка,
И сережка изъ ушка!

Гаеръ друженъ съ рецензентомъ,—
И въ газетахъ комплиментъ,
Гадкой тлѣ за комплиментомъ
Такъ и сыплетъ рецензентъ.

Полонъ онъ огня и рыси,—
О, какъ дружба велика!—
За статьи газетной крысѣ
Хоть влѣпляютъ „дурака“...
Но для милаго дружка,
И сережка изъ ушка!

Разъ продѣлкой беззаконной
Ухитрился куму дать
Магъ одинъ подрядъ казенный,—
О, подряды благодать!
На продѣлку эту строго
Поглядишь—она низка;
Но въ казнѣ вѣдь денегъ много—
Къ чорту честь для куманька!..
Эхъ, для милаго дружка
И сережка изъ ушка!

Какъ-то въ голову купчинѣ
Мысль пришла открыть трактиръ,
И позвать по сей причинѣ
Всѣхъ друзей къ себѣ на пиръ.
Нѣкій другъ купецъ барашка
Страхъ уписывалъ, пока
Не хватилъ его „кондрашка“—
И хоть жертва велика...
Но для милаго дружка
И сережка изъ ушка!

Вотъ кассиръ россійскій нѣкій
Загрустилъ, повѣсилъ носъ,
Что его пахита рѣки
Проливаетъ горькихъ слезъ...
Проситъ новенькую шляпу,
Ну, а къ шляпѣ рысака...
Запустилъ онъ въ кассу лапу—
И хоть кража-то гадка...
Но для милаго дружка
И сережка изъ ушка!

Съ сошкой мелкою начальникъ,
Страхъ сдружился—каково!—
Шубу онъ и умывальникъ
Взялъ по дружбѣ у него...
Сослуживцы моютъ грубо
Страхъ начальнику бока:
Хоть ему чужая шуба
И узка, и коротка...
Но для милаго дружка
И сережка изъ ушка!

Муженекъ попался въ кражѣ,
Но супруга не пошла...
А умна чертовски даже—
Вмигъ къ начальнику пошла...
Современная Далила
Для магната-старичка
Съ шикомъ шейку оголила,
И спасла тѣмъ муженька...
Эхъ, для милаго дружка
И сережка изъ ушка!

Хоть кривить душой не радость,
Но иные господа
Совершить способны гадость
Въ силу страсти иногда,
И потомъ, чтобы предъ свѣтомъ
Оправдать свой грѣхъ слегка,
Всѣ пословицу при этомъ
Говорятъ навѣрняка:
Эхъ, для милаго дружка
И сережка изъ ушка!

Хохотъ въ театрѣ.

Во время представленія,
Весь партеръ до райка
Хохочетъ въ умиленіи,
Схватившись за бока:
Ха, ха, ха, ха!

Вотъ въ партерѣ камелія,
Не вѣнская, а такъ—
Домашняго издѣлія—
Хихикаетъ въ кулакъ:
Хи, хи, хи, хи!

А вотъ въ мѣстахъ за креслами,
Маіоръ, поклонникъ Сю,
Тѣсня сосѣдей чреслами,
Гремитъ злодѣй, во всю:
Го, го, го, го!

Вотъ въ позѣ артистической
Невѣста и женихъ;
Но смѣхъ экономическій
Срывается у нихъ:
Хе, хе, хе, хе!

Въ балконѣ, точно въ ящикѣ
Набитые пивномъ,
Апраксинцы-прикащики
Становятъ все вверхъ дномъ:
Охо, хо, хо, хо!

Смѣшитъ піеса колкая
Галерку, гдѣ народъ,

Орѣхи громко щелкая,
Во весь хохочетъ ротъ:
Ги, ги, ги, ги!

Кувыркомъ.

Если въ міръ вглядишься строго,—
То всѣхъ золъ не перечесть—
Вотъ красотка—недотрога,
Ей всего дороже честь...
Но вѣдь грустно есть картофель
И плѣняться чердакомъ,—
Эхъ, красотку Мефистофель
Скоро пуститъ кувыркомъ!
Скоро пуститъ кувыркомъ!

Жаденъ нѣкій старецъ—классикъ,
Пить готовъ людскую кровь,
Но ему въ единый часикъ
Въ сердце стукнулась любовь...
Для реальныхъ просьбъ Омфалы
Классикъ скачетъ пѣтушкомъ,
И латынь, и капиталы
Полетѣли кувыркомъ!

Поглядишь, иная дѣва
Неприступна, точно ежъ,
И бранитъ, дрожа отъ гнѣва,
За веселье молодежь.
Старый хлыщъ, сухой какъ палка,
Позвенитъ лишь кошелькомъ—
И салонная весталка
Полетѣла кувыркомъ...

Безъ особыхъ репутацій,
Нашей биржи прожектеръ,
Отъ удачныхъ операцій
Заблеститъ какъ метеоръ.
Но глядишь—передъ тиражемъ
Въ мигъ единый съ рысакомъ,
Съ экипажемъ, съ бель-этажемъ
Полетитъ онъ кувыркомъ!

Свѣтскій мотъ безъ отговорокъ
Съ богачихой лѣзетъ въ бракъ,
За купчихой тысячъ сорокъ
Взялъ въ приданое чудакъ...
Онъ—богатъ! Гордись потомство!
Кругъ банкировъ съ нимъ знакомъ...
Но средь этого знакомства
Полетѣлъ онъ кувыркомъ...

Словомъ, все на бѣломъ свѣтѣ,
Только сердце есть лишь въ комъ,
Старъ и младъ, отцы и дѣти—
Все летаетъ кувыркомъ!
Клятвы, модные мотивы,
Радикалы подъ хмѣлькомъ,
Слава, честь, локомотивы—
Все летаетъ кувыркомъ.

Ж—въ и К—къ.

Въ чужомъ глазу.

I.

Въ гостинныхъ важно засѣдая,
Царя на чопорныхъ балахъ,
Кокотокъ барыня иная
Громитъ съ презрѣньемъ въ пухъ и прахъ.

А вечеркомъ, въ каретѣ тая,
Къ Дюссо en deux летитъ она..
Въ чужомъ глазу сучки считая,
Въ своемъ не видитъ и бревна.

II.

Поэтъ свои произведенья
Считаетъ выше всѣхъ другихъ:
„Тутъ смыслу нѣтъ, тутъ, къ сожалѣнью,
Сюжетъ избитъ и что за стихъ?"
Я-бъ далъ ему совѣтъ полезный
(Да не послушаетъ меня):
Сучки другихъ оставь, любезный,—
Довольно бревенъ у тебя.

III.

Посмотришь, либералъ, порою,
Бранитъ съ азартомъ на повалъ...
Того, кто отчею рукою
Сынишку розгой наставлялъ;
А самъ, съ попойки пріѣзжая,
Лакея въ зубы... Вотъ-те на!.
Въ чужомъ глазу сучки считая,
Въ своемъ не видитъ онъ бревна.

IV.

Для возбужденья аппетита,
Царапнулъ водочки Иванъ,
А баринъ ужъ кричитъ сердито:
„Вѣдь ты опять, какъ стелька, пьянъ!"
Но въ тотъ же вечеръ, безъ шинели,
Его въ участкѣ зритъ жена,—
„Въ чужомъ глазу сучки глядѣли",
Въ своемъ не видите бревна.

V.

На вновь отстроенной дорогѣ,
Какъ мы частенько узнаемъ,

Ломаютъ шеи, руки, ноги,
Летятъ подъ насыпь „кувыркомъ".
И вотъ строитель объявляетъ—
Плохъ машинистъ, мятель сильна...
И всѣ сучки пересчитаетъ,
Чтобъ не добрались до бревна.

VI.

Грѣшки людскіе выставляя,
Не стану больше докучать,—
Великимъ дѣломъ почитая,
Умѣнье кстати замолчать.
А то вѣдь скажете, зѣвая:
„Куплетовъ этихъ мысль вѣрна...
Въ чужомъ глазу сучки считая,
Въ своемъ не видитъ онъ бревна".

Г. Нивлянскій.

Петербургскій Донъ-Кихотецъ.

Съ Донъ-Кихотомъ много сходства
Провидѣнье мнѣ дало;
Ахъ, мнѣ это донкихотство
Очень, очень тяжело:
За товарища, въ знакъ дружбы,
Я вступился какъ-то разъ,—
Что-жъ? обоихъ вонъ изъ службы
Въ шею вытолкали насъ...

Ступишь въ лѣво, ступишь въ право,
Поглядишь туда-сюда,—
Всѣ-то мы отчасти, право,
Донъ-Кихоты, господа!

Очень рѣзко, неуклюже
За мизерное родство,
Разъ жена пилила мужа—
Я вступился за него.
Рѣчь моя была согрѣта
Чувствомъ, логики полна,—
Что-жъ? затрещину за это
Закатила мнѣ жена...

Ступишь влѣво, ступишь вправо,
Поглядишь туда-сюда,—
Всѣ то мы отчасти право,
Донъ-Кихоты, господа!

Женскій голосъ слышу рядомъ:
„Не души меня, о, звѣрь!
Помогите!“ Съ смутнымъ взглядомъ
Вышибъ я сосѣдки дверь,
И влетѣлъ на помощь дамѣ....
Что-же вышло—не хитро-ль?
То актриса—къ новой драмѣ—
Приготавливаетъ роль...

Ступишь влѣво, ступишь вправо,
Поглядишь туда-сюда,—
Всѣ-то мы отчасти, право,
Донъ-Кихоты, господа!

Въ лѣсъ пошелъ разъ погулять я...
Вдругъ, при трепетной лунѣ,
Вижу дама въ бѣломъ платьѣ
Машетъ съ жаромъ ручкой мнѣ...
Я туда—и вдругъ сурово
Сталъ съ раскрытымъ настежъ ртомъ:
Это бѣлая корова
Размахалася хвостомъ...

Ступишь влѣво, ступишь вправо,
Поглядишь туда-сюда,—
Всѣ-то мы отчасти, право,
Донъ-Кихоты, господа!

Мимическіе куплеты.

Отложивъ къ сторонкѣ фразы,
Можно мимикой безъ словъ
Объяснять всегда проказы
Нашихъ львенковъ иословъ...
Мчится франтикъ, въ сѣрыхъ брючкахъ,
Голова его пуста,
Но за то, за штосомъ въ ручкахъ
Что за ловкость развита!..
(Пантомима штоса).

Вотъ другой летитъ; но этотъ
Игнорируетъ азартъ,
Любитъ онъ старинный методъ:
Взятки брать совсѣмъ безъ картъ.
(Пантомима взяточничества).

Вотъ дебелая вдовица,
Въ родѣ сахара Молво,
Рафинатно-бѣлолица,—
Ну, да все вѣдь отъ того...
(Пантомима бѣленія).

Баринъ пишетъ въ кабинетѣ
Очень важныя дѣла!
Да онъ пишетъ тамъ мыслете,
Распѣвая „тру-ла-ла!“
(Пантомима пьянаго).

[redacted]

Вотъ въ кадрили у начальства
Ходитъ прапорщикъ мертво,
Между тѣмъ—о, верхъ нахальства!—
Такъ и дергаетъ его...
(Пантомима канкана).

Дѣвѣ франтъ въ любви признался,
Но увы, все сорвалось!
Молча франтикъ удалился,
Потирая пальцемъ носъ...
(Пантомима носа).

Щегольски жена обута,
И одѣта; вся цвѣтетъ;
У супруга-же на лбу-то
Кое-что давно ростетъ...
(Пантомима роговъ).

„Душка!“ шепчетъ дамѣ бравой
На проспектѣ ловеласъ,—
Отвѣчаетъ дама правой
Ручкой, нѣжной, какъ атласъ...
(Пантомима плюхи).

Если все, что здѣсь пропѣто,
Не совсѣмъ ужъ ерунда,
То безъ словъ меня за это
Поощрите, господа!...
(Пантомима аплодисментовъ).

Послѣ дождика въ Четвергъ.

Помаленьку, полегоньку,
Все приходитъ въ свой чередъ.
Мы безъ спѣху, потихоньку

Подвигаемся впередъ.
И хоть мы надъ многимъ бьемся,
Но за то одержимъ верхъ.
Лучшихъ дней и мы дождемся,
Послѣ дождика въ Четвергъ!

Все преступное и злое
Будетъ попрано добромъ;
А невѣжество тупое
Преклонится предъ умомъ.
Ложь исчезнетъ совершенно,
Правда вся всплыветъ на верхъ...
Это будетъ непремѣнно
Послѣ дождика въ Четвергъ!

Бѣдный людъ про всѣ страданья
Позабудетъ навсегда;
И—въ сладчайшія мечтанья
Погрузится онъ тогда.
Человѣкъ вздохнетъ свободно,—
Горе все съ себя онъ свергъ;
Станетъ жить онъ превосходно
Послѣ дождика въ Четвергъ!

Вся земная грязь и гадость
Канетъ въ вѣчность безъ слѣда.
Просіяетъ всюду радость
И умретъ на вѣкъ вражда,
Мы и тѣхъ-то не обидимъ,
Кто въ несчастье насъ повергъ,
Золотой мы вѣкъ увидимъ
Послѣ дождика въ Четвергъ!

Будетъ каждый жить *съ пріятствомъ*,
Въ день два раза будетъ сытъ;
И въ погоню за богатствомъ
Ужъ никто не побѣжитъ.
Рухнетъ вся нужда безслѣдно,
Курсъ пойдетъ нашъ сильно вверхъ;

Заживется всѣмъ безбѣдно
Послѣ дождика въ Четвергъ!

Беззаботно и безпечно
Промелькнетъ нашъ краткій вѣкъ...
И исправится, конечно,
Самый низкій человѣкъ.
Снова чистъ онъ: то, что скверно...
Все онъ проклялъ и отвергъ,
Это сбудется навѣрно
Послѣ дождика въ Четвергъ!

Н. Стружкинъ.

Современныя междометія.

Мудрено, мудрено,
Въ мірѣ все сотворено!
Какъ посмотришь на людей,
Такъ невѣрится, ей-ей,
Чтобы столько дѣлъ, заботъ,
Человѣческій несъ родъ.

И туда, и сюда,
Такъ и снуютъ господа,
Всѣ хлопочутъ!—Кто о чемъ:
Кто купить хлопочетъ домъ,
Кто помѣстье, кто жену,
Кто подряды на казну.

Ай, ай, ай! Ай, ай, ай!
Подмѣчать лишь успѣвай.
Вонъ одинъ тамъ господинъ
Покупаетъ важный чинъ.

Этотъ—имя, трелій—умъ,
Тотъ словцо вельможныхъ кумъ,

Ну, ну, ну! Ну, ну, ну!
Тутъ не нужно сатану;
Безъ его уже хлопотъ
Обходиться сталъ народъ.

Ахъ, ахъ, ахъ! Ахъ, ахъ, ахъ!
Сколько грязи на людяхъ!..
Совѣсть, душу, стыдъ и честь
Можно куплей пріобрѣсть,
И невинность, и порокъ,
Все къ вамъ лѣзетъ въ кошелекъ!

О, о, о! О, о, о!
Какъ далеко все зашло!
Деньги стали идолъ всѣхъ:
Этихъ, оныхъ, сихъ и тѣхъ;
Въ полномъ смыслѣ, человѣкъ
Въ золотой пробрался вѣкъ!

Ха, ха, ха! Ха, ха, ха!
Все на свѣтѣ чепуха!
Только деньги, да кредитъ
Все рождаетъ, все живитъ!..
Вотъ вамъ общій всѣхъ возгласъ.
Противъ этого я... пасъ!

А. Зловъ.

Маскарадъ.

Розы, Зины, Мины, Фрины—
Масокъ чуть не милліонъ,
Франтовъ тасканныя мины,
И отъ шпоръ и сабель звонъ.

Жарко такъ... ну словно въ банѣ,
И стоитъ какой-то смрадъ.
Простиралъ я къ небу длани,
Охъ, ужъ *этотъ* маскарадъ!

Промочить задумавъ глотки,
Съ Васей кинулись въ буфетъ;
За четыре рюмки водки
(Цѣнъ такихъ нигдѣ и нѣтъ):
Съ насъ зеленую содрали.
„Не веселье—просто адъ",
Про себя мы повторяли,
Охъ, ужъ *этотъ* маскарадъ!

За спиной вдругъ голосъ сладкій
Дивной маскѣ шепчетъ мнѣ:
„Выйди въ залъ скорѣй украдкой",
Закипѣлъ я, какъ въ огнѣ!
Ей порывъ любви лишь нуженъ,
Не Аспазія—то кладъ,
Что же слышу... „ставь-ка ужинъ!"
Охъ, ужъ *этотъ* маскарадъ!

Подлѣ дивной индіанки
Увивался долго я;
Въ позѣ стоя, поиспански,
И любовь въ душѣ тая,
Я твердилъ... „мадамъ, ну, что-же...
Васъ безъ маски видѣть радъ!"
Лишь сняла—свиная рожа!
Охъ, ужъ *этотъ* маскарадъ!

За бутылкою лафита,
Подралися два купца:
Рожа перваго подбита,
Подъ глазами три рубца.
Но купецъ не унываетъ,
Хоть не ждалъ такихъ наградъ,

Потасовской отвѣчаетъ.
Охъ, ужъ *этотъ* маскарадъ!

И картинки маскарада
Пролетаютъ предо мной.
Что за жизнь, что за отрада.
Не ушелъ бы и домой!
Подъ галопъ изъ „Фатиницы“,
Безъ разбора старъ и младъ,
Всѣ летаютъ точно птицы,
Охъ, ужъ *этотъ* маскарадъ!

А—дръ Плещеевъ.

У парикмахера *).

Я сидѣлъ у куафера,
Очереди ждалъ,
И средь шума—разговора
Закуривъ—мечталъ...
Но покамѣсть ждалъ я стула,
И глядѣлъ вокругъ:
Мысль мнѣ свѣтлая блеснула
Вдругъ, вдругъ, вдругъ!

Хорошо сюда-бы вора
Чаще приводить:
Чтобъ ему отъ грязи, сора,
Совѣсть отскоблить.
Чище снѣга въ срокъ короткій
Былъ бы всякій воръ,
Я ему бы совѣсть щеткой
Теръ, теръ, теръ!

---

*) Куплеты, отмѣченные звѣздочкой, написаны для А. З. Бураковскаго, музыку на нихъ можно получить отъ него-же, какъ исполнителя.

Здѣсь совраса чумового
Хорошо учить;
Можно дурня записного
Скоро излѣчить
Съ нимъ методу бы простую
Я употребилъ,
Каждый день башку-бъ пустую—
Брилъ, брилъ, брилъ!..

Хорошо-бы изъ палаты
Или изъ суда
Чтобъ иные адвокаты
Чаще шли сюда,
Всѣ-бы вышли молодцами
Взявъ одинъ урокъ:
Я языкъ бы имъ щипцами—
Пекъ, пекъ, пекъ!..

Здѣсь банкира, если можно
Засадить на годъ,
(Если крахомъ онъ безбожно
Подкузьмитъ народъ)
Чтобъ не брали злые когти
Денежекъ чужихъ,
Каждый день бы имъ я ногти—
Стригъ, стригъ, стригъ!..

Привести сюда скорѣе
И ростовщика,
Былъ бы къ бѣднымъ онъ добрѣе
Здѣсь навѣрняка.
Къ бѣднякамъ онъ жалкимъ, хилымъ,
Чтобъ теплѣе былъ,
Каждый бы день я душу мыломъ
Мылъ, мылъ, мылъ!..

Я собралъ сюда-бы разныхъ
Милыхъ молодцовъ,
Аферистовъ всякихъ грязныхъ—

Миленькихъ дѣльцовъ.
Что ихъ тамъ пугать оглаской,
Прямо всѣмъ сейчасъ
Смазать морду черной краской
Разъ, разъ, разъ!..

Н. Стружкинъ.

Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ *).

Съ каждымъ днемъ мы шагаемъ впередъ
И становимся лучше, умнѣе.
Просвѣщенье межъ нами идетъ
Съ каждымъ днемъ все сильнѣй и сильнѣе.
Но должно быть нашъ жребій таковъ:
На Руси, гдѣ ни взглянь, повсемѣстно
Что за масса вездѣ дураковъ!
Одному только Богу извѣстно.

Намъ наука гласитъ, что вино
Есть источникъ различныхъ болѣзней!
И мы всѣ согласились давно,
Что не пить было-бъ право полезнѣй.
Но лишь только кому поднесли
Онъ налижется тотчасъ прелестно
Сколько пьяницъ у насъ на Руси
Одному только Богу извѣстно.

Съ незапамятныхъ дней Моисей
Намъ оставилъ завѣтъ не „укради“.
Во всѣхъ школахъ мы истиной сей
Всѣ бывало испишемъ тетради.
Но нашъ вѣкъ не настолько суровъ
И твердитъ:—красть совсѣмъ не безчестно!
Ахъ! Да сколько-жъ межъ нами воровъ!
Одному только Богу извѣстно.

Мы кричимъ громогласно, что тотъ,
Кто питаетъ къ себѣ уваженье,
Вѣкъ спины ни предъ кѣмъ не согнетъ.
Но мы любимъ въ душѣ униженье
Или стыдъ въ насъ совсѣмъ ужъ угасъ,
Раболѣпство ли очень ужъ лестно.
Сколько хамовъ-то, хамовъ средь насъ!
Одному только Богу извѣстно.

Посмотрите, какъ честь защищать
Ляпнемъ громко мы, вслухъ всенародно,
Но по моему мало кричать
Надо жить, поступать благородно.
Мы жъ насмѣшками съ разныхъ концовъ
Все клеймимъ, что высоко и честно...
Подлецовъ же у насъ, подлецовъ!
Одному только Богу извѣстно.

Этотъ вѣкъ свой не платитъ долговъ,
Тотъ дѣтей воспитать не желаетъ,
Тотъ за грошъ утопить васъ готовъ,
Этотъ бѣдныхъ сиротъ обираетъ.
Тотъ кричитъ или онъ, или я!
А обоимъ на свѣтѣ, намъ тѣсно
И ужъ сколько-жъ межъ нами жулья!
Одному только Богу извѣстно.

Н. Стружкинъ.

На память *).

Ахъ не вѣрьте вы нападкамъ,
Всюду ложь и клевета,
Страсть къ наживѣ, къ деньгамъ, взяткамъ
Вѣдь не русская черта.

За милліоны мы не сгубимъ
Нашу совѣсть, нашу честь,
Мы подарки даже любимъ
Лишь на память пріобрѣсть.

У меня былъ другъ пріятель
Самой рѣдкостной души.
Упокой его Создатель,
Вѣчной жизни не лиши.
Былъ онъ долженъ съ милліона,
Но долговъ не отдавалъ,
Онъ у всѣхъ во время оно
Лишь на память занималъ!

Близокъ къ смерти старый дядя.
А племянничекъ ужъ тутъ
Говоритъ, на старца глядя,
Страшенъ, грозенъ Божій судъ.
Но грѣхи отмыть есть средство.
Хочешь знать его?—скажи!
Ты въ духовной все наслѣдство
Мнѣ на память откажи.

Мнѣ пришлось однажды дѣло
Весть чрезъ сильнаго туза:
На меня надѣйтесь смѣло,
Онъ мнѣ самъ сказалъ въ глаза,
И сдержалъ онъ обѣщанье
Я скажу вамъ почему,
Три тысченки при прощаньѣ!
Далъ на память я ему.

Съ старикомъ живетъ кокотка
И по цѣлымъ днямъ брюзжитъ,
Что съ тобой, моя красотка?
Ахъ! отстаньте—говоритъ:
Я и дни, и ночи плачу,

[redacted]

Бѣлый свѣтъ мнѣ сталъ не милъ,
Папка! ты бъ на память дачу
Близъ Москвы мнѣ подарилъ!

Вы идете вдоль бульвара,
Мыслью заняты своей,
Нагло къ вамъ подходитъ пара
Безголосыхъ жалкихъ фей
И, съ развязностью солдатской,
Скажетъ вамъ подъ самый носъ—
Подарите, душка статскій,
Намъ на память папиросъ.

Хорошо одному жить на свѣтѣ! *)

Хорошо, когда-бъ на свѣтѣ
Я одинъ лишь докторъ былъ.
За визитъ вы что берете?
Я-бы тысячу спросилъ,
А сказали бы что нѣту—
Ну, идите умирать,
Да скорѣе мнѣ карету
Прикажите подавать.

Хорошо, когда-бъ на свѣтѣ
Я одинъ лишь былъ кассиръ,
Я тогда-бъ въ милліарды эти
Ухъ! какъ лапу запустилъ.
Всѣ бы биржи задрожали,
Банки-бъ тоже обобралъ
Фирмы всѣ-бъ не устояли,
Весь бы свѣтъ я обокралъ.

Хорошо, когда-бъ на свѣтѣ
Я одинъ лишь былъ актеръ,
Всѣ-бы мною восхищались,

Что тогда мнѣ режиссеръ!
Бенефисы-бъ бралъ большія
И подарковъ много бралъ,
А ужъ роли-то плохія
Я навѣрно-бъ не игралъ!

Хорошо, когда-бъ на свѣтѣ
Я одинъ былъ адвокатъ,
То въ пріемномъ кабинетѣ
Я-бъ повѣсилъ прейсъ-курантъ
За совѣтъ—рублей хоть 200,
За прошенье—тысячъ пять,
И за все за это вмѣстѣ
Милліонъ-бы можно взять!

Хорошо, когда-бъ на свѣтѣ
Я одинъ бы только жидъ,
Всѣ концессіи-бы эти
Завсегда я бралъ въ кредитъ.
Сколько-бъ кассъ и ссудъ полезныхъ
Я тогда-бы пооткрылъ.
И въ дорогахъ всѣхъ желѣзныхъ
Я-бъ одинъ директоръ былъ.

Смотря по обстоятельствамъ *).

Должны готовы быть
Ко всякой мы оказіи,
Ихъ всѣхъ предупредить
Пустѣйшія фантазіи,—
Ни за какой народъ.
Въ томъ не спѣшимъ ручательствомъ,
Подлунный міръ живетъ,
Смотря по обстоятельствамъ.

Провѣрить господа,
Чугунку не хотите-ли,
Бѣлугой иногда
Тамъ воютъ отправители,
Хотя вовсе не забьетъ
Ихъ агентъ вымогательствомъ,
А можно, гдѣ возьметъ,
Смотря по обстоятельствамъ.

Коль на купчинъ найдетъ
Стихъ пьяный при свиданіи,
Такъ только трескъ идетъ
Отъ милой ихъ компаніи.
Но пиръ, идя горой,
Кончается ругательствомъ,
Иль переходитъ въ бой,
Смотря по обстоятельствамъ.

Кассиръ нашъ карьеристъ
Слыветъ чуть не за генія!
Шикаренъ и форсистъ
Весь путь его служенія.
Онъ дорожитъ всегда
Правленія пріятельствомъ
И стянетъ иногда,
Смотря по обстоятельствамъ.

Какъ встарь и въ новый вѣкъ
Въ стезяхъ добра и бѣдствія
Не можетъ человѣкъ
Ручаться за послѣдствія,
Что будетъ съ кѣмъ потомъ,
Нельзя сказать съ ручательствомъ
Мы, значитъ, всѣ живемъ,
Смотря по обстоятельствамъ.

[redacted]

Что удобнѣе вдвоемъ *).

Я всегда готовъ куплетомъ
Кой кому хоть удружить,
Хоть не старъ я, но совѣтомъ
Я могу вамъ услужить.
Какъ хотите принимайте,
Но предупреждаю васъ;
Имъ вы не пренебрегайте—
Пригодится онъ для васъ.
Вѣрьте, все на свѣтѣ можно,
Только дѣйствуйте съ умомъ.
Одному что не возможно,
То весьма легко вдвоемъ!

Если кто вамъ предлагаетъ
Взятку крупную, мой другъ,
Удержитесь—кто ихъ знаетъ
Что случится можетъ вдругъ!
Секретарь вашъ, можетъ статься,
Либеральный человѣкъ:
Всѣхъ должны мы опасаться
Въ прогрессивный этотъ вѣкъ.
Подѣлитесь осторожно
Пополамъ съ секретаремъ:
Одному что невозможно,
То весьма легко вдвоемъ:

Былъ я холостъ, былъ моложе,
Былъ цвѣтущъ и полонъ силъ,
Я служить хотѣлъ, но что-же?
Даромъ мѣсто я просилъ...
Взялъ я съ горя да женился,
Сталъ начальству дорогъ я

[redacted]

И на службѣ очутился:
Сразу приняли меня.
И ворую я безбожно,
Нажилъ трехъ-этажный домъ:
Одному что невозможно,
То весьма легко вдвоемъ!

Богу не было угодно
Насъ дѣтьми благословить,
Сталъ супругу ежегодно
За границу я возить.
Былъ одно я лѣто занятъ
И самъ ѣхать я не могъ.
Былъ въ попутчики ей нанятъ
Мною врачъ, онъ ей помогъ...
Богъ въ тотъ годъ ей-ей не ложно
Наградилъ меня сынкомъ.
Одному что невозможно,
То весьма легко вдвоемъ!

Пѣть куплеты безъ суфлера
Очень трудно, господа,
Не заучишь ихъ такъ скоро—
Въ этомъ вся моя вина.
Пѣлъ ужъ ихъ я въ жизни столько,
Сколько въ жизни я строчилъ,
Что не помню я нисколько
Что, когда я заучилъ.
Отъ того-то осторожно
Спрятанъ мой суфлеръ тайкомъ...
Одному что невозможно,
То весьма легко вдвоемъ!

На мотивъ «Боккачіо».

Въ городскомъ Скопинскомъ банкѣ
Ненарокомъ вышелъ крахъ,
Оттого, что заправилы
Деньги всѣ спустили въ прахъ!..
    Вкладчикъ охаетъ-рыдаетъ
    Ему Рыковъ напѣваетъ:
„Не моя тутъ вина;
„Наша жизнь вся сполна
„Намъ судьбой суждена“.

Какъ-то разъ на Черну рѣчку
Я поѣхалъ вечеркомъ,
На фонарный столбъ наткнувшись,
Полетѣлъ вдругъ кувыркомъ.
    Я съ извощикомъ браниться;
    А извощикъ сталъ божиться:
„Не моя тутъ вина и проч.

Разъ на Лиговкѣ въ сугробѣ
Чуть не по уши увязъ,
Оттого, что тротуаромъ
Вздумалъ я пройти въ тотъ разъ.
    Думу публика ругаетъ;
    А ей дума напѣваетъ:
„Не моя тутъ вина и проч.

Разъ въ Апраксиномъ суконца
На сюртукъ себѣ купилъ,
Сшилъ, и что-жъ?—черезъ недѣлю
Сюртукъ цвѣтъ свой измѣнилъ.
    Я къ купцу—плутомъ ругаю,
    Тотъ въ отвѣтъ—я знать не знаю:
„Не моя тутъ вина и проч.

Г. С. М...й...ъ

Довольные люди.

Разсуждаетъ бойкій банковый дѣлецъ:
„Рыковъ въ Скопинѣ былъ бравый молодецъ,
Но за то изъ общей кассы, какъ нахалъ,
Милліоны всѣ по свѣту размахалъ.
Покаралъ его Господь въ недобрый часъ,
Ахъ, зачѣмъ-же онъ не бралъ примѣра съ насъ?
Наша курочка по зернышку клюетъ,
Все клюетъ и припѣваючи живетъ“.

Встрѣтивъ праздничекъ, чиновникъ разбитной
Разсуждаетъ въ канцеляріи одной:
„Нашъ директоръ широко шагнулъ впередъ,
Меньше „радужной“ за дѣло не беретъ...
Гдѣ-же гнаться за такимъ богатыремъ!
Мы—бѣдняги и по красненькой беремъ.
Наша курочка по зернышку клюетъ,
Все клюетъ себѣ и сытою живетъ“.

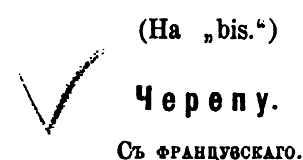
Восклицаетъ нѣкій стряпчій горячо:
„Что-же дѣлать, если не было еще
Мнѣ случайности, средь нашихъ грѣшныхъ душъ
Загрести себѣ вполнѣ солидный кушъ?
Выйдетъ случай, такъ нагрѣемъ мы бока
Недогадливымъ кліентамъ, а пока
Наша курочка по зернышку клюетъ,
Все клюетъ и припѣваючи живетъ!“

Философствуетъ прикащикъ торгаша:
„Что за прорва у хозяина душа!
Онъ два раза кредиторскій рубль ломалъ,
Обдуваетъ всѣхъ какъ прежде обдувалъ,
Мы-же рады гнуть и шапку на-бекрень,

Если стянешь хоть рублишко въ цѣлый день.
Наша курочка по зернышку клюетъ,
Все клюетъ себѣ и сытою живетъ...“

К—къ.

(На „bis.“)

Черепу.

Съ французскаго.

Скажи мнѣ, кость: гдѣ гордый разумъ,
Царившій нѣкогда въ тебѣ?
Гдѣ яркій цвѣтъ, потухшій разомъ
Со смертью въ тягостной борьбѣ?

Повѣдай, домикъ опустѣлый,
Гдѣ твой хозяинъ удалой?
Гдѣ твой мудрецъ, что мыслью смѣлой
Виталъ когда-то надъ землей?

Гдѣ пламень, съ юности пылавшій?
Гдѣ эта гордость до сѣдинъ?...
Скажи мнѣ, рабъ: гдѣ обладавшій
Тобой когда-то господинъ?..

К—къ.

---

* * *

Все на свѣтѣ трынь-трава:
Радости и муки,
Лишь была-бы голова,
Молодость, да руки...

Знай, работай отъ зари
До зари упрямо,
Да въ глаза врагамъ смотри
Весело и прямо...

Лишь одинъ изъ нихъ тебѣ
Будетъ не подъ силу—
Это смерть, но ты въ борьбѣ
Забывай могилу...

Омулевскій.

Ахъ!

„Лиза, дайте вашу ручку...“
Какъ-же! Вишь вы! вамъ позволька!
„А! такъ я—безъ позволенья..
(Лиза! „ахъ!“ вдругъ, но... и только).

„Лиза, можно мнѣ обнять васъ?“
Вы въ умѣ-ли? что-вы! что-вы!
„Ну такъ вотъ-же обниму-же...“
(Лиза ахнула тутъ снова).

„Лиза я васъ поцѣлую...“
— Смѣйте только! только смѣйте!
„А глядите вотъ и смѣю...“
— Ахъ!—„Да полно,—не краснѣйте...“

„Лиза!.. Что вамъ!—Вотъ что Лиза:
Перемѣнимтесь ролями,—
Ахну я теперь вамъ, вы-же
Поцѣлуйте меня сами“.

Елка.

Славный морозецъ сегодня какой!
Ѣду въ деревню дорогой большой...
Какъ-бы до мѣста добраться!..
Ну, Николай, ничего не жалѣй!
Разикъ, другой, прiударь лошадей!
Будетъ намъ нынче кататься!..
Лошади дружно помчали какъ разъ,
Этакъ въ деревню домчатъ онѣ насъ,
То-то погрѣемся любо!
Брр! Экой морозецъ!.. Нѣтъ силы терпѣть,
Грѣшное тѣло не можетъ согрѣть
Даже овчинная шуба!
— Вотъ и околица стала видна.
„Будемъ въ деревнѣ минутка одна!
Такъ утѣшаетъ ямщикъ мой Николка".
Въѣхали!—мчимся въ деревнѣ стрѣлой,
Вдругъ встали кони предъ грязной избой.
Гдѣ у дверей вбита елка...
Что это?.. Зачѣмъ ты всталъ, ямщикъ?.. что это?..
— „Экой ты, баринъ чудакъ!
„Развѣ не видишь!.. вѣдь это кабакъ!"

Ненадо.

* * *

— Папаша у меня къ тебѣ
Вопросовъ много есть...
Ты много жилъ—и знаешь все,—
Что значитъ слово честь?
— Честь? Честь—l'honneur... Да вотъ, дружокъ,

Могу примѣръ привесть:
Когда, ты взялъ подъ козырекъ,
То, значитъ, отдалъ честь.
— А долгъ, папаша?
— Долгъ ярмо,
Долгъ значитъ—денегъ взять.
Отдать заемное письмо
А... денегъ не отдать.
— А право?—Что-жъ ты не слыхалъ,
Какъ на смотру верхомъ
Кричитъ, гарцуя, генералъ:
Направо и кругомъ.

Житейская іерархія.

Строго различаемъ мы съ давнишнихъ поръ:
Маленькій воришка, или крупный воръ:

Маленькій воришка—пища для сатиръ,
Крупный воръ—навѣрно гдѣ нибудь кассиръ;

Маленькаго вора гонятъ со двора,
Крупнаго сажаютъ и въ директора;

Маленькій воришка сцапалъ и пропалъ,
Крупный, тоже сцапалъ,—нажилъ капиталъ;

Маленькій воришка угодилъ въ острогъ,
Крупному-же вору—въ пору все и въ прокъ;

Маленькимъ воришкамъ—мачиха зима,
Крупныхъ не пугаетъ и сама тюрьма,

И они спокойно ждутъ законныхъ каръ...
Тамъ, гдѣ шмель прорвется, берегись комаръ!

На комъ шапка горитъ.

Имѣя многіе таланты,
Къ несчастью, наши интенданты
Преподозрительный народъ.
Иной, заслыша слово: „воронъ“,
Рѣшаетъ, что сказали: „воръ онъ!“
И на его, конечно, счетъ;
А если кто проговорится
Невиннымъ словомъ „воробей“,
Онъ начинаетъ сторониться,
Поймавши звуки: „вора бей!“

〰〰〰

Славныя дѣти.

Любуяся въ деревнѣ
    На дѣтскую игру,
Сказалъ пріѣзжій баринъ
    Крестьянину Петру:
„Ну, что за ребятишки!
    Какъ милы и полны,
Румяны, будто пышки,
    Проворны и сильны.
А наши городскія—
    Какъ вялые цвѣты,
Тщедушны, золотушны,
    Болѣзненны, желты.
Ну, какъ вы ихъ такими
    Выводите на свѣтъ?..
— Да какъ сказать вамъ, сударь,
    Отецъ даетъ отвѣтъ:

[redacted]

— По милости Господней,
Вѣдь мы выводимъ ихъ
Ужъ какъ умѣемъ... сами...
Безъ помощи другихъ!..

„Пет. Листокъ“, 1883 г.

Perpetuum mobile.

Утро.

Роса, какъ святой фиміамъ,
Съ злачныхъ полей поднимается,
Все возсылаетъ мольбы къ небесамъ.
Русскій встаетъ и ругается.

Полдень.

Вокругъ все кипитъ суетой,
Дѣломъ народъ занимается,
Русскій работою занятъ дневной
И... между дѣломъ ругается.

Вечеръ.

Угасла на небѣ заря,
Все затихаетъ, смиряется,
Русскій ложится, молитву творя,
И засыпая... ругается.

Ночь.

Все безмолвно при кроткой лунѣ,
Міръ, какъ дитя, улыбается
Русскій уснулъ и несвязно во снѣ
Бредитъ и... съ кѣмъ-то ругается.

А. Пальминъ.

Осмотрительность.

Весь исполненный экстаза,
Страстію сгорая,
Палъ предъ ней я на колѣни,
Чувства изливая.

Но она, вскочивъ проворно,
Вдругъ меня прервала:
— „Что вы! что вы! какъ не стыдно!
Вотъ не ожидала!

„Вы? пріятель близкій мужа!
Развѣ такъ ведется?
Хорошо, что мужъ сегодня
Рано не вернется...

„А вѣдь ставни не закрыты,
Вотъ-бы вышло мило!“
И затѣмъ, какъ-бы случайно,
Лампу погасила.

Кокотка.

(Передъ сборомъ въ маскарадъ).

Ахъ, скажи, въ какомъ нарядѣ
Мнѣ явиться, Бога ради,
Чтобы стали въ маскарадѣ
Съ толку всѣ сбиваться?
— „Что-же! есть костюмъ особый:
Чтобъ прослыть другой особой“,
Честной женщиной попробуй
Замаскироваться.

[redacted]

Наша филантропія.

(Посвящается нѣкоторымъ членамъ „Общества покровительства животнымъ“),

У филантроповъ беззаботныхъ
Девизъ достойный лошадей:
„Быть покровителемъ животныхъ
И угнетателемъ людей“.
Дѣла ихъ могутъ огорошить
Всѣхъ гражданъ нынѣшняго вѣка:
Бьютъ человѣка словно лошадь,
А лошадь чтутъ, какъ человѣка.

Разнымъ Ицкамъ.

Заботы о своемъ добрѣ имъ
Въ упрекъ не ставятъ... Трудъ—трудомъ:
Мы сами отъ труда добрѣемъ,
Но—можно быть всегда *евреемъ*
И не прилично быть жидомъ.

Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

(Въ мірѣ хищниковъ).

Каждый хищникъ правъ всегда
И безгрѣшенъ, какъ овечка:
У него и для суда
Есть отвѣтное словечко.

— „На сто тысячъ сѣно гдѣ?“
Но онъ смотритъ петиметромъ,
Отвѣчая на судѣ:
— „Разнесло все сѣно вѣтромъ“...

Вопрошаютъ снова: „Ну-съ,
А куда муку вы дѣли?“
Хищникъ божится: „Клянусь,
Что муку всю крысы съѣли“.

— „Ну, а спиртъ гдѣ?“ Но вопросъ
Хапуну напрасно сдѣланъ;
Отвѣчаетъ бойко россъ:
„Отъ большихъ жаровъ сгорѣлъ онъ...

Д. Минаевъ.

* * *

Ахъ, какъ все на свѣтѣ ложно!
Правды нѣтъ ни на копѣйку...
Я сидѣлъ недавно съ милой,
Гладилъ бѣленькую шейку.

Взглядомъ страстно истомленнымъ
Упивался безмятежно,
Въ волосахъ ея роскошныхъ
Проводилъ рукою нѣжно.

Я дивился, что природа
Ей дала такую косу,
И прикладывалъ ее я
То къ губамъ своимъ, то къ носу.

Какъ ессенціей ванили,
Та коса благоухала!

Какъ роскошно внизъ съ головки
Черной змѣйкою бѣжала!

И ее рукой мощной
Сжалъ я, въ чудномъ упоеньи...
Вдругъ снурокъ, какой-то щелкнулъ...
Я отпрянулъ въ изумленьи...

Отвязалась, покатилась
Эта змѣйка вороная,
И шепталъ я, растерявшись:
„Привязная, привязная!“

Вейнберга.

Это звѣрь неукротимый.

Къ укротителю въ звѣринецъ
Онъ водилъ свою супругу
И сказалъ онъ: „Крейцбергъ старшій!
Окажи ты мнѣ услугу.

Ты владыка надъ звѣрями,
Укрощаешь львовъ, шакаловъ,
Ты смиряешь крокодиловъ
И съ сигарами нахаловъ.

Укроти мою супругу
Взглядомъ, голосомъ, хлыстами;
Докажи, что ты волшебникъ
И начальникъ надъ скотами.

Посмотрѣлъ ей въ очи Крейцбергъ!
Опустилъ свой, хлыстъ любимый
И промолвилъ тихо робко:
„Это звѣрь неукротимый!“

Гейне изъ Тамбова.

Лгунъ.

Собираясь ѣхать въ городъ,
Говорилъ Миронъ женѣ:
„Слушай, женка молодая,
Будь вѣрна себѣ и мнѣ.
    Если-жъ ты поддашься силѣ
    Искусителя—врага,
    То на лбу моемъ навѣрно“,
    Сразу выростутъ рога!..
— „Охъ, какія же ты страсти
Говоришь!..“ твердитъ жена:
„Что-же дѣлать мнѣ съ рогатымъ?—
Буду я тебѣ вѣрна“...
    Удальцомъ вскочилъ счастливецъ
    На коня и былъ таковъ,
    И вернулся во свояси
    Черезъ нѣсколько деньковъ.
Муженька встрѣчаетъ женка
И кричитъ ему, любя:
— „Эхъ, лгунишка, хвастунишка,
Гдѣ-жъ рога-то у тебя?!

„Пет. Лист“. 1883 г.

Обыкновенная исторія.

(Посвящается супругамъ).

Онъ взглянулъ; она взглянула—
И влюбились оба.
Обвѣнчались... да и дрались
Цѣлый вѣкъ—до гроба.
А на памятникѣ буквы
Яркія гласили:
Здѣсь супругъ съ своей супругой
Вѣчный миръ вкусили.

Андрей Комаровъ.

* * *

Всегда, какъ звѣздочки, твои сверкають глазки!
    На щечкахъ,—точно розы алыя цвѣтутъ;
Звучать уста твои привѣтомъ нѣжной ласки
    И поцѣлуй къ себѣ влекутъ.
Но не способна ты ни къ мысли, ни къ работѣ;
    Въ душѣ твоей нѣтъ отзыва мечтамъ святымъ,
Ты—словно книжечка въ роскошномъ переплетѣ
    И съ содержаніемъ пустымъ.

Л.

Въ духѣ времени.

Воруетъ аптекарь,
Кухарка крадетъ,
Обвѣситъ васъ пекарь,
Приказный сдеретъ.
Очистивъ до нитки,
Кассиръ убѣжитъ,
Фальшивой кредиткой
Поподчуетъ жидъ.
За волосъ—мочалу
Обойщикъ ввернетъ,
На новыхъ началахъ
Ге пьесу даетъ.
Надуетъ пріятель,
Обмѣритъ портной,—
И строго, читатель,
Слѣди за женой!

Птичка-невеличка.

Достаточная причина.

(Размышленія человѣка на веселѣ).

Въ озлобленіи понятномъ
Все вино бранятъ;
Справедливо говорятъ намъ,
Что вино намъ ядъ.
Въ организмѣ столько соковъ
Портитъ вѣдь оно,
И причина всѣхъ пороковъ
И всѣхъ золъ—вино.

Это все я ясно вижу,
И уже давно
Отъ души я ненавижу
Водку и вино;
И затѣмъ лишь я, ей-Богу,
Продолжаю пить,
Чтобы водку, понемногу
Вовсе истребить.

В. Точкинъ.

Рыцарь вѣка.

При вчерашней новой встрѣчѣ
Говорю я желчно другу:
„Ты опять мнѣ тѣ-же рѣчи
Запѣваешь про подругу...
Ты, съ рѣшеніемъ предвзятымъ
Продолжаешь все сердиться,
Что желая быть женатымъ
Не успѣлъ еще жениться?

То,—ты влюбишься въ Елену,
То за Ольгой снова бродишь,
И подобно Діогену
Человѣка не находишь!..“
Отвѣчалъ мнѣ рыцарь вѣка,
Съ видомъ грустнымъ и усталымъ:
— Я ищу не человѣка,
А невѣсту съ капиталомъ!..

Сирота Казанская.

Сходство.

Всѣ, кого считала въ жизни
Ты заклятыми врагами,
На твоихъ поминкахъ пышныхъ
Объѣдалися блинами...

Тѣ-жъ немногіе, къ которымъ
Чувство дружбы ты питала,
Или вовсе не явились.
Или ѣли очень мало...

И подумалъ я, что также
При тебѣ самой водилось:
Ты свиней кормила многихъ,
А людей кормить—стыдилась...

Камчаткинъ.

* * *

Маменька сказала:
(Тихо такъ, не грубо)
„Бойся ты скандала,
Миленькая Люба!

„Не ходи, одна ты
Въ гости безъ лакея.
Нынче, знаешь, хваты
Ото дня грубѣе!

„Ну... Чего смѣяться?..
Охъ!.. ужъ книги эти—
Все онѣ стремятся
Осмѣять на свѣтѣ.

„Люба!!? Стану строже,
Хоть сама не рада...
Воть ходить-бы тоже
Въ оперу не надо...

„Средствъ на ложу нѣту,
Дома-бы сидѣла...
А въ раёкъ... Вѣдь это,
Любушка не дѣло!“...

Глазками сверкая,
Люба отвѣчала:
—„Мама, ты такая
Вдругъ воркунья стала...

„Что-же, что одна я?...
Мнѣ въ райкѣ отлично.
Тамъ, ей-ей, родная,
Публика приличнѣй...

„Тамъ я не слыхала
Ничего такого...
Въ креслахъ... (генерала
Помнишь ты сѣдого?..)

„И ходить мнѣ можно
Безъ лакея, мама,
Франты осторожнѣй
Нынче стали съ дамой...

„Одного какъ взяли,
Струсили другіе;
Съ той поры, какъ стали
Судьи мировые!..“

Звѣрушка.

Обывательская надгробная.

(Изъ Сырокомли).

Крестьянъ дралъ плеткой,
Поилъ ихъ водкой,
Владѣлъ домами,
Ѣлъ борщъ съ рубцами;
Любилъ пить пиво,
Копилъ ретиво,
Имѣлъ страстишку
Метнуть картишку;
Передъ обѣдомъ
Болтать съ сосѣдомъ:
Война-ли грянетъ,
Иль миръ настанетъ?
На завтракъ ранній
Съѣлъ бокъ бараній
И жирныхъ, въ тѣстѣ,

Пельменей двѣсти.
По сей причинѣ
Придя къ кончинѣ,
Храпитъ во гробѣ
На ноздри обѣ,
Пока въ день судный
Услышитъ трубный
Призывъ съ Ѳавора:
— „Вставай, обжора,
Вѣдь все ужъ гинетъ...
Печенка стынетъ!“

Омулевскій.

Чета—какихъ много.

Повстрѣчался онъ съ ней въ переулкѣ глухомъ,
Подъ покровомъ таинственной ночи,
Заиграла въ немъ кровь, закипѣла ключемъ,
А у ней опустилися очи.

Съ ней подъ ручку идя все нашептывалъ онъ
На ушко ей любовныя рѣчи,
Онъ сулилъ ей блаженство и ласкъ милліонъ
И цѣлковый на хлѣбъ и на свѣчи.

Ей съ тѣхъ поръ отдаетъ онъ на этотъ предметъ
Всю свою заработную плату,
А она, починяя его туалетъ,
Каждый день нашиваетъ заплату.

Богданъ—овъ.

Къ ней.

I.

Своей жакетки не жалѣя,
Бросаюсь на полъ я:
— О, измѣни мнѣ поскорѣе,
Красавица моя!

Готовъ во всякую погоду
Ходить я безъ сапогъ,
Чтобъ только мнѣ найти къ разводу
Какой нибудь предлогъ!..

II.

Ты, въ жизни темной и безплодной,
Сіяя чудной красотой,
Звѣздой какой-то путеводной
Явилась вдругъ передо мной...

И тьму разсѣявъ понемногу,
Ты все вела меня, вела...
И чуть къ тюремному порогу,
Моя звѣзда, не привела!..

Чижикъ.

Съ натуры.

Въ жизни—шумъ и суетливость,
На дворѣ—ни тьма, ни свѣтъ,
На душѣ—одна тоскливость,
Въ головѣ—какой-то бредъ
Шопотъ, льстивые привѣты,
Подъ шумокъ—лихой обманъ,
Сплетни, гнусные навѣты,
Обличенья, и совѣты:
Береги карманъ!

Дрязги, шулерскія сходки,
Пустоцвѣтъ большихъ трудовъ
Скандалисты и кокотки,
Аферисты всѣхъ сортовъ.
Бубны, черви, трефы, пики;
Крахи, кражи кутежи,
Озабоченные лики,
Дружный храпъ, и хоромъ крики:
Караулъ! держи!!!

* * *

За чайнымъ столомъ засѣдая вдвоемъ,
Рѣшился я другу открыться—
Въ сердечномъ и тайномъ желаньи своемъ
На милой сосѣдкѣ жениться.
И другъ мой философъ отвѣтилъ тогда:
„Товарищъ, скажу я не ложно—
„На время быть пьянымъ—не стоитъ труда,
„А вѣчно кутить невозможно!“

На вербахъ.

На Невскомъ, близъ вербнаго торга,
Гуляетъ красавица-мать
Съ хорошенькой дочкой,—восторга
Малютки нельзя описать:
— Какія игрушки: вотъ пара
Барашковъ въ цвѣтущей степи...
А вотъ и гусаръ... мнѣ гусара,
Гусарчика, мама, купи!
— Какая смѣшная ты, душка;
Для мальчиковъ только, пойми,
Прилична такая игрушка,—
Ты ларчикъ вотъ лучше возьми.
— Не нуженъ, мамаша, мнѣ ларчикъ,
Не нравится ларчикъ мнѣ твой...
Мнѣ милъ деревянный гусарчикъ—
Тебѣ же, мамаша, живой!

Скорбный поэтъ.

* * *

Нашъ языкъ тоже дѣлаетъ дѣло,
Если смысломъ Господь наградилъ,
Въ старину, онъ до Кіева смѣло
Много путныхъ людей доводилъ...
Ну, а нынче, среди оживленныхъ
Разныхъ толковъ, шагнулъ онъ впередъ,
И до „мѣстъ" хоть „не столь отдаленныхъ",
Если хочешь—какъ разъ доведетъ!

К—къ.

Пословицы въ пѣсняхъ.

I.

Не хвали ты самъ себя—
Много есть умнѣй тебя;
О пустомъ не хлопочи,
Когда хлѣба нѣтъ въ печи.
Не надѣйся ты, какъ дѣдъ,
На мірской чужой обѣдъ.
Деньги плохо не клади
Вора въ грѣхъ ты не вводи,
Запирай покрѣпче дверь
И не всякимъ слухамъ вѣрь
Не корми меня ты тѣмъ
Чего вовсе я не ѣмъ.
Изъ одной простой муки
Пироговъ ты не пеки.
Накормивши калачемъ;
Не бей въ спину кирпичемъ;
Не подумавши впередъ,
Не суди честной народъ,
И не лѣзь осой въ глаза,
Если сѣлъ подъ образа.
Не спѣши ѣздой, гоня,
Накорми впередъ коня
И всегда готовымъ будь—
На хорошій, добрый путь.
Всѣхъ плѣшивыхъ—уважай
А паршивыхъ—объѣзжай;
Лучше знайся съ кабакомъ,
Чѣмъ съ набитымъ дуракомъ.
Не стыдись тогда молчать,
Когда не о чемъ кричать,
И не жди ты отъ быка
Никакого молока!...

II.

Знакомому публицисту.

У нашего свата—
Ни друга, ни брата;
Умомъ обносился
Ни съ кѣмъ не спросился,
Все судитъ и рядитъ
Ерошитъ и гладитъ,
Да жаль, что у свата
Спина-то горбата.
Шумитъ безъ умолку,
Для смысла-жъ и толку
Въ немъ нѣтъ, какъ у брюха,
Ни глаза, ни уха.
Не знаетъ вавила
Ни уха, ни рыла.
А баетъ вавила—
Въ мозгу, дескать, сила.

III.

Не вводи себя въ потачку
Про чужое ныть житье,
Наживи свою болячку,
А потомъ лѣчи ее.
Глупъ—такъ выше подбородка
Съ мудрецами въ споръ не лѣзь,—
Не по курицѣ походка,
Не по кошкѣ будетъ спѣсь.
Не покроешь небылицей
Протореннаго слѣда,
Въ полѣ солнца рукавицей
Не заслонишь никогда.
Словомъ свѣчки не задунешь,
Рѣчью—брюха не уймешь,
Шире рта впередъ не плюнешь,

Прежде смерти не умрешь.
Мѣрь всегда своимъ аршиномъ,
Смѣло вѣрь словамъ молвы,
Что и гребнемъ пѣтушинымъ
Не расчешешь головы,
Кошки сытыя не блудятъ,
А блудливыхъ больно бьютъ,
Въ наше время тѣмъ не шутятъ,
Чего въ руки не даютъ.
По коню—и кнутовище;
Не стряхнешь заботы съ плечъ,
Коль пропало топорище,
А топоръ ты бросилъ въ печь.
Свой расходъ всегда по дому
По доходу заводи,
Къ однокашнику босому
За лаптями не ходи.
Не кичись лиса во фракѣ,
И у насъ есть свой разсчетъ,
Что бываетъ и собакѣ
По хозяину почетъ.
Вѣдь съ наслѣдственной копѣйкой
Тотъ не будетъ молодцомъ,
У кого судьбой злодѣйкой
Носъ пришитъ не тѣмъ концомъ!

К—къ.

* * *

Забредя во время оно,
    Ночью, въ русскій погребокъ,
Вспомнилъ я Анакреона
    Развеселенькій стишокъ:

„Мальчикъ, ставь передо мною
    Чашу, вливъ въ нее вино,
Но вино разбавь водою,
    Чтобы не было хмѣльно!“

Мнѣ на это мальчикъ Павелъ
    Отвѣчалъ:—вино водой
Предостаточно разбавилъ
    Нашъ хозяинъ молодой.

Описаніе красавицы.

(Съ санскритскаго).

У моей красотки,
    Молвлю безъ прикрасъ:
Косы мягче шолку,
    Ручки какъ атласъ;
Щечки мягче пуху...
    Сердце лишь у ней
Жостче щетки, коей
    Чистятъ лошадей.

Ж—въ.

* * *

Нищихъ, по несчастью, много есть у насъ,
Нищіе повсюду не отходятъ съ глазъ,

Нищему съ презрѣньемъ мы бросаемъ грошъ,
Или гонимъ въ шею этихъ глупыхъ рожъ;

Нищихъ мы стыдимся при дѣлахъ своихъ
И брезгливо смотримъ на лохмотья ихъ.

Но когда-бъ могучею волею судьбинъ,
Въ цѣлой-то столицѣ нищій былъ одинъ,

Былъ-бы всѣмъ завидѣнъ нищаго удѣлъ,
Быть-бы этимъ нищимъ каждый захотѣлъ!..
Ибо этотъ нищій... (молвлю безъ прикрасъ)
Былъ-бы всѣхъ богаче въ городѣ у насъ.

Старый воробей.

Великій магъ.

(Одинъ изъ членовъ правленія взаимнаго кредита).

Передо мной должны во прахъ
Упасть кудесники и маги,
Смотрите, я держу въ рукахъ
Три бланки вексельной бумаги!

Держу, и, мудрости внемля,
Хочу идти на откровенность:
За нихъ дадутъ вамъ два рубля,—
Они теперь имѣютъ цѣнность.

Но подпишу лишь только ихъ
(У насъ на то снаровки хватитъ),
То вѣрьте Богу, что за нихъ...
Никто копѣйки не заплатитъ!

Прощаніе.

(Драматическая сцена).

Начальникъ.

„Я заявляю
На этотъ разъ,
Что оставляю
Съ прискорбьемъ васъ,
Внимайте дальше
Моимъ словамъ:
Служить безъ фальши
Желаю вамъ,
Глядѣть яснѣе
И быть честнѣе.
Желаю вамъ—
Грѣшки забыть,
Разумнѣй быть,
Служить построже
Уму—царю..."

Подчиненные.

— вамъ того-же?

Начальникъ.

„Блла-го-дарю!!!...

Опасная супруга.

Хоть и стара моя жена,
Но вѣрю я тревожнымъ слухамъ,
Что вся проникнута она
Либерализма вреднымъ духомъ.

Она публично выдаетъ
Игривость юнаго стремленья
И до сихъ поръ не отстаетъ
Отъ... молодого поколѣнья.

Ея упрямство цѣлый вѣкъ
Меня пугаетъ и тревожитъ;
Такой опасный человѣкъ
Терпимъ быть въ обществѣ не можетъ.

Но, между тѣмъ, скажу вамъ я,
Что съ цѣлой шайкой стрекулистовъ
Меня избавить отъ нея
Не можетъ даже частный приставъ!

N. N.

Въ пятнадцать лѣтъ, онъ понялъ знатность рода,
Отъ юношей въ успѣхахъ отставалъ
И въ младшихъ классахъ чуть не по три года
По старшинству онъ мѣсто занималъ.
Лѣтъ двадцати, катался онъ на тройкахъ,
На пикникахъ спускалъ свой капиталъ
И средь друзей на дружескихъ попойкахъ
По старшинству онъ мѣсто занималъ.
Онъ въ тридцать лѣтъ труды считалъ холопствомъ,
Какъ джентельменъ въ Парижѣ побывалъ
И въ долговомъ съ особеннымъ удобствомъ
По старшинству онъ мѣсто занималъ!

* * *

Бѣднякъ, съ своей душою чистой
Трудись, и лучшаго не знай,
И, совершая путь тернистый,
Свою судьбу не проклинай.
Старайся жить безъ всякой жажды,
Цѣни судьбу, хоть за одно,
Что умереть тебѣ однажды,
А не два раза суждено!

К—къ.

* * *

Больной и усталый,
Съ кручиной нѣмой,
Къ печальной подругѣ
Пришелъ я домой.
Спросилъ я подругу,
Свой вздохъ затая:
„О чемъ ты задумалась,
Крошка моя?"
— Я думала, милый,
Сказала она
Что вечеромъ завтра
Я дѣлать должна:
Наскучили клубы,
Балы, вечера,
Собранья, спектакли
И въ мушку игра,
Визиты и сплетни,
Знакомыхъ дома,—
Скажи, да когда же

Настанетъ зима,
Чтобъ можно намъ было
Устроить пикникъ?
Ты въ смыслъ моей рѣчи,
Навѣрное, вникъ.
Мнѣ скучно и грустно;
Повѣрь я не лгу,
А жить безъ занятій
Никакъ не могу!

Начало дружбы.

Отдавши долгъ „Ле-коку“
И перейдя къ мадерѣ,
Они душой и сердцемъ
Сошлись въ „Фоли-Бержерѣ“.

Оттуда на Крестовскій
Поѣхали въ коляскѣ,
Разстались у буфета
И встрѣтились въ участкѣ.

Старый воробей.

* * *

Поэтъ стремительно и страстно
Вслѣдъ за собой толпу зоветъ:
„Впередъ!“ и мы единогласно
За нимъ кричимъ: впередъ! впередъ!
Мы рукоплещемъ въ умиленьи,
Сердца въ насъ пламенно горятъ,
И вотъ въ сердечномъ увлеченьи
Мы... ракомъ пятимся назадъ...

Л. Пальминъ.

Изъ вашихъ нравовъ.

I.

Разъ, между общимъ разговоромъ,
Какъ очень близкому лицу,
Одинъ простякъ съ прямымъ укоромъ
Сказалъ солидному дѣльцу:

— Сосѣдъ, въ тебѣ задатки гадки,
Вѣдь ты по должности своей
Имѣешь чинъ такой, а взятки
Берешь десятками рублей...

„Эхъ, другъ! ума въ тебѣ не видно,
Сказалъ дѣлецъ въ отвѣтъ ему:
Мнѣ брать и тысячи не стыдно
По „положенью“ моему!“

II.

— Я весь растрепанъ, будто вѣникъ,
Надъ головой—бѣды висятъ,
Вѣдь я изъ ввѣренныхъ мнѣ денегъ
Растратилъ тысячъ пятьдесятъ!“

„Эге, дружокъ! да ты не малость,
„Въ свое просѣялъ рѣшето!
„А въ кассѣ много-ли осталось?“
—Да тамъ осталось тысячъ сто...

„Чего-жъ глядятъ глаза шальныя
И сталъ втупикъ ты, какъ бревно?—
Бери скорѣе остальные,—
Вѣдь отвѣчать-то за одно!“

* * *

Кассиръ, въ шумливомъ маскарадѣ,
Въ толпѣ блуждая какъ Гамлетъ,
Спросилъ у маски, шутки ради:
— Скажи мнѣ, сколько тебѣ лѣтъ?
И маска рѣзко отвѣчала:
— „Лѣтъ двадцать пять *иль* тридцать пять“.
Кассиръ, ехидно, какъ сначала,
Ей задаетъ вопросъ опять:
— Но это—не одно и то-же,
Повѣрь, я знаю счетъ давно,
Ужели, старше иль моложе
Тебѣ быть маска, все равно?
И маска, улыбнувшись страстно,
Сказала, франта отстраня:
— „Зачѣмъ считать года напрасно.
Ихъ не украдутъ у меня?
Къ моимъ годамъ, воровъ-вампировъ
Не привлечетъ наживы страсть,
И самый ловкій изъ кассировъ
Не ухитрится ихъ украсть!..“

* * *

„Вотъ Богъ послалъ еще обновку.
Здѣсь стали красть... Чудны дѣла!
Не ты-ль, мошенникъ, сторублевку
Стащилъ изъ нашего стола?..“
Такъ молвилъ при занятьяхъ честныхъ
Слугѣ, сгорая со стыда,
Одинъ изъ знатныхъ и извѣстныхъ
Дѣльцовъ сиротскаго суда.

На это—съ бѣшенымъ экстазомъ—
Сказалъ слуга: „божусь—ей-ей!
Имѣю совѣсть я, и *разомъ*
Отъ васъ не хапну ста рублей!..“

Канцелярская философія.

(Измышленія и изрѣченія отставного чиновника).

Стоитъ только шире
Развести мозгами,
Все поставить можно
Въ мірѣ вверхъ ногами...

Бредней философскихъ
Школы и системы,—
Все это ребячьи,
Государь мой, темы...

Очень часто въ сутки
Я перемѣняю
Трижды направленье,—
Такъ ужъ это знаю...

Если я о мѣстѣ,
Напримѣръ, мечтаю,
То идеалистомъ
Въ этомъ поступаю;

Если-жъ я успѣю
Дѣло сдѣлать чисто,
Въ роль вхожу невольно
Матеріалиста...

Если сунетъ деньги
Въ руки мнѣ проситель,
Я исполненъ вѣры
Словно небожитель...

Если-жъ обѣщаетъ:
„Молъ, на дняхъ отмѣрю..."
Тутъ ужъ атеистъ я,
Тутъ ужъ я не вѣрю...

Словомъ, государь мой,
Всѣ системы шатки
И, повѣрьте, прочны
Въ мірѣ—только взятки!

Камчаткинъ.

Долго-ль до грѣха.

За большой конторкою
Казначей сидитъ,
На казну онъ съ зоркою
Завистью глядитъ.
Въ портмоне, какъ въ Азіи
Посреди полей,—
Пусто, а фантазіи
На пятьсотъ рублей!
Въ мысли неутѣшныя
Лѣзетъ чепуха...
Брось ды думы грѣшныя,
Долго-ль до грѣха!

Точитъ фразы звонкія
Дѣланный актеръ
На пронырства тонкія
Больно онъ востеръ.

Мнимой даровитости
Пролагая путь,
Хочетъ знаменитости
За поясъ заткнуть.
Не спѣши бахвалиться,
Пресса не глуха.
Можно оскандалиться,
Долго-ль до грѣха!

Сватается къ Зиночкѣ
Труженикъ сосѣдъ;
Жаль, не по картиночкѣ
Женишокъ одѣтъ.
Онъ со зломъ не дружится,
Скроменъ, не рѣчистъ,
Но вкругъ Зины кружится,
Модный стрекулистъ.
Стрекулистъ ей нравится
Больше жениха.
Не глупи, красавица,
Долго-ль до грѣха!

N. подобно ласточкѣ
Показалъ всѣмъ прыть,
Но въ своемъ „участочкѣ“
Началъ вдругъ дурить.
Дѣло плохо вѣдаетъ,
Любитъ лишь доносъ
И куда не слѣдуетъ
Смѣло суетъ носъ.
Чиномъ хохорится
Пуще пѣтуха...
Брось, братъ, такъ задориться,
Долго-ль до грѣха!

К—къ.

* * *

Сережа! какъ,—кольцо на пальцѣ?
Кто далъ тебѣ, скажи скорѣй?
— „Отъ Лизы, папа; обѣщалъ я,
Что я женюсь потомъ на ней".

Жениться хочешь?—это мило!
Съ восьми-то лѣтъ—не ожидалъ!
— „Ахъ, папа, папа, да не бойся,—
Вѣдь я ей только обѣщалъ.

Незлобивый поэтъ.

По модѣ.

О, мода!.. сколько въ этомъ словѣ
Для сердца русскаго слилось,
И сколько слезъ, и сколько крови
Въ Руси за моду пролилось!..
Безъ моды дѣла мы не ступимъ,
Безъ моды шагу не начнемъ:
Мы свято моду чтимъ и любимъ
И только модою живемъ.
Мы книги модныя читаемъ,
По модѣ мыслимъ, говоримъ.
По модѣ трудимся, страдаемъ,
И веселимся и хандримъ.
По модѣ чувствами торгуемъ,
По модѣ дружбу продаемъ,
Рутину свѣтомъ именуемъ,
А свѣтъ рутиною зовемъ.
По модѣ оды реализму

Пискливымъ хоромъ все поемъ,
И юность въ жертву классицизму
Безъ сожалѣнья отдаемъ.
Умы, обычаи чужіе,
Стремленья, чувства, тьма и свѣтъ...
Сосредоточены въ Россіи
Въ одинъ прекраснѣйшій букетъ!

Н. Е. Б.

Законная скорбь.

Ѳома изъ города домой
Въ село вернулся самъ не свой:
Онъ пораженъ большимъ несчастьемъ,
Молчитъ, вздыхаетъ, слезы льетъ,
И вотъ, къ нему, съ своимъ участьемъ,
Сосѣдка добрая идетъ
И говоритъ: „ну, что съ тобою?
Чѣмъ разобиженъ ты судьбою?“
— Я разоренъ, я нищимъ сталъ,
Сказалъ Ѳома терплю я горе
Я потерялъ жену, и вскорѣ
Потомъ корову потерялъ!...
„Охъ, бѣдный, бѣдный, больно строго
Отнесся Богъ къ твоей нуждѣ,
Но у тебя друзей такъ много,
Помогутъ всѣ твоей бѣдѣ...“
— Эхъ, полно, тетка! отвѣчаетъ
Ѳома съ досадою на то:
— Жену мнѣ каждый предлагаетъ,
А вотъ корову—такъ никто!..

Несчастье.

Съ Луизой несчастье ужасное было:
Мчась на свиданье къ другу Амосу,
Дома она второпяхъ позабыла
Зубы, перчатки, румянецъ и косу...

Признаніе.

(Найдено въ бумагахъ одного сбѣжавшаго кассира).

Мой ангелъ! выслушай признанья:
Тебя я страстно полюбилъ!
Твой взоръ, прелестное созданье,
Меня, кассира,—погубилъ!

Твой взоръ заставилъ сердце биться
Вѣдь синева твоихъ очей
Едва-ли, думаю, сравнится
Съ кредиткой новой въ 5 рублей!

О, какъ бы я желалъ прижаться
Хоть разъ тайкомъ къ щекѣ твоей!
Съ румянцемъ щекъ могла-бъ сравняться
Кредитка въ 10 лишь рублей!

А шейка, ручки!.. восхищенье!
Бѣлѣе ихъ на свѣтѣ нѣтъ!—
Одно привесть могу въ сравненье!
То въ 25 рублей билетъ.

И глазъ съ тебя я не спускаю,
Готовъ забыть тогда весь свѣтъ,—

Въ карманъ, какъ будто, опускаю
Кредитный въ 100 рублей билетъ

И обокрасть хочу я кассу,
Въ 1,000,000 растрату произвесть,
Тюкъ облигацій, акцій массу
Тебѣ я въ даръ хочу принесть

Внемли-жъ моленію кассира,
Къ стопамъ твоимъ дозволь припасть
И... всѣ сокровищницы міра
Готовъ до тла я обокрасть!!!...

L'homme qui rit.

Комплиментъ.

Солнце за гору садилось,
Возвращался съ поля скотъ,
А помѣщикъ на коровокъ
Любовался у воротъ.

Колокольчикъ за плотиной
Прозвенѣлъ и въ тотъ же мигъ
Глядь... сосѣдъ его въѣзжаетъ
Въ дворъ на дрожкахъ бѣговыхъ.

„Ба!"—воскликнулъ тутъ хозяинъ,
„Петръ Иванычъ!.. вотъ не ждалъ!
Я иду встрѣчать скотину,
А Господь мнѣ васъ послалъ!"

Ежъ.

Картинка.

Ночь тиха, луны сіянье
Обливаетъ сонный садъ;
Чрезъ рѣшетку на свиданье
Лѣзетъ сѣрый дипломатъ,
И, мелькнувъ въ древесной тѣни,
Осторожно, точно воръ,
Въ кустъ раскидистой сирени
Франтъ юркнулъ черезъ заборъ.
Встрѣчи съ юной дѣвой-крошкой
Донъ-Жуанъ въ томленьи ждетъ
И песчаною дорожкой
Къ дому спящему идетъ.
Ими время до разсвѣта
Будетъ страсти отдано!..
Чу! стукъ слышенъ шпинарета,
Отворяется окно...
Шепчетъ франтъ: „въ тишь страстной ночки
Выходи, тебя я жду..."
Изъ окна басъ, какъ изъ бочки,
Гаркнулъ: „кто тутъ есть въ саду?!"
Фразой тою франтъ смутился,
Подобралъ свой дипломатъ
И бѣгомъ назадъ пустился
Черезъ тихо спящій садъ.
Франтъ бѣжитъ, ворча со злостью:
Чуетъ онъ, бѣдой томимъ,
Что съ увѣсистою тростью
Кто-то гонится за нимъ.
Стихло все: фигура фата
Скрылась въ близъ-шумящій боръ,
Только клокъ отъ дипломата
Украшалъ въ саду заборъ.

И. В.

Молодушка.

Изъ-подъ камушка течетъ
Рѣченька не малая,
Вдоль той рѣченьки идетъ
Голова удалая.
Во хмѣлю идетъ—съ женой
Молодой, проворною.
Какъ ронялъ-то удалой
Шапку свою черную,
Какъ ронялъ-то, говорилъ:
„Эка жизнь постылая!
Вотъ и шапку уронилъ,
Подними-ка, милая".
А жена ему въ отвѣтъ:
„Экій чортъ волочится!
Мнѣ поднять охоты нѣтъ,
Слушаться не хочется!
Самъ, поди, гораздъ поднять,
И не лѣзь съ угрозами!"
Какъ пойду я въ садъ гулять—
Стану подъ березами,
Стану, стану, млада я,
Надышуся вволюшку,
Да спрошу у соловья
Про свою про долюшку.
„Ты скажи, повѣдай мнѣ,
Молодой соловушка:
Дѣвкѣ-ль воля аль женѣ?
Чья смѣлѣй головушка?"
Какъ сказалъ-то соловей:
„Минула погодушка—
И ужъ волюшки твоей
Нѣтъ, какъ нѣтъ, молодушка.
Красны дни твои прошли—

Взяли дѣвью долюшку!
Дѣвкѣ косу расплели,
Отобрали волюшку!
За весной-красной идетъ
Осень съ тучей хмурою,
А за нею загудетъ
Зимня темень бурею.
То прошло! что шло вчера.
Поуймись, красотушка:
Ой, всему своя пора
И своя заботушка!“

И. Кондратьевъ.

Параллели.

I.

Бѣднякъ имѣлъ однажды дерзость
  Подтибрить грошъ,
Кричали всѣ: „какая мерзость!
  Какой грабежъ!“

II.

Но вотъ милліонъ похитилъ смѣло
  Одинъ дѣлецъ,—
И всѣ кричатъ: „вотъ это дѣло!
  Вотъ молодецъ!!“

Ежъ.

Комплиментъ.

Сорвавши розы лепестокъ,
Его, шутя, жуетъ кокетка;
А франтъ ей замѣчаетъ мѣтко:
„Вы съѣли розана листокъ,—
Сударыня,—*вы самоѣдка*!“

Мужья.

(Подмосковное сказаніе).

Мужъ съ женой красавицъ трехъ имѣли,
Трехъ дѣвицъ, трехъ взрослыхъ дочерей.
Вотъ красотки замужъ захотѣли,
Просятъ, молятъ: „замужъ поскорѣй!“
„Выйду я за сельскаго дѣтину!“
„Ахъ, мнѣ любъ посадскій мѣщанинъ!“
„Я люблю московскаго купчину—
Онъ что твой московскій дворянинъ“.

И пришли красавицы къ родимой,
Дочка первая тутъ молвитъ ей:
„Стала мужу я женой любимой,
Онъ всего на свѣтѣ мнѣ милѣй.
Онъ на всѣ дѣла проворный малый,
Какъ ни кинь—красавецъ и ловкачъ;
Рядитъ онъ меня все въ ленты алы.
Ахъ, по мнѣ, родимая, не плачь!“

Говоритъ вторая и смѣется:
„Удалось мнѣ счастьице мое,
Хорошо мнѣ, матушка, живется—

Ужъ такое-ль доброе житье!
Мужъ со мной и балуетъ и ладитъ...
Ремесломъ набивщикъ онъ и ткачъ.
Что ни день—онъ въ ситцы меня рядитъ.
Ахъ, по мнѣ, родимая, не плачь!"

Третья молвитъ, молвитъ и рыдаетъ:
„Знать, что сдуру замужъ я пошла!
Мужъ меня все въ шелки наряжаетъ,
Только жизнь мнѣ стала не мила:
Я живу въ дому его богатомъ,
Только мой—не мужъ онъ, а палачъ.
Что мнѣ въ золотѣ его проклятомъ!
Ахъ, по мнѣ, родимая, поплачь!"

М. Кондратьевъ.

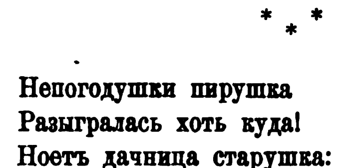
* * *

Весь луною озаренъ,
Городъ тихъ, вкушая сонъ
Въ непробудной тишинѣ...
Рѣдко кто проѣдетъ...
Околодочнымъ во снѣ
Дворникъ спящій бредитъ...

Робкій вкругъ вперяя взоръ,
Кто-то лѣзетъ чрезъ заборъ.
Видя вора въ тишинѣ,
Песъ залаялъ звучно...
Дворникъ спитъ, шепча во снѣ:
„Все благополучно!.."

Случайный поэтъ

* * *

Непогодушки пирушка
Разыгралась хоть куда!
Ноетъ дачница старушка:
„Это сущая бѣда!

Разгрязнило всю дорогу,
Воетъ вѣтеръ, дождь идетъ,
А отъ холода, ей-Богу,
Зубъ на зубъ не попадетъ!..“

Зубъ на зубъ, какъ мнѣ сдается,
Попадутъ у ней едва—
Вѣдь у бабки остается
Всѣхъ зубовъ-то только два...

Яръ-Хмѣль.

Въ тишинѣ весенней ночи
Ходитъ дивный чародѣй,—
Онъ заглядываетъ въ очи
Засыпающихъ людей:
Онъ ходилъ въ былые годы.
Ходитъ-бродитъ и досель,
Онъ дитя-шалунъ природы,
Онъ зовется Ярый Хмѣль...
Ходитъ онъ, закутанъ дымкой
И туманами ночей,
Точно шапкой-невидимкой
Обладаетъ чародѣй...
Забирается въ свѣтлицы,
Хоть запри ихъ на замки,

Знаетъ, вѣщій, что дѣвицы
Изнываютъ тамъ съ тоски,
Знаетъ, хитрый, что постеля
Для красавицъ холодна.
Что душа ихъ проситъ „хмѣля“.
Беззавѣтна и жадна...
И шепчетъ онъ имъ красоткамъ,—
Рѣчь у Хмѣля коротка:
„Скучно дѣвицамъ-лебедкамъ!..
Жизнь безъ друга не сладка!..“
Обожжетъ дыханьемъ плечи
Щеки бѣлаго лица.
Да примолвитъ къ прежней рѣчи:
„Полюбите молодца!..“
Опустѣютъ вдругъ свѣтлицы...
Не увѣдать, не узнать,
Гдѣ лебедушки-дѣвицы
Будутъ ночку коротать!..
Только знаетъ Хмѣль-проказникъ...
Спросишь,—скажетъ молодецъ:
„У меня сегодня праздникъ,—
„Праздникъ любящихъ сердецъ!
„Глянь ты въ садики-садочки,
„Что увидишь,—затаи,
„Тамъ подъ кровомъ темной ночки
„Гости „любятся“ мои!“
Гости—парни да дѣвицы,
„Хмѣль“ сидитъ у нихъ въ крови,
И звучатъ тамъ до зарницы
Рѣчи нѣги и любви...

С. Рыскинъ.

«И платимъ, и плачемъ мы только одни».

Дороги желѣзныя всюду идутъ,
Доходы ихъ быстро и чудно растутъ:
Директоръ, начальникъ, владыка правленья
И вся эта челядь сопитъ въ ожирѣньи...
Случись-же несчастье—въ наши то дни
„И платимъ, и плачемъ мы только одни!“

Мясникъ, восхваляя коммерческій рокъ.
Съѣдаетъ всегда наилучшій кусокъ,
А если заѣлся, то цѣну надбавитъ,
Себя-же въ убыткѣ, не бойсь, не оставитъ...
Оно и выходитъ, что въ наши-то дни
„И платимъ, и плачемъ мы только одни!“

Затѣялъ процессъ, такъ ты помни, камрадъ,
Тебя заберетъ молодой адвокатъ;
Хоть выиграть дѣло умѣнья и хватитъ
За то на процессъ онъ всю сумму истратитъ
И въ шумномъ весельи промчатъ его дни,
„А платимъ и плачемъ мы только одни!“

Жучецъ.

Наивность.

— Не плачь, ребеночекъ мой милый,
Не бойся замужъ выходить—
Женихъ тебѣ вѣдь не постылый,
Вѣкъ будетъ онъ тебя любить!
— „Легко вамъ говорить, мамаша,
Все-жъ страхъ беретъ меня большой...
Вѣдь вашъ женихъ былъ мой *папаша*,
А Петя мнѣ совсѣмъ *чужой!*...

Н. С.

Изъ міра растеній.

(мухоловка).

Надъ растеньемъ зеленымъ летая,
Ослабѣвъ на далекомъ пути,
Такъ и кружится муха, желая
Поудобнѣй мѣстечко найти.
Ей понравился листикъ зеленый,
Окропленный жемчужной росой,
И рѣсничками вкругъ окаймленный,
Какъ коверъ дорогой бахромой...
Не успѣла несчастная муха,
На листочекъ красивый слетѣть,—
Половинки захлопнулись глухо
И рѣсничекъ замкнулася сѣть.
Заманивъ красотою призывной,
Какъ Калипсо въ роскошный чертогъ,
Мухоловка изъ мухи наивной
Понемножечку выжала сокъ.
Какъ растенье, хорошенькихъ знаю
Я супругъ не одну и не двухъ...
Впрочемъ, тѣмъ я сказать не желаю,
Что мужья ихъ похожи на мухъ.

Д. И.

Онъ и она.

(коротенькій романъ).

Онъ и *она*,—ихъ было двое,
И въ часъ ихъ встрѣчи роковой,
При первомъ взглядѣ, ретивое
Забилось страстью огневой.
Она любила и страдала,

Въ разлукѣ съ нею *онъ* тужилъ,
Затѣмъ, не думая ни мало,
Ей руку съ сердцемъ предложилъ.
Прошло отъ свадьбы три недѣли,
Супругъ съ супругой пили чай—
На вещи врозь они глядѣли
И побранились невзначай.

Она оплакивала долю,
Онъ очень искренно тужилъ,
Она рѣчамъ давала волю,
Онъ—руку къ сердцу приложилъ...

Романъ съ любовною завязкой
Лишь три недѣли длиться могъ
И былъ оконченъ крупной таской,
Печальный вызвавъ эпилогъ.
Все быть и иначе могло-бы,
Но, видно жребій ихъ таковъ—
Какъ макъ *онъ* красенъ былъ отъ злобы.
Она красна—отъ тумаковъ...

В.

* * *

Лѣтъ минувшихъ дармоѣды
Лучше нашихъ или нѣтъ?
Тѣ—*давали намъ обѣды*,
Эти—*просятъ на обѣдъ!..*

Камчаткинъ

Юному всаднику.

Что за дивныя манеры!
Отъ него въ восторгѣ дамы...
Рѣчь его разитъ больнѣе
Ядовитой эпиграммы.

Послѣ перваго знакомства
Онъ сказалъ мнѣ, съ гордой миной:
Вы не можете ли, другъ мой,
Одолжить меня полтиной?

Цыганкѣ Грушѣ.

О, цыганка! пѣснью жгучей
Ты мнѣ душу прожигаешь.
Груша, Груша! въ этой пѣснѣ
Ты невидимо рыдаешь!

Знаю, стоятъ эти слезы
Для души твоей не мало...
— Баринъ, дайте пять цѣлковыхъ.
Чтобъ я больше не страдала.

* * *

Какъ ты пьянъ,—останься дома,
Потому что осмѣютъ,
И замѣтивъ, что ты веселъ,
Въ часть, пожалуй, заберутъ...

Если-жъ голоденъ и если
Нѣтъ въ карманѣ ничего,
Выходи тогда,—страданья
Не замѣтятъ твоего.

Ф. А—чъ.

Подъ портретъ плачущей дѣвы.

Ланиты блеклыя она
Слезами вѣчно орошаетъ.
Причина слезъ ея ясна:
Когда растенье увядаетъ
Поливка частая нужна.

Комаръ.

Человѣческая жизнь.

Зачаться, родиться,
Окрѣпнуть, развиться,
Кой-какъ поучиться,
Кой-гдѣ помѣститься,
Въ деньжонки влюбиться,
На дѣвѣ жениться,
За тѣмъ волочиться
Болѣть и лѣчиться,
Геенны страшиться,
Страдать и молиться—
Вотъ жизнь человѣка
Отнынѣ до вѣка!..

В. Т.

Близнецы.

— Скажите, не здѣсь-ли живетъ Жанъ Фоблазъ?
— Который-же, сударь? ихъ двое у насъ...
— Да тотъ, что богатъ... понимаешь меня ты?
— Но, сударь, они у насъ оба богаты.
— Ну, тотъ, что высокій, здоровый, блондинъ...
— Да оба они таковы, господинъ.

— Мнѣ надо того, кто скромнѣе, добрѣе...
— Для насъ они оба другъ друга щедрѣе.
— Того, кто владѣетъ красоткой женой?
— У нихъ у обоихъ по штучкѣ такой.
— Охъ, Боже, какой безтолковый дѣтина!..
Ну, словомъ, мнѣ надо того господина,
Что ходитъ съ рогами въ послѣдніе дни.
— Гм... сударь, да оба такіе они!

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

III

[illegible] [illegible] [redacted]

Stanford University Libraries
3 6105 006 021 666

